

ВОСТОЧНЫЙ АЗИМУТ

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

№ 2(5)
2026

ВОСТОЧНЫЙ АЗИМУТ:
ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

№ 2(5)
2026

AZIMUTH ORIENTALE:
ECONOMICS, SOCIOLOGY, ETHNOLOGY

No. 2(5)
2026

Сетевой научный журнал
ВОСТОЧНЫЙ АЗИМУТ: ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук

Главный редактор

д. соц. н., доц. Д. Д. Бадараев

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров (Улан-Удэ) – председатель	д. соц. н. Е. Г. Маклашова (Якутск)
акад. АНМ Т. Дорж (Улан-Батор, Монголия)	д. и. н., проф. М. С. Михалев (Москва)
акад. АНМ Ц. Цэрэндорж (Улан-Батор, Монголия)	д. э. н., проф. РАН, доц. С. Н. Найден (Хабаровск)
д. и. н., доц. Э. П. Бакаева (Элиста)	Ph.D., проф. Насанбаяр (Хух-Хото, КНР)
д. э. н., проф. А. О. Баранов (Новосибирск)	д. и. н., доц. И. В. Октябрьская (Новосибирск)
д. э. н., проф. И. П. Глазырина (Чита)	д. филос. н., проф. Ю. В. Попков (Новосибирск)
д. филос. н., проф. З. Т. Голенкова (Москва)	д. и. н. Е. Н. Романова (Якутск)
д. э. н., проф. чл.-кор. АНМ А. Даваасурэн (Улан-Батор, Монголия)	Sc.D., проф. С. Тумур-Очир (Монголия)
д. и. н., проф. П. К. Дашковский (Барнаул)	д. и. н., проф. Т. Д. Скрынникова (Санкт-Петербург)
д. соц. н., проф. М. Б. Лига (Чита)	

Редакционная коллегия

д. э. н., проф. З. Б.-Д. Дондоков (Улан-Удэ) – отв. ред.	к. э. н. Д. Б. Дугаржапова (Улан-Удэ)
д. и. н., доц. Е. В. Айыжы (Кызыл)	к. соц. н., доц. В. Г. Жалсанова (Улан-Удэ)
Н. А. Бабуева – отв. секр. (Улан-Удэ)	д. соц. н., доц. С. Н. Иванова (Улан-Удэ)
к. г. н. В. С. Батомункуев (Улан-Удэ)	д. и. н., проф. Л. В. Курас (Улан-Удэ)
д. и. н. А. С. Бреславский (Улан-Удэ)	д. и. н. О. С. Ринчинов (Улан-Удэ)
д. э. н., доц. В. Ю. Буров (Чита)	к. и. н. Е. В. Самушкина (Новосибирск)
д. соц. н. Ю. Г. Бюраева (Улан-Удэ)	д. и. н. М. М. Содномпилова (Улан-Удэ)
д. э. н., проф. Е. Н. Ванчикова (Улан-Удэ)	д. г. н. Н. М. Сысоева (Иркутск)
к. и. н. П. К. Варнавский (Улан-Удэ)	Ph.D. О. Хатанболд (Улан-Батор, Монголия)
к. соц. н. И. Д. Васильева (Улан-Удэ)	к. и. н., доц. А. И. Яковлев (Якутск)
к. и. н. Н. К. Данилова (Якутск)	

Журнал включен в систему РИНЦ

*Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-90124
от 22 сентября 2025 г.*

Перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым журнал принимает статьи к публикации:

5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.3 – Демография;
5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография.

Журнал открытого доступа.

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://azimut-orientale.ru>

Online Scientific Journal
AZIMUTH ORIENTALE: ECONOMICS, SOCIOLOGY, ETHNOLOGY

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
«Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences»

Editor-in-Chief

D. Sc. in sociology, Ass. Prof. D. D. Badaraev

Editorial Board

Academician of the RAS B. V. Bazarov (Ulan-Ude) –
chairman

Academician of the MAS T. Dorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Academician of the MAS Ts. Tserendorj (Ulaanbaatar,
Mongolia)

D. Sc. in history, Ass. Prof. E. P. Bakaeva (Elista)

D. Sc. in economics, Prof. A. O. Baranov (Novosibirsk)

D. Sc. in economics, Prof. I. P. Glazyrina (Chita)

D. Sc. in philosophy, Prof. Z. T. Golenkova (Moscow)

D. Sc. In economics, Prof. A. Davaasuren

(Ulaanbaatar, Mongolia)

D. Sc. in history, Prof. P.K. Dashkovsky (Barnaul)

D. Sc. in sociology, Prof. M. B. Liga (Chita)

D. Sc. in sociology E. G. Maklashova (Yakutsk)

D. Sc. in history, Prof. M. S. Mikhalev (Moscow)

D. Sc. in economics, Professor of the RAS,

Ass. Prof. S. N. Naiden (Khabarovsk)

Ph.D., Prof. Nasanbayar (Hohhot, PRC)

D. Sc. in history, Ass. Prof. I. V. Oktyabrskaya

(Novosibirsk)

D. Sc. in philosophy, Prof. Yu. V. Popkov (Novosibirsk)

D. Sc. in history E. N. Romanova (Yakutsk)

D. Sc. in sociology, Prof. S. Tumor-Ochir

(Ulaanbaatar, Mongolia)

D. Sc. in history, Prof. T. D. Skrynnikova

(Saint Petersburg)

Editors

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov (Ulan-
Ude) – executive editor

D. Sc. in history, Ass. Prof. E.V. Ayizhi (Kyzyl)

N. A. Babueva (Ulan-Ude) – executive secretary

Cand. Sc. in geography V. S. Batomunkuev (Ulan-Ude)

D. Sc. in history A.S. Breslavsky (Ulan-Ude)

D. Sc. in economics, Ass. Prof. V. Yu. Burov (Chita)

D. Sc. in sociology Yu.G. Byuraeva (Ulan-Ude)

D. Sc. in economics, Prof. E. N. Vanchikova (Ulan-Ude)

Cand. Sc. in history P. K. Varnavsky (Ulan-Ude)

Cand. Sc. in sociology I. D. Vasilyeva (Ulan-Ude)

Cand. Sc. in history N. K. Danilova (Yakutsk)

Cand. Sc. in economics D. B. Dugarzhapova (Ulan-Ude)

Cand. Sc. in sociology, Ass. Prof. V. G. Zhalsanova
(Ulan-Ude)

D. Sc. in sociology, Ass. Prof. S. N. Ivanova (Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras (Ulan-Ude)

D. Sc. in history O. S. Rinchinov (Ulan-Ude)

Cand. Sc. in history E. V. Samushkina (Novosibirsk)

D. Sc. in history M. M. Sodnompilova (Ulan-Ude)

D. Sc. in geography N. M. Sysoeva (Irkutsk)

Ph.D. O. Khatanbold (Ulaanbaatar, Mongolia)

Cand. Sc. in history, Ass. Prof. A. I. Yakovlev (Yakutsk)

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-90124 of 22 September 2025

The list of scientific disciplines and their corresponding branches of science, for which the journal accepts articles for publication:

5.2.3 – Regional and sectoral economy; 5.2.5 – World economy; 5.4.3 – Demography; 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes; 5.6.4 – Ethnology, anthropology and ethnography.

Open Access Journal

All issues of the journal are available on the official website of the journal from the date of publication:
<https://azimut-orientale.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

<i>Дондоков З. Б.-Д. Эволюция общественного развития регионов Внутренней Азии: переосмысление экономических, социальных и этнических процессов.....</i>	<i>7</i>
---	----------

ЭКОНОМИКА

Пространственно-стратегические и управленческие аспекты развития территорий

<i>Ли Ц., Батбаатар М. Исследование пространственно-временной эволюции и механизмов качества жизни городских жителей в Хух-Хото</i>	<i>9</i>
<i>Ванчикова Е. Н. Факторы и стратегии развития российских регионов Внутренней Азии: от анализа ограничений к поиску точек роста в контексте пространственных трансформаций.....</i>	<i>22</i>
<i>Базаров А. Б. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений в стратегическом управлении Российской Федерации.....</i>	<i>33</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Занятость и здравоохранение в ракурсе региональных проблем

<i>Дашибалова И. Н. Триада маскулинности в тисках прекарности: дискурс «добытчика» и трудовые практики в вахтовых сообществах Бурятии.....</i>	<i>44</i>
<i>Бабуева Н. А. Современные тенденции на рынке труда для выпускников СПО.....</i>	<i>58</i>
<i>Попова М. В. Социологические подходы к изучению межсекторного социального партнерства в системе здравоохранения</i>	<i>73</i>

ЭТНОЛОГИЯ

Этнополитические факторы развития российской Внутренней Азии

<i>Михалев М. С. Сакрализация государственной власти: бурятский опыт.....</i>	<i>83</i>
<i>Михалев А. В. Прошлое для кланов, или неотрайбализм как способ переосмысления истории в российской Внутренней Азии.....</i>	<i>90</i>
<i>Варнавский П. К. Постсоветский транзит бурятской этничности: от суверенизации к новой традиционности.....</i>	<i>99</i>

ПРОБА ПЕРА

<i>Сергеева Е. А. Применение ИИ-инструментов в изучении английского языка: глобальные возможности и опыт старшеклассников г. Улан-Удэ.....</i>	<i>107</i>
--	------------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бадараев Д. Д., Плеханова А. М., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Научная сессия ИМБТ СО РАН – 2026: итоги социологических, экономических и этнологических исследований.....</i>	<i>114</i>
<i>Бадараев Д. Д., Жалсанова В. Г., Бильтрикова А. В. Навстречу III Байкальскому социологическому форуму.....</i>	<i>121</i>
<i>Бадмаева Л. Б., Дамбуев И. А. Основоположники бурятской ономастики (к 105-летию А. Г. Митрошкиной и 75-летию Л. В. Шулуновой).....</i>	<i>127</i>
<i>Миягашев Д. А. Южные элементы в культуре хунну и их распространение на северо-востоке Китая: открытый семинар профессора Пань Лин в ИМБТ СО РАН.....</i>	<i>135</i>
<i>Варнавский П. К. Проблемы и перспективы развития государственной системы здравоохранения Республики Бурятия: обзор доклада Е. Ю. Башкуевой на открытом семинаре ИМБТ СО РАН.....</i>	<i>141</i>

CONTENTS

EDITORIAL INTRODUCTION

<i>Dondokov Z. B.-D.</i> The Evolution of Social Development in the Regions of Inner Asia: Rethinking Economic, Social and Ethnic Processes.....	7
--	---

ECONOMICS

Spatial-Strategic and Managerial Aspects of Territorial Development

<i>Li C., Batbaatar M.</i> A Study on the Spatio-Temporal Evolution and Mechanism of Urban Residents' Quality of Life in Huhhot.....	9
<i>Vanchikova E. N.</i> Factors and Strategies for the Development of Russian Regions of Inner Asia: From Analyzing Constraints to Searching for Growth Points in the Context of Spatial Transformations.....	22
<i>Bazarov A. B.</i> Intelligent Decision Support Systems in the Strategic Management of the Russian Federation.....	33

SOCIOLOGY

Employment and Healthcare in The Context of Regional Issues

<i>Dashibalova I. N.</i> The Triad of Masculinity in the Grip of Precarity: The “Breadwinner” Discourse and Labor Practices in the FIFO Communities of Buryatia.....	44
<i>Babueva N. A.</i> Current Trends in the Labor Market for Vocational Education Graduates.....	58
<i>Popova M. V.</i> Sociological Approaches to the Study of Cross-Sector Social Partnership in the Healthcare System	73

ETHNOLOGY

Ethnopolitical Factors in The Development of Russian Inner Asia

<i>Mikhalev M. S.</i> Sacralization of State Power: Buryatia Case	83
<i>Mikhalev A. V.</i> The Past for The Clans or Neotribalism as a Way to Rethink History in Russian Inner Asia.....	90
<i>Varnavsky P. K.</i> Post-Soviet Transition of Buryat Ethnicity: From Sovereignty to a New Traditionalism	99

FIRST ATTEMPT AT WRITING

<i>Sergeeva E. A.</i> The Use of AI Tools in Learning English: Global Capabilities and Real-Life Experience of High School Students in Ulan-Ude.....	107
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Badaraev D. D., Plekhanova A. M., Zhalsanova V. G., Breslavsky A. S.</i> Scientific Session of the IMBT SB RAS – 2026: Results of Sociological, Economic, and Ethnological Research.....	114
<i>Badaraev D. D., Zhalsanova V. G., Biltrikova A. V.</i> Towards the III Baikal Sociological Forum.....	121
<i>Badmaeva L. B., Dambuev I. A.</i> The Founders of the Buryat Onomastics (Dedicated to the 105th Anniversary of A. G. Mitroshkina and the 75th Anniversary of L. V. Shulunova).....	127
<i>Miyagashev D. A.</i> Southern Elements in Xiongnu Culture and Their Spread in Northeast China: Open Seminar by Professor Pan Ling at the IMBT SB RAS.....	135
<i>Varnavsky P. K.</i> Problems and Prospects for the Development of the State Healthcare System in the Republic of Buryatia: a Review of the Report by E. Yu. Bashkueva at the Open Seminar of the IMBT SB RAS.....	141

Для цитирования: Дондоков З. Б.-Д. Эволюция общественного развития регионов Внутренней Азии: переосмысление экономических, социальных и этнических процессов // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 7–8. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-7-8

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

THE EVOLUTION OF SOCIAL DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF INNER ASIA: RETHINKING ECONOMIC, SOCIAL AND ETHNIC PROCESSES

Пятый выпуск нашего журнала получился разнообразным по научным направлениям и географии авторов. Отрадно, что складывается традиция публикации статей зарубежных исследователей.

Экономическую рубрику открывает совместная статья Ц. Ли (КНР) и М. Батбаатар (Монголия), посвященная исследованию динамики и факторов качества жизни жителей г. Хух-Хото – столицы Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Авторами выявлены закономерности пространственной дифференциации в разрезе районов и микрорайонов города. Сделан вывод о значительном повышении качества жизни жителей и снижении пространственной поляризации. В статье Е. Н. Ванчиковой представлен анализ ранее опубликованного в журнале исследования З. Б.-Д. Дондокова, посвященного экономическому развитию российских регионов Внутренней Азии. Автор акцентирует внимание на поиске новых точек роста, включая развитие транспортно-логистической инфраструктуры и перспективы трансграничного сотрудничества с Монголией. Вопросы совершенствования системы принятия стратегических решений рассматриваются в статье А. Б. Базарова. Сделан вывод о необходимости развития интеллектуальной поддержки решений с использованием информационно-аналитических систем и цифровых контуров не только в рамках государственных и корпоративных структур, но в отношении домохозяйств как важнейшего объекта стратегического управления.

В публикациях раздела «Занятость и здравоохранение в ракурсе региональных проблем» рассматриваются актуальные для России вопросы развития ключевых отраслей социальной сферы. Статья И. Н. Дашибаловой посвящена социально-антропологическому анализу жителей Республики Бурятия, занятых вахтовым трудом. Автор рассматривает вахту как сложное социокультурное поле, в котором происходит трансформация социального порядка и гендерных контрактов. В работе Н. А. Бабуевой поднимаются вопросы обеспечения потребности рынка труда в профессиональных кадрах. Сделан вывод об устойчивом спросе на выпускников среднего профессионального образования. В фокусе исследования М. В. Поповой оказалась проблема межсекторального социального партнерства в сфере здравоохранения, осуществляемого между органами государственной власти, медицинскими организациями, страховыми структурами, некоммерческими объединения и пациентскими сообществами.

В рубрике «Этнополитические факторы развития российской Внутренней Азии» авторы сосредоточились на исторических аспектах этнической политики в Бурятии. Открывает ее статья М. С. Михалева, в которой рассматривается бурятский опыт взаимодействия религиозных институтов и государственной власти. Автор исследует процессы легитимизации бурятского буддизма в контексте теологическая теория происхождения государства. Продолжением данной тематики выступила публикация А. В. Михалева, в которой поднимаются вопросы о родоплеменных отношениях и политических кланах в Бурятии. В фокусе исследовательского внимания находится категория «неотрайбализм», которую автор рассматривает не только как политическую идеологию, но и язык, при помощи которого описываются общественные отношения. В статье П. К. Варнавского анализируются две стадии формирования бурятской этничности в постсоветский период: этническая мобилизация в 1990-е гг. и деконструкция политизированной этничности путем объективации культуры в последующие годы.

В разделе «Проба пера» публикуется текст независимого исследователя Е. А. Сергеевой, посвященный сопоставлению возможностей применения ИИ-инструментов в изучении английского языка с реальным опытом их использования старшеклассниками г. Улан-Удэ.

Рубрику «Научная жизнь» открывает коллективная статья, посвященная итогам социологических, экономических и этнологических исследований за 2025 г., представленным на научной сессии ИМБТ СО РАН. Вторая статья является анонсом предстоящего в августе 2026 г. III Байкальского социологического форума, в рамках которого пройдут международная научно-практическая конференция «Трансграничье Востока России в условиях современных вызовов», посвященная 60-летию сектора социологии ИМБТ СО РАН и 35-летию кафедры политологии и социологии БГУ им. Д. Банзарова, и традиционная Байкальская летняя школа социологов. В статье Л. Б. Бадмаевой и И. А. Дамбуева изложены итоги проведения круглого стола, посвященного 105-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора А. Г. Митрошкиной и 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л. В. Шулуновой. Статья Д. А. Миягашева знакомит читателей с обзором доклада профессора Пань Лин (Северо-Западный университет, г. Сиань, Китай), посвященного южным культурным элементам в материальной культуре хунну и их распространению на северо-востоке Китая, представленного в рамках серии открытых семинаров ИМБТ СО РАН. В статье П. К. Варнавского приведен обзор доклада Е. Ю. Башкуевой на очередном открытом семинаре ИМБТ СО РАН, в котором проанализированы ключевые проблемы и перспективы развития государственной системы здравоохранения Республики Бурятия.

*С уважением,
ответственный редактор, д.э.н.,
главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН
З. Б.-Д. Дондоков*

ПРОСТРАНСТВЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья

УДК 332

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-9-21

C. Li, M. Batbaatar

A STUDY ON THE SPATIO-TEMPORAL EVOLUTION AND MECHANISM OF URBAN RESIDENTS' QUALITY OF LIFE IN HUHHOT

Urban residents' quality of life, as a key indicator for measuring urban sustainable development and residents' well-being, is of significant importance for understanding the social spatial structure within cities and residents' satisfaction with their lives. Taking Huhhot as an example, this study analyzes the spatiotemporal evolution characteristics of residents' quality of life at three scales – city, district, and subdistrict – using the Quality of Life Index Method and Inverse Distance Weighted Interpolation Method, based on socioeconomic statistical data and census information from 2016 to 2024. Through conducting Bivariate Correlation Analysis and Multiple Linear Regression Models, this study investigates the impact mechanisms of residents' individual attributes and urban development elements on quality of life from two perspectives. The findings indicate that the overall quality of life of residents in Huhhot is steadily improving, exhibiting a “center-periphery” gradient difference in spatial distribution. Specifically, Yuquan District and Xincheng District have higher quality of life indices, whereas the improvement in Huimin District is relatively slow. Regarding individual attributes, factors such as educational level, income, occupation, and housing conditions significantly influence quality of life; meanwhile, urban renewal, optimization of public service facilities, economic development, and policy guidance are the primary drivers of Quality of Life improvement.

Keywords: Quality of Life of Urban Residents, Spatio-temporal Evolution, Influencing Factors; Mechanism Analysis, Huhhot city.

For citation: Li C., Batbaatar M. A Study on the Spatio-Temporal Evolution and Mechanism of Urban Residents' Quality of Life in Huhhot // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 9–21. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-9-21

Ц. Ли, М. Батбаатар

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ И МЕХАНИЗМОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В ХУХ-ХОТО

Качество жизни городских жителей как ключевой показатель измерения устойчивого развития городов и благополучия населения имеет большое значение для понимания социально-пространственной структуры внутри городов и удовлетворенности жителей своей жизнью. На примере г. Хух-Хото анализируются пространственно-временные характеристики эволюции качества жизни жителей на трех уровнях – города, района и микрорайона – с использованием методов индекса качества жизни и интерполяции взвешенных обратных расстояний на основе социально-экономических статистических данных и данных переписи населения за 2016–2024 гг.

С применением двумерного корреляционного анализа и моделей множественной линейной регрессии в исследовании рассматриваются механизмы влияния индивидуальных характеристик жителей и элементов городского развития на качество жизни с двух точек зрения. Результаты показывают, что общий уровень качества жизни жителей Хух-Хото стабильно повышается, демонстрируя пространственное распределение с градиентом «центр – периферия». В частности, в районах Юйцюань и Синьчэн индекс качества жизни выше, тогда как в районе Хуэйминь темпы улучшения относительно медленные. Что касается индивидуальных характеристик, такие факторы, как уровень образования, доход, профессия и жилищные условия, существенно влияют на качество жизни; в то же время обновление городской среды, оптимизация объектов общественного обслуживания, экономическое развитие и государственная политика являются основными движущими силами повышения качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни городских жителей, пространственно-временная эволюция, влияющие факторы, анализ механизмов, г. Хух-Хото.

Che li ge er-Li – the School of International Education Instructor, Inner Mongolia University of Finance and Economics, Doctoral Student of the Department of the Sociology and Social Work, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia). ORCID: 0009-0001-7339-5387. E-mail: suya20190508@163.com.

Batbaatar Monkhooroi – Ph.D, Associate Professor of the School of Sciences, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia). ORCID: 0000-0001-5308-324X. E-mail: mbatbaatar@num.edu.mn; batbaatar@gmail.com.

1. Introduction

Promoting high-quality urbanization centered on people is not only a strategic action goal proposed by Chinese Government in the 2025 Government Work Report of the State Council but also a core issue. The quality of life for urban residents is not only related to individual happiness and sense of gain but also a key indicator for measuring the level of social equity, spatial justice, and sustainable development in cities [苏奕姣 2025]. Unlike pure economic growth indicators (such as GDP), the quality of life is a comprehensive and multi-dimensional concept that encompasses multiple aspects including material living conditions, accessibility to public services, ecological and environmental quality, social relationships, and subjective psychological feelings [Short 2017; Diener 1997]. Therefore, systematically depicting the spatiotemporal pattern of urban quality of life from a geographical perspective and revealing its evolution mechanisms hold significant theoretical and practical importance for promoting the optimization of urban spatial structure, advancing the equalization of basic public services, and achieving the governance goal of “a city for the people” [田深圳 2024].

International research on quality of life emerged in the mid-20th century, with early related studies primarily centered on academic discussions within fields such as economics and sociology. For instance, in the 1960s, British economist Arthur Pigou introduced the specific term “quality of life” to refer to the non-economic dimensions of welfare; American economist J. K. Galbraith argued that social progress should not be measured exclusively by economic growth but also by people's living harmony, leisure security, and environmental balance [牛文元 2012; Chen et al. 2024]. The United Nations Development Programme's Human Development Index (HDI) also reflects this concept [Marans 2012]. A relatively mature theoretical framework and evaluation methods have now been established in this area. As Geographic Information System (GIS) technology and multi-source data continue to spread, research has become more detailed, focusing on the spatial differentiation of quality of life at the urban block and even community levels, as well as its connection to environmental and facility accessibility [陈明星 2015; Chen, Zhang 2025]. Research content has progressively expanded from the measurement of objective indicators to the investigation and integration of subjective satisfaction [McCrea 2006]. Factor analysis has similarly broadened its focus, shifting from individual socioeconomic attributes such as income and education to macro-level structural factors including the built environment, neighborhood characteristics, and policy systems [湛东升 2015]. These studies generally indicate that quality of life is not uniformly distributed across space but rather exhibits a highly pronounced social-spatial differentiation, resulting from the combined effects of individual choices, market forces, and government intervention [Beauregard 2017].

Research on urban quality of life in China began later but has developed rapidly. Early studies primarily focused on inter-city comparisons of quality of life at the national or regional level. In recent years, as social-spatial differentiation within cities has intensified, scholars have started to concentrate on the micro-spatial patterns and formation mechanisms of quality of life within individual megacities [刘鹏飞 2020]. For instance, studies on super-large cities such as Shanghai, Guangzhou, and Chengdu have revealed that quality of life exhibits a distinct “central-peripheral” decreasing pattern or a “multi-center” pattern, which is highly coupled with housing prices and the distribution of public service resources [王少谷 2025]. In terms of research methods, it has become mainstream to comprehensively utilize multi-source data such as remote sensing data, mobile phone signaling, POI (Points of Interest), and questionnaire surveys, and to conduct fine-grained characterization and mechanism analysis using approaches like spatial analysis and geographically weighted regression [龙瀛 2012; Wu 2018]. However, existing studies are predominantly focused on developed coastal cities in eastern China, with relatively insufficient attention given to cities in central and western regions, border areas, and capital cities with distinct multi-ethnic characteristics. These cities exhibit particularities in their urbanization paths, ethnic composition, cultural backgrounds, and policy environments, and the spatial logic of their residents' quality of life may differ from that of eastern cities.

As the political, economic, and cultural center of the Inner Mongolia Autonomous Region, Huhhot is a typical border provincial capital characterized by the intermingling of multiple ethnic groups, including Mongolians, Han Chinese, Huis, and Manchus. Since the 21st century, particularly during the “13th Five-Year Plan” (2016–2020) and “14th Five-Year Plan” (2021–2025) periods, Huhhot has experienced rapid urban expansion, economic transformation, and social changes. The city's built-up area has expanded significantly, rail transit construction has been launched, public service facilities have continued to improve, and ecological environment governance has yielded remarkable results. Concurrently, the city faces challenges such as uneven development, lagging infrastructure in certain areas, and pronounced differences between old

and new urban districts. Against this backdrop, systematically evaluating the spatiotemporal evolution characteristics of the quality of life of Huhhot residents and deeply analyzing the underlying driving mechanisms not only aids in objectively understanding the quality and effectiveness of the city's urbanization development but also provides valuable references and insights for the planning, construction, and management of prefecture-level cities in China's vast border ethnic regions.

Based on this, this paper draws upon the established paradigm of research on social spatial differentiation and residential integration [张薇 2018], using Huhhot as a case study, and seeks to address the following core questions: (1) What is the spatiotemporal evolution pattern of the quality of life of Huhhot residents across three scales – city, district, and subdistrict – from 2016 to 2024? (2) What are the key factors influencing the spatial differentiation of their quality of life? Specifically, what roles do individual attributes and urban development elements play? (3) What is the multi-dimensional driving mechanism promoting the evolution of quality of life? The study aims to construct a multi-scale and multi-dimensional analytical framework to uncover the spatial differentiation patterns and formation logic of Huhhot residents' quality of life, thereby providing empirical support and decision-making reference for advancing urban social spatial optimization and enhancing overall resident well-being.

2. Research Data Sources and Research Methods

2.1. Overview of the Study Area

The primary focus of this study encompasses four districts of Huhhot City: Xincheng District, Huimin District, Yuquan District, and Saihan District (figure 1). By the end of 2023, these four districts had a permanent population of approximately 2.6 million, representing over 70 % of the city's total population. They serve as the core zones for urbanization and socioeconomic activity in Huhhot. The districts exhibit distinct differences in functional orientation and developmental history: Xincheng District is home to the regional Party, government, and military headquarters, featuring a high density of public service facilities; Huimin District functions as a traditional commercial hub and a concentration of the Hui ethnic group, characterized by unique historical street patterns; Yuquan District boasts rich historical and cultural heritage, such as Dazhao Temple, and retains a vibrant old-town living ambiance; Saihan District is an emerging zone for administration, education, and residential development, experiencing rapid urban growth. These functional and historical distinctions make the area an ideal setting for examining internal spatial variations in quality of life.

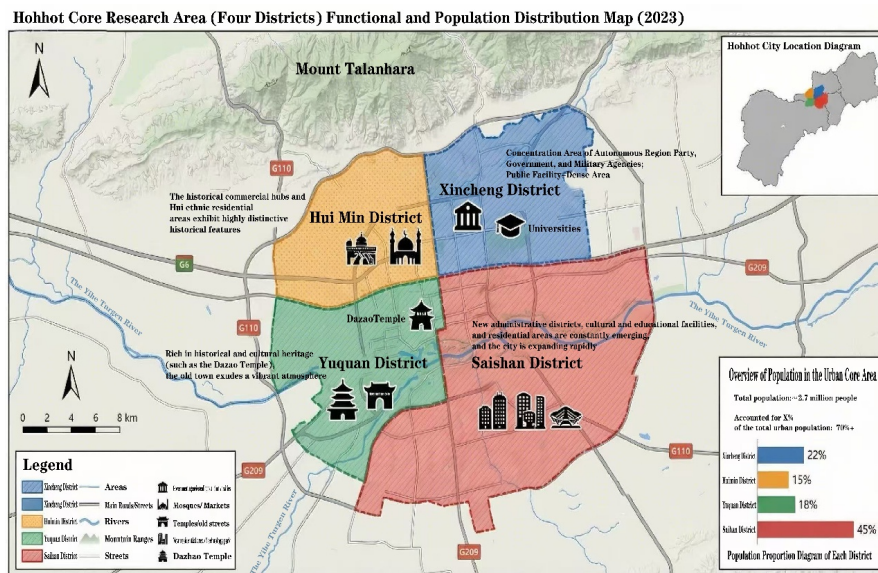

Figure 1. Location of the research area

2.2. Data Sources and Processing

This study utilizes multi-source data to ensure the comprehensiveness and accuracy of the evaluation. Socio-economic and demographic data primarily originate from the “Statistical Yearbook of Huhhot City” (2016–2024), the “Huhhot City Seventh National Population Census Bulletin” (2020), and annual statistical bulletins of various districts in Hohht. These sources cover information such as population size, age structure, educational attainment, employment status, and income level for each street (township). Public service facility data are collected through Baidu Maps API and Amap POI (point of interest) interfaces, including location information of schools (primary and secondary schools), hospitals (general and community hospitals), parks

and green spaces, cultural and sports facilities, commercial centers, and bus and subway stations, with data available for three time slices: 2016, 2020, and 2024. The facility density and accessibility index for each subdistrict are calculated using ArcGIS kernel density analysis. Regarding built environment data, land use data are derived from remote sensing image interpretation; indicators such as per capita road area and green coverage rate are sourced from the “Huhhot City Urban Construction Statistical Yearbook”; housing conditions data (such as per capita residential building area and building age) are partially obtained from statistical yearbooks and partially supplemented with information from real estate websites. Spatial base map data adopt the 2023 administrative division vector map provided by the Huhhot Municipal Civil Affairs Bureau. To ensure temporal and spatial comparability, considering that some subdistrict have undergone slight adjustments during the period, all annual data are uniformly converted to the 2023 administrative division framework for analysis.

2.3. Research Methods

2.3.1. Construction and Calculation of the Comprehensive Evaluation Index System for Urban Residents' Quality of Life

Drawing on relevant domestic and international research findings, this paper focuses on referencing the multi-dimensional and comprehensive evaluation concept promoted in the OECD's flagship well-being measurement report, as well as its assessment approach that integrates objective indicators with subjective well-being. It also incorporates the core connotation of the evaluation framework covering five fields – economic life, social environment, public services, urban governance, and living environment perception – from the “Report on the Quality of Life of Chinese Urban Residents (2022)”, while introducing big data-assisted analysis technology.

Following the principles of scientificity, availability, and operability, this paper constructs a comprehensive evaluation index system for the quality of life of residents in Huhhot, which includes 4 primary dimensions and 10 secondary indicators (table 1). To address potential biases from subjective assignment, this study employs the entropy weight method to objectively calculate the weights of each evaluation indicator [方创琳 2011; 章子钰 2025; 杨文惠 2023; 张伦 2022; 江慧娟 2017].

Table 1

Evaluation Indicator System for Urban Residents' Quality of Life

Target Layer	First-level Dimension	Secondary Indicator	Unit	Weight	Property
Urban Residents	Economic Life	X1 Per Capita Disposable Income	10,000 Yuan	0.18	Positive
Quality of Life	Dimension	X2 Proportion of Employed Persons in the Tertiary Industry	%	0.1	Positive
Index	Living Environment	X3 Per Capita Park Green Area	m ²	0.15	Positive
(QLI)	Dimension	X4 Ratio of Days with Good and Excellent Air Quality	%	0.12	Positive
	Facility Services	X5 Number of Primary and Secondary School Teachers Per 1,000 People	Person	0.13	Positive
	Dimension	X6 Number of Medical and Health Institution Beds Per 1,000 People	~	0.11	Positive
		X7 500-meter Coverage Rate of Public Transportation Stations	%	0.08	Positive
	Social Demographics	X8 Proportion of Population with Junior College Degree or Above	%	0.07	Positive
	Dimension	X9 Dependency Ratio	%	0.04	Negative
		X10 Per Capita Residential Floor Area	m ²	0.02	Positive

Calculate the comprehensive score of each evaluation unit (city, district, subdistrict) using the linear weighting method:

$$QLI_j = \sum_{i=1}^n (w_i \times x'_{ij}).$$

In the formula, QLI_j represents the Quality of Life index of the j -th evaluation unit; w_i is the entropy weight of the i -th indicator; x'_{ij} is the standardized indicator value. The QLI_j value ranges from 0 to 1, with a higher value indicating a better quality of life. Referencing the relevant research by Fang Chuanglin and others, the QLI can be divided into four levels: High (0.8–1.0), Relatively High (0.6–0.8), Moderate (0.4–0.6), and Relatively Low (0–0.4).

2.3.2. Spatial Analysis Methods

Inverse Distance Weighted Interpolation (IDW): Used to convert discrete subdistrict QLI values into a continuous spatial surface, intuitively displaying the spatial distribution pattern of quality of life and hot and cold spot areas. The weight is inversely proportional to the p -th power of the distance ($p = 2$ is adopted in this study) [詹长根 2014].

Cold and Hot Spot Analysis (Getis-Ord G_i^*): Identifies statistically significant high-value clusters (hot spots) and low-value clusters (cold spots), revealing the patterns of spatial agglomeration of quality of life [郝君倩 2023].

2.3.3. Statistical Analysis Methods

Bivariate Correlation Analysis (Pearson): Preliminary screening of the linear correlation and significance between each potential influencing factor (individual attributes and urban elements) and QLI [王振报 2023].

Multiple Linear Stepwise Regression Analysis: Under the premise of controlling collinearity, a regression model between QLI and key influencing factors is established to quantify the contribution degree and influence direction of each factor (刘笑, 2022), and its general form is:

$$QLI = \beta_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i X_i + \epsilon,$$

In the equation, β_0 is the constant term, β_i is the regression coefficient of the i -th independent variable X_i , and ϵ is the random error term.

3. Result Analysis

3.1. The spatiotemporal evolution pattern of residents' quality of life in Huhhot

3.1.1. Urban Scale: Continuous Overall Improvement; Growth Rate Starts Rapidly Then Stabilizes

From 2016 to 2024, the overall QLI of Huhhot steadily rose from 0.72 to 0.85, with an average annual growth rate of approximately 1.8 % (figure 2). The growth process can be divided into two phases: 2016–2020 (during the “13th Five-Year Plan” period) was a period of rapid improvement, with an average annual QLI growth of 2.5 %, which is closely related to the large-scale urban construction, environmental management, and poverty alleviation campaign during that period; 2021–2024 (the first half of the “14th Five-Year Plan” period) entered a period of stable optimization, with the growth rate slowing down to 1.2 %, indicating that quality of life construction has moved from a stage of “quantitative expansion” to a stage of “qualitative deepening” [呼和浩特市统计局 2024]. As a whole, it has moved from the “relatively high” level to the “high” level interval.

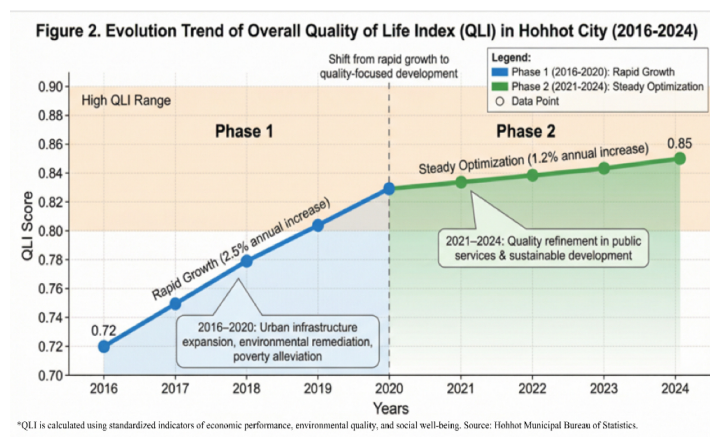

Figure 2. Evolution Trend of the Overall Quality of Life Index (QLI) in Huhhot from 2016 to 2024

3.1.2. Urban scale: There are obvious gradient differences, and Saihan District has risen significantly

As shown in figure 3, the temporal changes of QLI in the four urban districts exhibit different characteristics:

Xincheng District has the highest starting QLI (0.78 in 2016) and has remained in the leading position. As the administrative and cultural-educational center, its superior public service resources and environmental quality support a high-quality life, with steady growth.

Yuquan District has seen a steady rise in QLI, increasing from 0.75 to 0.86. This is attributed to the renovation of the historical urban area, the integration of culture and tourism development, and the improvement of infrastructural deficiencies, which have significantly enhanced living convenience and cultural appeal.

Saihan District has the fastest and largest growth, with QLI surging from 0.68 to 0.84, achieving a leap from the “medium” to “high” level. This is mainly due to its role as the main direction of urban expansion, where a large number of high-quality residential areas, schools, and commercial complexes have been newly built, gradually improving urban functions.

Huimin District has a lower initial QLI and relatively slow growth, increasing from 0.65 to 0.76. As an old urban area, it faces challenges such as limited space, aging infrastructure, and high updating costs, resulting in a slower pace of quality-of-life improvement compared to the other three districts.

3.1.3. Subdistrict-level scale:

The core-periphery structure is prominent, with high-quality areas expanding outward

Based on the spatial visualization of subdistrict QLI values in 2016, 2020, and 2024 (figure 4), the following micro-patterns and evolution characteristics can be identified:

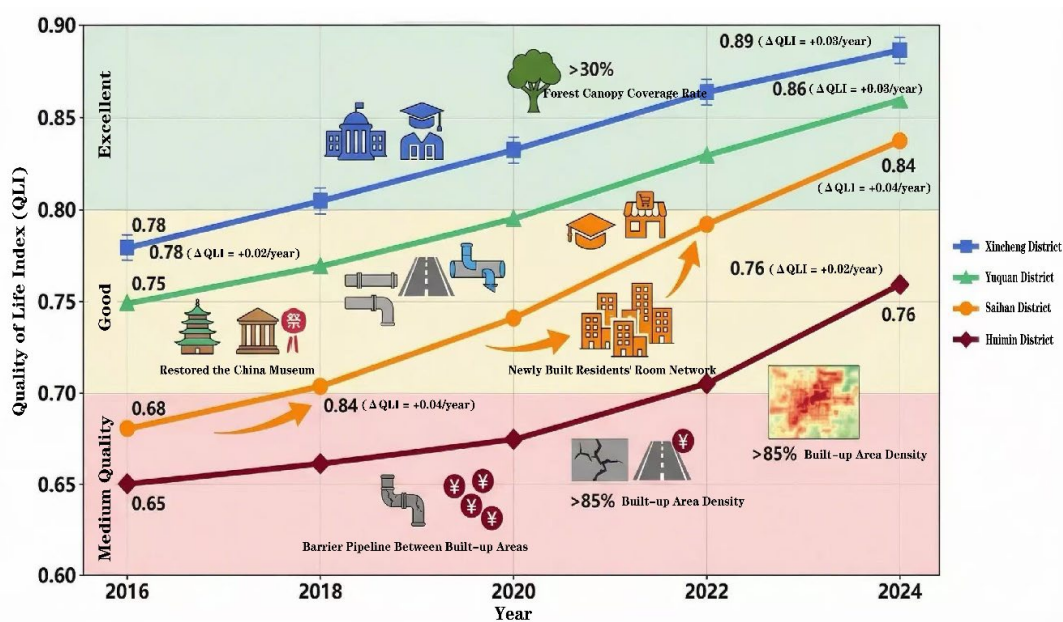

Figure 3. Comparison of the Quality of Life Index (QLI) Evolution in the Four Districts of Huhhot from 2016 to 2024

The spatial pattern demonstrates both stability and evolvability. It consistently exhibits a “core-periphery” structure, with high-value cores centered around the main subdistricts of the new urban area (such as Dongfeng Road and Yingxin Road Subdistricts) and the Dazhao area in Yuquan District, with values gradually declining toward the urban periphery. High QLI areas are highly aligned with the distribution of high-quality educational resources, administrative centers, and large parks.

The “filling” and “leapfrog” diffusion patterns in high-quality areas: First, high-value zones expand “fillingly” from core areas to adjacent blocks, exemplified by the eastern part of the New District and the central part of Saihan District. Second, with the growth of emerging sectors along Metro Lines 1 and 2 and in the Chilequan New District, high-value “enclaves” have emerged far from the traditional center, illustrating the guiding influence of urban planning and Transit-Oriented Development (TOD) [周瀚韬 2025].

“Spot-wise solidification” and “area-wise reduction” in low-quality areas: Certain subdistricts in urban fringe areas (e. g., parts of Baoheshao Town) and subdistrict with outdated internal infrastructure (e. g., sections of Huanghai subdistrict in Huimin District) have consistently had low Quality of Life Indices (QLI), creating “low-lying areas”. Nevertheless, due to coordinated urban-rural development and old city renovation efforts, the overall extent of these low-quality zones is showing a shrinking trend.

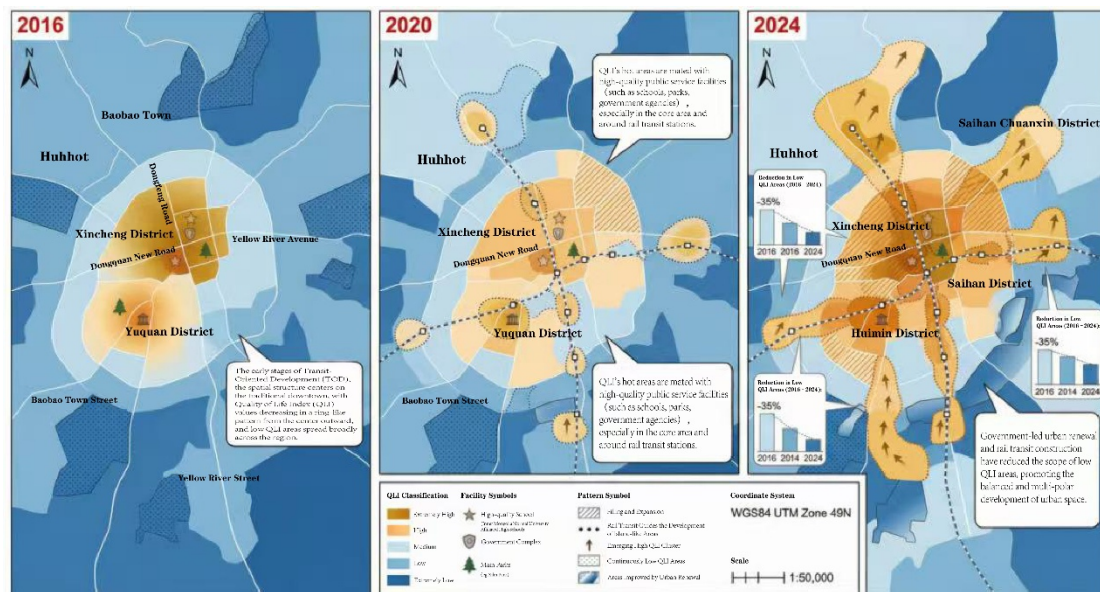

Figure 4. Evolution of Spatial Distribution of Quality of Life Index (QLI) at the Subdistrict Scale in Huhhot (2016, 2020, 2024)

3.1.4. Analysis of the Cold and Hot Spot Evolution of the Spatial Pattern of Quality of Life

A Getis-Ord G_i^* [王博远 2019] analysis of the subdistricts QLI (figure 5) shows that the hotspots (areas of high value clustering) have continued to expand in range. Initially concentrated in the core of the new urban area and parts of Yuquan District, they have gradually connected into contiguous regions and expanded toward the central part of Saihan District and the southern part of Yuquan District. This indicates that high-quality living spaces are evolving from a “single-center” pattern to a “multi-center, networked” structure.

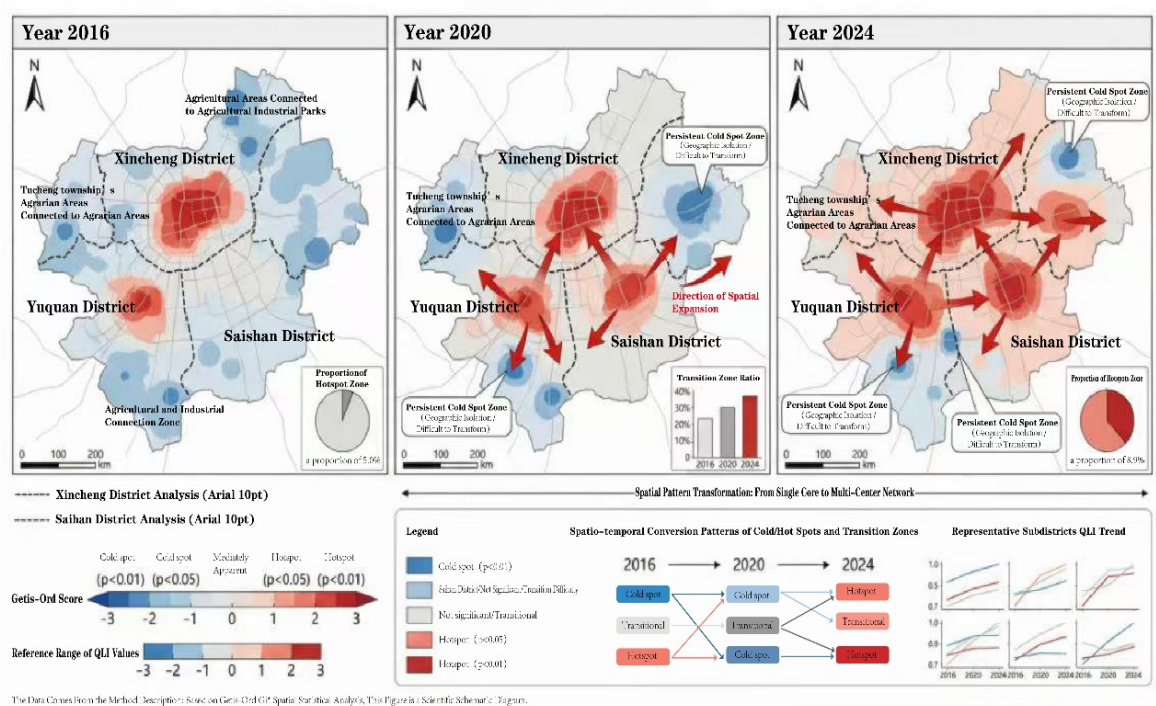

Figure 5. Spatial Evolution of Cold and Hot Spots of Neighborhood Quality in Huhhot Based on Getis-Ord G_i^* Statistics (2016, 2020, 2024)

The cold spots (areas of low value clustering) exhibit characteristics of “scattered points with an overall reduction”. Early cold spots were mainly distributed in the outermost agricultural towns of the city and a few old industrial subdistricts. With the advancement of urbanization and shantytown renovation, some cold spots have disappeared or weakened, but a few cold spots formed due to geographical isolation or transformation difficulties remain relatively stable.

Spatial polarization and balancing coexist: The absolute gap in QLI between hotspots and coldspots still exists, but the QLI value of coldspots is also improving. Moreover, the transitional areas that are neither hotspots nor coldspots have increased significantly. This indicates that the absolute gap in the quality of life within the city is narrowing, and the spatial distribution is becoming relatively balanced.

3.2. Factors Influencing Residents' Quality of Life and Their Driving Mechanisms

3.2.1. Correlation Identification of Influencing Factors

Selecting 15 potential variables across five categories: population, economy, housing, facilities, and environment, a Pearson Correlation Analysis was conducted with the subdistrict QLI in 2020 (census year) (table 2). The results show:

Table 2

Variable Category	Variable Name	Symbol	Pearson Correlation Coefficient	Significance (p-value)
Population Characteristics	Proportion of Population with College Degree or Higher	X ₁	0.812	0
	Old-age Dependency Ratio	X ₂	-0.523	0.002
	Proportion of Registered Residents	X ₃	0.187	0.312
Economic Conditions	Per Capita Disposable Income	X ₄	0.745	0
	Nonfarm Employment Population Percentage	X ₅	0.681	0
Housing Conditions	Per Capita Floor Area of Housing	X ₆	0.432	0.018
	Proportion of Housing Built After 2000	X ₇	0.598	0
Facility Level	Primary and Secondary School Density Index	X ₈	0.703	0
	Medical Facility Density Index	X ₉	0.654	0
	500-meter Coverage Rate of Bus stops	X ₁₀	0.567	0.001
	Accessibility of Large Parks	X ₁₁	0.489	0.007
Quality of Environment	Green Coverage Rate	X ₁₂	0.512	0.004
	Annual Average PM2.5 Concentration	X ₁₃	-0.401	0.032
	Mean Regional Environmental Noise	X ₁₄	-0.285	0.145
Spatial Location	Distance from the City's Main Center	X ₁₅	-0.663	0

Key positive driving factors: The level of education among residents (X₁, r = 0.812), per capita income (X₄), and the density of high-quality public service facilities (X₈, X₉) are most strongly associated with QLI, serving as core drivers for improving quality of life.

Significant negative factors: A high elderly dependency ratio (X₂) and distance from the urban center (X₁₅) are negatively correlated with QLI, reflecting the constraints of population aging pressure and spatial location disadvantages on quality of life.

The key role of the built environment: Housing age (X₇), green space (X₁₂), and public transportation convenience (X₁₀) all show moderate to strong positive correlations, indicating that a good physical environment is an important guarantee for a high-quality life.

3.2.2. Regression Analysis of Key Influencing Factors

To eliminate multicollinearity among variables and identify dominant factors, multiple linear stepwise regression was performed on variables with significant correlations. The final model retained 4 variables (all VIF < 5), with an adjusted R² of 0.724, indicating a good fit.

The final regression equation is:

$$QLI = \beta_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i X_i + \epsilon$$

$$QLI = 0.215 + 0.308X_1 + 0.279X_4 + 0.192X_8 - 0.105X_2$$

Model Interpretation (table 3).

Core Driving Forces: Human capital (X_1) and economic capital (X_4) are the most core individual factors influencing quality of life, with the highest standardized coefficients. This verifies the basic logic that “individual capabilities determine life opportunities”.

Key public goods: The density of basic education facilities (X_8) is the most influential public service variable, with a significant coefficient, highlighting the powerful role of the “School District Effect” in the spatial differentiation of urban society in China.

Structural Stress: The old-age dependency ratio (X_2) was selected as a negative factor, reflecting the consumption effect of family elderly care burden on the overall quality of life in the community.

Table 3

Results of Multivariate Linear Stepwise Regression of Subdistrict Quality of Life Index (QLI)
Based on 2020 Data

Variable	B	Standard Error	Standardized Coefficient (Beta)	T-value	Significance (Sig.)	VIF
(Constant)	0.215	0.057	—	3.772	0.001	—
X_1 : Proportion of Population with a Junior College Degree or Higher	0.308	0.061	0.421	5.049	0	2.143
X_4 : Per Capita Disposable Income	0.279	0.065	0.385	4.292	0	2.587
X_8 : Primary and Secondary School Density Index	0.192	0.048	0.267	4	0	1.845
X_2 : Old-age Dependency Ratio	-0.105	0.039	-0.178	-2.692	0.011	1.312

3.2.3. Comprehensive Framework of the Multidimensional Driving Mechanism

Based on the above quantitative analysis and qualitative cognition, a driving mechanism framework for the spatio-temporal evolution of the quality of life of residents in Huhhot is constructed (figure 6). This framework includes three core systems that interact with each other:

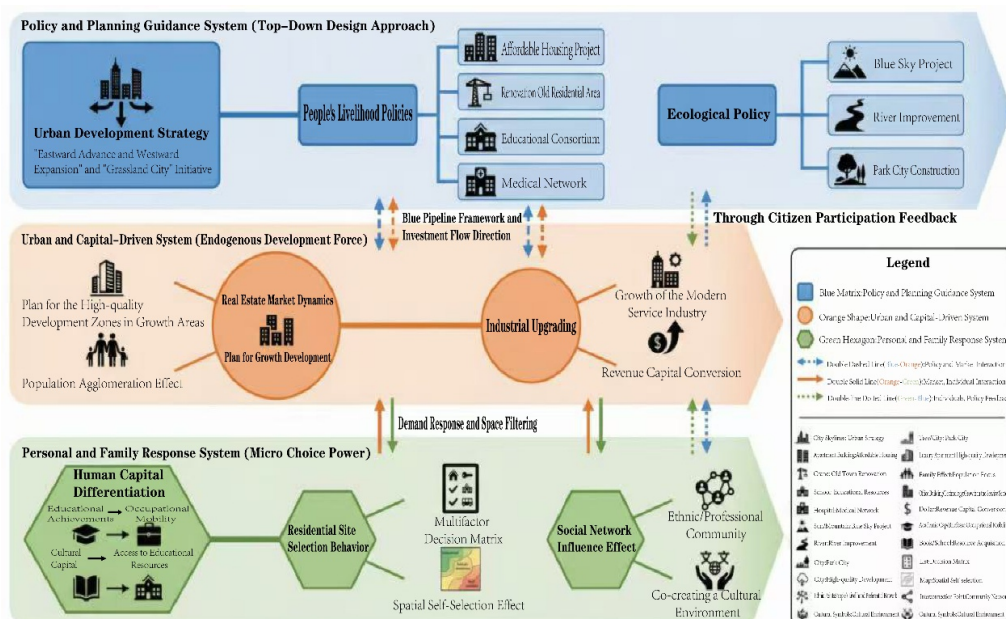

Figure 6. Multi-dimensional Driving Mechanism Framework
Of Spatio-temporal Evolution of Residents' Quality of Life in Huhhot

1. Policy and Planning Guidance System (Top-level Design Capability): This serves as the decisive force in shaping the overall quality of life landscape.

Urban Development Strategy: For instance, initiatives like expanding “Eastward and Southward” and constructing a “Grassland City” direct infrastructure and public service investments, leading to the emergence of high-quality new areas such as Saihan District.

Livelihood policies and projects: Including affordable housing construction, renovation of old residential communities, group-based basic education operations, and medical consortium development – have directly enhanced the infrastructure quality and service accessibility for low- and middle-income groups as well as underdeveloped areas.

Ecological and environmental policies, such as the “Blue Sky Defense Campaign”, river management, and park-like city construction, have significantly improved overall environmental quality and enhanced residents' ecological well-being.

2. Market and Capital-Driven System (Endogenous Development Power): This is the main economic engine driving the improvement of quality of life and spatial differentiation.

Real Estate Market: Developers tend to build high-quality residential projects in areas with favorable planning and beautiful environments, attracting clusters of high-income and highly educated groups, thus forming new quality-of-life hubs.

Industrial upgrading and the job market: The development of modern service industries such as finance, technology, and culture has created high-income job positions, enhancing the economic capital of practitioners (individuals), which in turn translates into demand and payment ability for high-quality housing, education, and the environment.

3. Individual and Family Response System (Micro-level Agency): This is the point where macro forces take effect and also exerts a counteracting influence on spatial structure.

Human Capital Differences: In terms of human capital differences, individuals with higher education and skills are more capable of securing high-income occupations and using their cultural capital to compete for quality educational resources (such as school district housing), thereby achieving upward social spatial mobility and its consolidation.

Residential Location Selection Behavior: Families choose their place of residence by comprehensively considering factors such as economic budget, commuting costs, children's education, and living environment. This “Voting with Feet” process intensifies spatial screening and agglomeration among different social groups, forming a social spatial differentiation map of quality of life.

Social Networks and Identity: Social networks formed by factors such as ethnicity, hometown, and occupation also influence residential choices, leading to distinctive communities in specific subdistricts. The community environment and cultural atmosphere jointly maintained by these communities have become an important part of quality of life. These three systems are not isolated from each other but are nested within one another and reinforce each other. Policies delineate development paths for the market and make up for its shortcomings, while the market amplifies policy effects and creates new demands. Ultimately, the micro-level choices of millions of households converge into a macro-level spatial pattern, which in turn influences policy adjustments and market trends.

4. Conclusion and Discussion

4.1. Main Conclusions

Based on multi-source data and multi-scale perspectives, this study systematically explores the spatio-temporal evolution characteristics, influencing factors, and driving mechanisms of the quality of life of residents in Huhhot from 2016 to 2024. The main conclusions are as follows:

1. Over time, the situation has steadily improved with consistent growth: the quality of life for residents in Huhhot, both citywide and across all districts, has significantly enhanced during the observation period. It has now reached a high-level stage overall, and the growth focus has shifted from rapid external expansion to enhancing intrinsic quality.

2. In terms of spatial distribution, the phenomenon exhibits significant differentiation and gradient convergence: quality of life shows obvious “Core-periphery” spatial differences, with high-value areas mainly concentrated in traditional central regions and emerging expansion zones, while low-value areas are scattered

in peripheral areas and some old neighborhoods. However, cold and hot spot analysis results indicate that spatial polarization is weakening, and the overall distribution is becoming relatively balanced.

3. Multiple influencing factors, with human capital and public goods as core elements: Residents' quality of life is the result of the coupling of multiple factors. Regression analysis shows that residents' educational attainment (human capital), per capita income (economic capital), and accessibility to high-quality basic educational resources (key public goods) are the three most explanatory core positive factors, while the elderly dependency burden is the main negative constraint factor.

4. The driving mechanism is complex, with the collaboration of three forces: the spatiotemporal pattern of quality of life is the result of mutual interaction and dynamic games among three systems: "Policy Planning Guidance", "Market Capital Drive", and "Individual Household Choice". Policies set the framework and bottom line, the market provides power and differentiation, and the socioeconomic attributes of individuals ultimately determine their position in the spatial pattern of quality of life.

4.2. Policy Implications

Based on research findings, to continuously enhance the quality of life for all Huhhot residents and promote social spatial equity, the following policy recommendations are proposed:

1. Implement 'Precision Drip Irrigation'-style spatial intervention policies: Urban planning and public fiscal investment should be more focused on 'Cold Spots' where the Quality of Life Index (QLI) remains persistently low. Target specific old urban neighborhoods in Huimin District and urban edge clusters, increasing efforts in infrastructure upgrading, environmental rectification, and improvement of community public service facilities to address weaknesses and narrow regional disparities.

2. Strengthen public services, particularly the balanced layout of educational resources: Given the strong influence of the density of educational facilities, comprehensive reforms in the education sector should be deepened. Measures such as promoting the groupization of well-known schools, implementing teacher rotation systems, and optimizing school district divisions should be taken to break the "Lock-in" effect between high-quality educational resources and specific high-priced residential areas. This will help alleviate social spatial isolation and inequality in quality of life caused by the "School District Housing" issue.

3. Promoting "People-Oriented" urban renewal and community building: Old city renovation and new district construction should go beyond mere physical space reconstruction, and more attention should be paid to the maintenance of social networks and the cultivation of community vitality. It is advisable to encourage public participation in the planning process, provide public activity spaces and service facilities suitable for all age groups in renewal projects, build an inclusive, mutually supportive, and sense-of-belonging community environment, thereby enhancing residents' subjective well-being.

4. Building a social support system that covers the entire life cycle: To address the negative effects brought about by the aging dependency ratio, we should accelerate the construction of an elderly care service system that coordinates home-based, community-based, and institutional care, and integrates medical care with health care. Develop community-embedded elderly care, enhance the capacity of elderly health services, reduce the burden of family care, convert the pressure of aging into driving force for the 'Silver Economy', and improve the quality of life for relevant populations.

5. Establish a dynamic monitoring and evaluation mechanism: It is recommended that the government take the lead in building a normalized monitoring index system for urban residents' quality of life and a big data platform, which includes both objective indicators and subjective feelings. Regularly evaluate the effectiveness of policies, promptly identify newly emerging weak areas and issues in quality of life, and provide real-time and accurate data support for scientific decision-making.

4.3. Discussion and Outlook

This study systematically explores the quality of life of residents in Huhhot from a geographical perspective, but there are still certain limitations. These will also be the directions that need to be deepened in future research:

First, due to limitations in data availability, this study primarily evaluates based on objective indicators. Although objective conditions form the basis of subjective feelings, the two are not entirely consistent [李志刚 2020]. Future research should combine large-scale questionnaire surveys, incorporating subjective indicators such as a sense of security, belonging, and happiness, to construct an "Integrated Objective-subjective" evaluation system, thereby more comprehensively reflecting the true picture of quality of life. Second, this

study focuses on the subdistrict scale, which is more detailed than city or district scales, but may still mask heterogeneity within communities. With the opening up of smart city data (such as grid management data), future research can delve into community or even residential complex scales for more refined micro-level analysis.

Finally, although the analysis of the driving mechanism in this paper has constructed a comprehensive framework, it has not yet been able to fully quantify and reveal the complex nonlinear interactive relationships between subsystems, feedback loops, and the transmission paths of specific policy tools. In the future, methods from complexity science such as system dynamics and agent-based modeling (ABM) can be attempted to conduct dynamic simulation of the evolution process of quality of life and policy scenario simulations, thereby proposing more forward-looking and targeted governance solutions.

References

- Beauregard R.* Richard Florida 2017: The New Urban Crisis: How Our Cities are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class – and What We Can Do About It. New York: Basic Books / R. Beauregard // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2017. – Vol. 41(6). – P. 1028–1029. DOI: 10.1111/1468-2427.12571
- Chen Y.* Multi-scale matching and simulating flows of ecosystem service supply and demand in the Wuhan metropolitan area, China / Y. Chen, Y. Lu, R. Meng et al. // *Journal of Cleaner Production*. – 2024. – Vol. 476. – P. 143648.
- Chen Y.* A study on the influence of an outdoor built environment on the activity behavior of the elderly in small cities in cold regions – A case study of Bei'an City / Y. Chen, J. Zhang // *Sustainability*. – 2025. – Vol. 17(5). – P. 2260.
- Diener E.* Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / E. Diener, E. Suh // *Social indicators research*. – 1997. – Vol. 40(1). – P. 189–216.
- Marans R W.* Quality of urban life studies: An overview and implications for environment-behaviour research / R. W. Marans // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 35. – P. 9–22.
- McCrea R.* What is the strength of the link between objective and subjective indicators of urban quality of life? / R. McCrea, T. K. Shyy, R. Stimson // *Applied research in quality of life*. – 2006. – Vol. 1(1). – P. 79–96.
- Short J. R.* An introduction to urban geography / J. R. Short. – Routledge, 2017.
- Wu C.* Check-in behaviour and spatio-temporal vibrancy: An exploratory analysis in Shenzhen, China / C. Wu, X. Ye, F. Ren et al. // *Cities*. – 2018. 77104-116. DOI: 10.1016
- 苏奕姣. 中国式现代化进程中书香城市建设与创新路径研究 // *大学图书情报学刊*, 2025, 43(06): 44–49.
- 田深圳, 张悦, 李雪铭, 等. 人居地理学的理论与实践及融合与发展 // *地理学报*, 2024, 79(08): 2115–2140.
- 《生活质量的概念与内涵》牛文元. 中国科学发展报告. 2012. 北京: 科学出版社, 2012.
- 陈明星. 城市化领域的研究进展和科学问题 // *地理研究*, 2015 (4): 614–630.
- 湛东升, 张文忠, 余建辉, 等. 基于地理探测器的北京市居民宜居满意度影响机理 // *地理科学进展*, 2015, 34(8): 966–975.
- 刘鹏飞, 孙斌栋. 中国城市生产、生活、生态空间质量水平格局与相关因素分析 // *地理研究*, 2020, 39(01): 13–24.
- 王少谷, 沈静. 大城市空间重构过程中环境不平等的空间分异模式 – 以上海、广州、成都为例 // *地理学报*, 2025, 80(10): 2636–2650.
- 龙瀛, 张宇, 崔承印. 利用公交刷卡数据分析北京职住关系和通勤出行 // *地理学报*, 2012, 67(10): 1339–1352.
- 张薇, 杨永春, 史坤博, 等. 居住空间视角下多民族聚居城市民族融合格局演变及影响因素分析 – 以呼和浩特为例[J]. *地理研究*, 2018, 37(02): 333–352.
- 方创琳, 王德利. 中国城市化发展质量的综合测度与提升路径. *地理研究*, 2011, 30(11): 1931–1946.
- 章子钰, 张春晓, 武鹏达, 等. 视频流全景地图支持下的街道空间品质评价 // *测绘科学*, 2025, 50(05): 207–216. DOI: 10.16251/j.cnki.1009-2307.2025.05.020
- 杨文惠, 井晓鹏, 李卓. 基于熵权法和 GIS 的陕西省健康城市评价研究 中国城市规划学会. 人民城市, 规划赋能 – 2022 中国城市规划年会论文集 (05 城市规划新技术应用). 长安大学建筑学院, 2023: 771–778. DOI: 10.26914/c.cnkihy.2023.047596
- 张伦. 基于地理探测器的城市体检健康指数空间分异及影响因素研究. 南京师范大学, 2022. DOI: 10.27245/d.cnki.gnjssu.2022.000668

江慧娟. 基于多源时空数据的城市社区宜居性动态评价方法研究. 武汉大学, 2017.

詹长根, 吴艺, 韦淑贞, 等. 基于 GIS 的武汉市 AQI 时空分布规律研究 // 地理空间信息, 2014, 12(05): 62–64+9–10.

郝君倩, 潘玉君, 马佳伸. 基于 POI 数据的青岛市农家乐空间分布特征及影响因素研究 // 西安文理学院学报(自然科学版), 2023, 26(04): 80–86.

王振报, 李世豪, 宋佳芮. 基于双变量空间自相关的轨道与地面公交换乘服务水平分析: 以北京市早高峰为例 // 湖南城市学院学报(自然科学版), 2023, 32(01): 44–49.

刘笑. 西安市空气质量影响因素的分位数回归分析 // 科技和产业, 2022, 22(07): 289–294.

2016–2024 年呼和浩特市整体生活质量指数. 呼市统计局。

周瀚韬, 周红, 岳翰. 城市规划中公共交通导向型发展 TOD 模式的应用研究 // 人民公交, 2025, (04): 20–22. DOI: 10.16857/j.cnki.cn11-5903/u.2025.04.003

王博远, 岑应健, 肖革新, 等. 基于 Getis-Ord Gi* 方法的中山市粮食及其制品食品安全空间分析 // 食品安全质量检测学报, 2019, 10(08): 2425–2428.

李志刚, 梁奇, 林赛南. 转型期中国大城市流动人口的身份认同、特征与机制 // 地理科学, 2020, 40(01): 40–49. DOI: 10.13249/j.cnki.sgs.2020.01.006

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026;

одобрена после рецензирования: 25.03.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 10.03.2026;

approved after reviewing: 25.03.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 332.14

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-22-32

Е. Н. Ванчикова**ФАКТОРЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ:
ОТ АНАЛИЗА ОГРАНИЧЕНИЙ К ПОИСКУ ТОЧЕК РОСТА
В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье представлен анализ исследования З. Б.-Д. Дондокова, посвященного факторам экономического развития российских регионов Внутренней Азии (республик Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальского края). Автор развивает его выводы, акцентируя внимание на возможностях преодоления выявленных ограничений через активизацию внутренних точек роста и использование современных тенденций пространственного развития. Рассматриваются транспортно-логистический потенциал регионов в условиях перестройки международных цепочек поставок, инновационные факторы роста производительности труда, включая влияние цифровизации на создание высокопроизводительных рабочих мест. Анализируются структурные сдвиги в экономике Дальнего Востока как контекст развития исследуемых территорий, выявляются парадоксы сельского расселения («парадокс малых населенных пунктов») и диспропорции между плотностью населения и инфраструктурной обеспеченностью. На основе эмпирических данных предложена двухфакторная типология сельских территорий по показателям плотности и дисперсности расселения, выделены четыре типа территорий с соответствующими наборами инструментов поддержки. Особое внимание уделено перспективам трансграничного сотрудничества с Монголией и синергетическим эффектам взаимодействия приграничного фактора с внутренним потенциалом регионов. Сформулированы стратегические направления региональной политики, включающие дифференциацию мер поддержки в зависимости от типа территории, развитие транспортно-логистической инфраструктуры, ускоренную цифровизацию, поддержку «якорных резидентов» и переоценку потенциала трансграничного сотрудничества на микроуровне.

Ключевые слова: регионы Внутренней Азии, пространственное развитие, транспортно-логистический потенциал, региональная политика, трансграничное сотрудничество.

Для цитирования: Ванчикова Е. Н. Факторы и стратегии развития российских регионов Внутренней Азии: от анализа ограничений к поиску точек роста в контексте пространственных трансформаций // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 22–32. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-22-32

E. N. Vanchikova**FACTORS AND STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS
OF INNER ASIA: FROM ANALYZING CONSTRAINTS TO SEARCHING
FOR GROWTH POINTS IN THE CONTEXT OF SPATIAL TRANSFORMATIONS**

The article presents an analysis of the study by Z. B.-D. Dondokov on the factors of economic development of the Russian regions of Inner Asia (the Altai Republic, the Tyva Republic, the Buryatia Republic and the Zabaikalsky Krai). The author develops Dondokov's findings, focusing on the possibilities of overcoming the identified constraints through the activation of internal growth points and the use of modern trends in spatial development. The article examines the transport and logistics potential of the regions in the context of the restructuring of international supply chains, innovative factors of labor productivity growth, including the impact of digitalization on the creation of high-performance workplaces. Structural shifts in the economy of the Far East are analyzed as a context for the development of the studied territories, paradoxes of rural settlement ("small settlements paradox") and disparities between population density and infrastructure provision are revealed. Based on empirical data, a two-factor typology of rural territories by population density and settlement dispersion is proposed, four types of territories are identified with corresponding sets of support

Ванчикова Елена Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Менеджмент» Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0002-6206-0178. E-mail: evanch@mail.ru.

Vanchikova Elena Nikolaevna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management of the Buryat Agricultural Academy Named after V. R. Filippov (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0002-6206-0178. E-mail: evanch@mail.ru.

instruments. Particular attention is paid to the prospects of cross-border cooperation with Mongolia and the synergistic effects of the interaction of the border factor with the internal potential of the regions. Strategic directions of regional policy are formulated, including differentiation of support measures depending on the type of territory, development of transport and logistics infrastructure, accelerated digitalization, support for “anchor residents” and reassessment of the potential of cross-border cooperation at the micro level.

Keywords: Inner Asia regions, spatial development, transport and logistics potential, regional policy, cross-border cooperation.

Введение

Статья З. Б.-Д. Дондокова «Российские регионы Внутренней Азии: особенности и факторы экономического развития» представляет собой фундаментальное исследование комплекса объективных условий, определяющих траектории развития четырех субъектов РФ – республик Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальского края [2025]. Автор убедительно демонстрирует, как исторические, природно-климатические, демографические и географические факторы формируют жесткие ограничители роста этих территорий. Работа ценна тем, что систематизирует разрозненные знания о регионах и показывает, что, несмотря на административные различия, они сталкиваются с единым набором структурных проблем. Однако любое глубокое исследование не только отвечает на поставленные вопросы, но и открывает новые направления для научного поиска, связанные с механизмами преодоления выявленных ограничений и поиском потенциальных точек роста.

Теоретический контекст: пространственное неравенство как объективный фон развития

Проблематика, поднятая в статье Дондокова, находится в русле широкого круга исследований пространственного неравенства в России [2025]. Как отмечает Н. В. Зубаревич, пространственное развитие в принципе не может быть равномерным, что подтверждается центро-периферийной теорией и исследованиями процессов пространственной концентрации экономики [2017; Зубаревич, Сафронов 2024]. В российских условиях, характеризующихся сверхцентрализованной системой управления и огромной территорией, периферийные регионы традиционно находятся в зоне сжатия экономического и социального пространства. Н. В. Зубаревич подчеркивает, что «...периферии центрами не становились никогда...» [Зубаревич, Сафронов 2024: 7] – это объективное свойство пространственного развития, а не временное отклонение, которое можно преодолеть простым наращиванием инвестиций [Зубаревич 2017]. Исторический опыт показывает, что даже масштабные государственные программы не способны кардинально изменить центро-периферийную структуру, хотя могут смягчать ее наиболее острые проявления.

В то же время исследователь указывает на важную роль институтов, которые позволяют снижать объективные барьеры развития и максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества территорий, будь то ресурсная база, выгодное географическое положение или человеческий капитал [2014]. При этом Н. В. Зубаревич разграничивает преимущества «первой природы» (природные ресурсы, географическое положение) и «второй» (агломерационный эффект, человеческий капитал, качество институтов), подчеркивая, что именно институциональные факторы становятся критическими в долгосрочной перспективе [2019].

Этот теоретический контекст задает важную оптику для анализа регионов Внутренней Азии: их периферийное положение является объективным ограничителем, преодоление которого требует не просто увеличения объемов финансирования, а выявления и активизации собственных конкурентных преимуществ, способных стать точками роста даже в неблагоприятных стартовых условиях. При этом важно понимать, что речь идет не о превращении периферии в новые центры – это исторически маловероятно, – а о поиске ниш и специализаций, позволяющих обеспечить приемлемое качество жизни населения и устойчивое развитие территорий в рамках существующей центро-периферийной структуры [Зубаревич 2017].

Историческая обусловленность и административно-территориальный статус

Наиболее проработанной частью работы З. Б.-Д. Дондокова [2025] представляется анализ исторических аспектов формирования административно-территориального статуса регионов. Автор убе-

дительно демонстрирует, как различный «стаж» пребывания в составе РСФСР и СССР предопределил современные траектории развития. Особого внимания заслуживает анализ уникального пути Тувы, позднее вхождение которой в состав СССР (1944) автор справедливо называет одной из фундаментальных причин ее сегодняшнего отставания. Столь же показателен пример Республики Алтай, обретшей статус отдельного субъекта РФ лишь в 1991 г. В отличие от них, Бурятия и Забайкальский край имеют более длительную историю нахождения в составе РСФСР в качестве самостоятельных административных единиц, что создало более благоприятные стартовые условия [Дондоков 2025].

Исторический анализ создает основу для постановки вопроса о механизмах преодоления унаследованных диспропорций. Если история создала «точки старта» с разными условиями, то современная региональная политика призвана найти инструменты, компенсирующие эти изначальные различия. При этом важно учитывать, что простого наращивания бюджетных вложений недостаточно – требуется тонкая настройка инструментов поддержки под специфику каждого типа территорий, а также учет того, что институциональная память и накопленный опыт управления могут играть не меньшую роль, чем формальный статус.

З. Б.-Д. Дондоков справедливо отмечает, что статус автономной области, который имела Тува до 1961 г., существенно ниже статуса автономной республики. Органы власти автономных областей были ограничены правом принятия постановлений, в то время как органы государственной власти автономных республик могли принимать законодательные акты. Кроме того, доходы и расходы автономных республик указывались в качестве отдельной составной части общегосударственного бюджета, что создавало более предсказуемые условия для планирования развития. Эти институциональные различия, на первый взгляд формальные, на практике означали разный доступ к ресурсам и разную степень самостоятельности в принятии решений, что в долгосрочной перспективе не могло не сказаться на траекториях развития [2020, 2025].

Транспортно-логистический потенциал в контексте современных вызовов

Одним из ключевых факторов, определяющих перспективы экономического роста регионов Внутренней Азии, выступает их транспортно-логистический потенциал. В условиях перестройки международных логистических цепочек, переориентации товарных потоков с традиционных западных направлений на восточные и южные, приграничные регионы России приобретают новое стратегическое значение. З. Б.-Д. Дондоков приводит данные о тарифных расстояниях, характеризующих перевозки грузов железнодорожным транспортом от административных центров РРВА до Москвы и порта Ванино, наглядно демонстрируя периферийность этих территорий [2025].

Как отмечают И. И. Вахрамеев и Е. Н. Ванчикова, транспортно-логистический потенциал становится не просто элементом инфраструктуры, а стратегическим ресурсом национальной экономики, от развития которого напрямую зависит успех внешней торговли и пространственная интеграция территории [2025]. В их исследовании подчеркивается, что современные вызовы требуют комплексного подхода к развитию транспортно-логистической инфраструктуры, включающего не только капитальное строительство, но и цифровизацию процессов, развитие мультимодальных перевозок и подготовку кадров.

Для регионов Внутренней Азии особое значение имеют несколько направлений развития транспортно-логистического комплекса. Восточное направление, связанное с портами Приморского края и транспортными коридорами в страны АТР, демонстрирует значительный потенциал роста, однако его реализация требует масштабных инвестиций в модернизацию портовой и железнодорожной инфраструктуры (Транссиб, БАМ). Как отмечается в исследовании, пропускная способность БАМа и Транссиба остается ключевым ограничением для наращивания экспортных перевозок в восточном направлении, и без ее расширения любые инициативы по развитию восточных регионов будут упираться в инфраструктурные ограничения [Там же].

Южное направление в контексте международного транспортного коридора «Север – Юг» приобретает новое значение, хотя его развитие зависит от координации транспортной политики России с соседними странами и совершенствования портовой инфраструктуры в Каспийском бассейне [Вардомский 2015]. Для республик Алтай и Тыва, не имеющих железнодорожного сообщения, особую

актуальность приобретают наращивание мультимодальных перевозок и цифровизация логистических процессов, позволяющая частично компенсировать инфраструктурные ограничения за счет оптимизации маршрутов и повышения эффективности управления грузопотоками [Вахрамеев, Ванчикова 2025].

Инновационный потенциал и факторы роста производительности

З. Б.-Д. Дондоков справедливо указывает на низкий уровень инновационного развития регионов Внутренней Азии [2025]. Однако важно понять, какие факторы могут их стимулировать в специфических условиях и существует ли потенциал для преодоления технологического отставания. Анализируя демографическую разреженность и низкий уровень урбанизации, автор фиксирует важные ограничения, но не рассматривает возможности их компенсации за счет новых технологий и организационных решений.

Изучение факторов регионального развития позволяет сделать ряд важных наблюдений. Эконометрический анализ по субъектам РФ за последние годы показывает, что уровень цифровизации является одним из наиболее значимых факторов роста производительности труда и создания качественных рабочих мест. Именно цифровизация оказывает более существенное влияние, чем инвестиции в основной капитал. Это особенно важно для регионов с ограниченными финансовыми ресурсами, поскольку цифровизация может обеспечить рост эффективности без масштабных капитальных вложений [Гимпельсон, Капелюшников 2023; Капелюшников 2023].

Кризисные периоды – пандемия COVID-19 и экономические санкции 2022 г. – оказали негативное воздействие на динамику высокопроизводительных рабочих мест, особенно в слаборазвитых регионах, что требует учета при разработке стратегий регионального развития. Интересно, что пандемия нанесла больший урон, чем санкции. Это может объясняться структурными особенностями экономики и адаптационными возможностями регионов [Там же]. Для регионов Внутренней Азии, где высока доля занятости в бюджетном секторе и традиционных отраслях, устойчивость к внешним шокам становится критическим фактором [Потапцева 2021].

Важно учитывать, что регионы значительно различаются по своим реакциям на различные факторы, включая увеличение числа высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ). В таблице 1 выделены несколько типов регионов, демонстрирующих различные модели формирования качественной занятости [Гимпельсон, Капелюшников 2023; Капелюшников 2023; Потапцева 2021].

Таблица 1

Типология регионов по динамике и факторам развития
высокопроизводительных рабочих мест

Тип региона	Характеристика	Ключевой фактор	Чувствительность к кризисам	Пример
Инновационно-ориентированные	Высокий рост ВПРМ (>8 % в год), доминирование ИТ и финансов	Цифровизация, человеческий капитал	Низкая	Москва, Санкт-Петербург, Томская область
Промышленно-развитые	Умеренный рост (4–6 %), специализация на обрабатывающей промышленности	Инвестиции, модернизация производств	Средняя	Свердловская, Челябинская области
Аграрно-сырьевые	Низкий рост (1–3 %), высокая доля сельского хозяйства и добычи	Господдержка, природная рента	Высокая	Ставропольский край, Алтайский край
Депрессивные	Спад ВПРМ, отсутствие четкой специализации	Миграция кадров	Очень высокая	Псковская область, ряд регионов Северо-Запада

Сост. авт. на основе эмпирических данных [Гимпельсон, Капелюшников 2023; Капелюшников 2023; Потапцева 2021].

Для регионов Внутренней Азии, большинство из которых тяготеют к аграрно-сырьевому или депрессивному типам, это означает необходимость поиска особых моделей развития, учитывающих их специфику. При этом важно отметить, что даже в рамках одного типа регионы могут существенно различаться по своим стартовым условиям и потенциалу. Например, Республика Бурятия, имеющая более диверсифицированную экономику и развитый научно-образовательный комплекс, обладает большим потенциалом для инновационного развития, чем республики Алтай и Тыва с их аграрно-сырьевой специализацией [Дондоков 2020, 2025].

Структурные сдвиги в экономике Дальнего Востока как контекст развития

Поскольку два из четырех выделенных российских регионов Внутренней Азии (Республика Бурятия, Забайкальский край) входят в состав Дальневосточного федерального округа, анализ структурных изменений в экономике ДФО представляет особый интерес для понимания контекста их развития. Дальневосточный федеральный округ занимает особое место в экономической системе России, обладая значительным природно-ресурсным потенциалом и выполняя стратегическую роль во внешнеэкономических связях со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [Дондоков 2020].

Анализ структурных изменений в экономике ДФО на основе сопоставления динамики валовой добавленной стоимости (ВДС) и занятости (табл. 2) позволяет выделить несколько устойчивых тенденций, значимых для понимания перспектив российских регионов Внутренней Азии. Капиталоемкие сырьевые отрасли составляют ядро экономики округа, формируя около четверти всей валовой добавленной стоимости, однако обеспечивают лишь незначительную долю занятости (около 4 %). Такое соотношение свидетельствует о высокой концентрации капитала и технологической оснащенности данного сектора, что характерно для ресурсодобывающих регионов, но одновременно создает риск формирования «анклавной» экономики, слабо связанной с местными рынками труда [Дондоков 2020].

Трудоемкие сервисные отрасли, напротив, выступают основной базой занятости при относительно скромном вкладе в валовую добавленную стоимость. Торговля обеспечивает около 17 % занятых, транспорт – около 10, образование – около 9, здравоохранение – около 7 %. Эта диспропорция между вкладом в экономику и уровнем занятости характерна для многих регионов с сырьевой специализацией, где высокопроизводительные, но капиталоемкие отрасли не создают достаточного количества рабочих мест, и эта функция перекладывается на менее производительный, но более трудоемкий сервисный сектор [Регионы России... 2023].

Таблица 2

Структурные сдвиги в экономике
Дальневосточного федерального округа (2016–2022)

Группа отраслей	Доля в ВДС, 2016 г., %	Доля в ВДС, 2022 г., %	Изменение, п. п.	Доля в занятости, 2016 г., %	Доля в занятости, 2022 г., %	Изменение, п. п.
Сырьевые отрасли	30,1	29,2	-0,9	11,1	10,5	-0,6
Сервисные отрасли	48,5	47,8	-0,7	68,3	68,1	-0,2
Инфраструктурно-строительный комплекс	18,0	20,4	+2,4	17,3	18,7	+1,4
Прочие отрасли	3,4	2,6	-0,8	3,3	2,7	-0,6

Сост. авт. на основе данных Росстата [Регионы России... 2023].

Инфраструктурно-строительный комплекс демонстрирует наиболее сбалансированную динамику, показывая параллельный рост как добавленной стоимости, так и занятости. С 2016 по 2022 г. доля строительства в ВДС увеличилась на 1,2 п. п., а занятость в этом секторе выросла на 0,8 п. п. Это делает строительную отрасль важным элементом региональной экономической политики, способным одновременно решать задачи развития инфраструктуры и создания рабочих мест [Там же].

Для рассматриваемых российских регионов Внутренней Азии эта структурная специфика создает как вызовы, так и возможности. С одной стороны, они вовлечены в общую сырьевую логику развития округа, что усиливает их зависимость от конъюнктуры мировых рынков и создает риски для устойчивого развития, с другой – транспортно-логистический и строительный потенциал этих регионов может стать драйвером более сбалансированного развития, особенно в контексте реализации крупных инфраструктурных проектов и приграничного сотрудничества [Дондоков 2020]. Анализ по отдельным регионам ДФО показывает существенные различия в структуре экономики и траекториях развития. Республика Саха (Якутия) продолжает модернизацию в рамках добывающей модели экономики, где доля добычи полезных ископаемых в ВРП остается крайне высокой. Приморский край представляет собой один из наиболее диверсифицированных регионов, где лидерами являются торговля, транспортировка и обрабатывающие производства. Камчатский край выделяется высокой долей занятых в сельском хозяйстве и рыболовстве, что обусловлено его географическим положением. Магаданская и Сахалинская области находятся в условиях выраженного дисбаланса между долей ВДС и занятостью в добывающем секторе, что создает риски социальной напряженности и требует особых мер социальной политики [Регионы России... 2023].

Пространственная дифференциация и парадоксы сельского развития

Анализ демографической структуры, проведенный З. Б.-Д. Дондоковым [2025], включая низкий уровень урбанизации и гипертрофированную концентрацию населения в административных центрах, ставит важные вопросы о возможных моделях пространственного развития в условиях низкой плотности населения. Приводимые автором данные о том, что 48,2 % территории РРВА относится к местностям, приравненным к Крайнему Северу, а плотность населения составляет лишь 2,4 чел/км², наглядно иллюстрируют жесткость ресурсных ограничений [Там же].

Углубленный анализ пространственного развития на примере одного из регионов Внутренней Азии выявляет системные диспропорции, характерные для многих территорий этого макрорегиона. Наблюдается резкая асимметрия между расселенческой сетью и распределением населения: малые населенные пункты (с численностью менее 500 жителей) составляют большинство поселений (около 60 %), однако в них проживает лишь незначительная доля сельского населения (менее 20 %). Основная масса сконцентрирована в крупных населенных пунктах, доля которых не превышает 20 % от общего числа поселений [Дондоков 2020; Регионы России... 2023; Ванчикова и др. 2025].

При этом в малых поселениях фиксируется миграционный прирост (+36,5 чел. на 1000 жителей) на фоне критического состояния социальной и инженерной инфраструктуры. Лишь около 20 % таких поселений имеют дошкольные учреждения, около четверти – школы, а обеспеченность централизованными коммуникациями составляет около 5–6 %. В средних и крупных населенных пунктах, напротив, наблюдается миграционная убыль или незначительный прирост. Этот «парадокс малых населенных пунктов» требует пересмотра логики государственной поддержки [Ванчикова и др. 2025].

Данный парадокс вызван рядом причин, таких как: возвратная миграция представителей старших возрастов в родовые села, низкая стоимость жилья, привлекающая семьи с невысокими доходами, развитие личного подсобного хозяйства как экономической стратегии выживания, а также ценностные предпочтения, связанные с традиционным образом жизни. Однако этот демографический потенциал блокируется инфраструктурным коллапсом, что требует смены логики поддержки таких территорий.

На основе двухфакторной типологии территорий по показателям плотности и дисперсности расселения можно выделить четыре качественно различных типа, каждый из которых требует особого набора инструментов (табл. 3).

Для значительной части российских регионов Внутренней Азии, включая северные и малодоступные местности, характерно преобладание экстенсивного типа сельских территорий. Все административные центры рассматриваемых субъектов Российской Федерации формируют вокруг себя агломерационную периферию в виде пригородных поселений. Критически дисперсный тип сельских территорий преобладает, как правило, в местах традиционного проживания коренных народов и старообрядцев. В Республике Бурятия и в Забайкальском крае исторически сложилась достаточно густая сеть населенных пунктов, расположенных вдоль Транссибирской магистрали.

Таблица 3

Типология сельских территорий по условиям расселения

Тип территории	Плотность	Дисперсность	Характеристика	Ключевой вызов	Приоритетные инструменты
Экстенсивные анклавы	Низкая	Низкая	Население сконцентрировано в 1–2 поселках на обширной территории	«Ресурсный парадокс»: высокие доходы от добычи не компенсируют экстерриториальность	Развитие связности, дороги, телекоммуникации, межмуниципальная кооперация
Критически дисперсные	Низкая	Высокая	Население рассредоточено по множеству малых и средних сел	Максимальные удельные затраты на инфраструктуру при минимальной отдаче	Мобильные сервисы вместо стационарных объектов, программы переселения в опорные пункты
Агломерационная периферия	Средняя	Низкая	Компактное расселение вокруг точек роста	Дефицит кадров при относительно высокой эффективности экономики	Концентрация инвестиций в опорных НП, поддержка «якорных резидентов», ГЧП
Традиционные ареалы	Средняя	Высокая	Историческая сеть многочисленных малых деревень	Постепенное «схлопывание» сети расселения, стагнация ЛПХ	Поддержка местных инициатив, кооперация, гибкое сочетание стационарных и мобильных форм

Сост. авт.

Одной из важнейших задач для сельских поселений является поиск и эффективное использование адекватных инструментов сохранения и развития населенных пунктов. В рамках реализации Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» особое значение приобретает поддержка «якорных резидентов» – ключевых для сельской местности специалистов и предпринимателей, которые становятся точками социальной и экономической стабильности. Такие резиденты удерживают население от миграции, создают новые рабочие места и формируют положительный мультипликативный эффект для развития территории [Потапцева 2021; Регионы России... 2023; Ванчикова и др. 2025].

Приграничный фактор: потенциал и ограничения

З. Б.-Д. Дондоков приходит к выводу о незначительном влиянии приграничного расположения на экономику РРВА (за исключением Забайкальского края), объясняя это невысоким экономическим потенциалом Монголии, с которой граничат три из четырех рассматриваемых регионов. Автор приводит данные о ВВП Монголии (20,3 млрд дол. в 2023 г.) и ее крайне низкой плотности населения (2,2 чел./км²), справедливо указывая на «зеркальную» периферийность соседней страны [2025]. Данный тезис заслуживает особого внимания, однако может быть дополнен и углублен.

Исследования факторов развития приграничных регионов показывают, что влияние приграничного положения не сводится к простой зависимости от ВВП страны-соседа. Важную роль играет наличие синергетических эффектов между трансграничным сотрудничеством и уровнем развития собственных производительных сил региона. Международные контакты дают максимальную отдачу там, где уже сформирована достаточная внутренняя база для восприятия внешних импульсов [OECD...]. Это объясняет, почему Забайкальский край, граничащий с Китаем, демонстрирует иную динамику: более высокий экономический потенциал соседа создает возможности, но реализуются они только при наличии соответствующей инфраструктуры и институтов [Дондоков 2025; Вардомский 2015].

Развитие трансграничного туризма, кооперация в сфере традиционного животноводства, образовательные обмены, совместные проекты в области охраны окружающей среды – все это направления, где этнокультурная близость с населением приграничных районов Монголии может стать основой для экономического сотрудничества даже при относительно невысоких макроэкономических показателях.

телях соседней страны. Важно учитывать, что на локальном уровне приграничных районов плотность населения и экономическая активность могут быть выше средних по стране показателей, и именно там формируются устойчивые связи, не всегда отражаемые в официальной статистике [Вардомский 2015; OECD...].

По мере экономического роста Монголии, который в последние годы демонстрирует положительную динамику благодаря развитию горнодобывающего сектора и инвестициям из Китая, активизации транспортных коридоров, связывающих Россию с Азиатско-Тихоокеанским регионом, ситуация для регионов Внутренней Азии может качественно измениться. Вопрос в том, насколько они окажутся готовы к использованию открывающихся возможностей и какую роль в этом процессе сможет сыграть их этнокультурная специфика, создающая естественные мосты для взаимодействия [Михалев А. В. 2022; Михалев М. С. 2023].

Направления региональной политики и стратегии развития

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций для региональной политики, направленной на преодоление пространственных диспропорций и стимулирование экономического развития российских регионов Внутренней Азии.

Во-первых, требуется дифференциация мер государственной поддержки в зависимости от типа территории. Универсальные подходы, ориентированные на строительство стационарных объектов социальной инфраструктуры, в условиях низкой плотности и высокой дисперсности населения оказываются неэффективными и приводят к распылению бюджетных средств. Необходим переход к адаптивным форматам предоставления услуг (мобильные комплексы, дистанционные сервисы) в сочетании с концентрацией ресурсов в опорных населенных пунктах. Для разных типов территорий соотношение этих инструментов должно быть различным [Зубаревич 2014, 2017].

Предлагается разработка дифференцированных стратегий развития для различных типов территорий применительно к российским регионам Внутренней Азии (табл. 4).

Таблица 4

Дифференцированная стратегия развития для различных типов территорий

Тип территории	Приоритет развития АПК	Адаптация инфраструктурных инструментов	Институциональное решение
Экстенсивные анклав	Глубокая переработка, агротуризм, логистические хабы	Фокус на связность: дороги и телекоммуникации, мобильные сервисы	Межмуниципальные ассоциации для совместных проектов
Критически дисперсные	Органическое земледелие, создание экобрендов	Смена парадигмы: мобильные комплексы вместо стационарных объектов	Программы местных инициатив, поддержка переселения в опорные пункты
Агломерационная периферия	Интенсификация, кооперация, агрохолдинги	Концентрация инвестиций в опорных населенных пунктах	ГЧП для социальных объектов, поддержка «якорных резидентов»
Традиционные ареалы	Развитие ЛПХ, кооперация, брендинг продукции	Гибкое сочетание стационарных и мобильных форм	Сельские кредитные кооперативы, поддержка местных инициатив

Сост. авт.

Во-вторых, важным направлением является развитие транспортно-логистической инфраструктуры, особенно для регионов, не имеющих железнодорожного сообщения. При ограниченности бюджетных средств приоритет должен быть отдан проектам, обеспечивающим связность территории и снижающим транспортные издержки для местных производителей. Особое значение имеет наращивание мультимодальных перевозок и цифровизация логистических процессов, позволяющие повысить эффективность использования существующей инфраструктуры [Вахрамеев, Ванчикова 2025; Вардомский 2015].

В-третьих, учитывая высокую значимость цифровизации для роста производительности труда и создания качественных рабочих мест, необходимо ускоренное развитие IT-инфраструктуры в российских регионах Внутренней Азии. Это включает не только техническое обеспечение (широкополос-

ный доступ в интернет), но и развитие человеческого капитала (подготовка кадров, повышение цифровой грамотности, создание условий для удаленной занятости). Цифровизация может стать компенсаторным механизмом, смягчающим негативные эффекты периферийности и низкой плотности населения [Гимпельсон, Капелюшников 2023; Капелюшников 2023].

В-четвертых, требуется переоценка потенциала трансграничного сотрудничества с акцентом не на макроэкономические показатели стран-соседей, а на конкретные формы кооперации на микроуровне. Этнокультурная близость с населением приграничных районов Монголии может стать основой для развития туризма, образовательных обменов, кооперации в традиционных отраслях хозяйства. Важно создавать институциональные условия для таких контактов, включая упрощение визовых и таможенных процедур, поддержку совместных проектов [Вардомский 2015; Михалев А. В. 2022].

В-пятых, необходима поддержка «якорных резидентов» – ключевых для сельской местности специалистов и предпринимателей, которые становятся точками социальной и экономической стабильности. Она должна быть адресной и учитывать специфику различных типов территорий. В «агломерационной периферии» это могут быть меры по привлечению врачей и учителей, в «традиционных ареалах» – поддержка местных предпринимателей и кооперативов [Потапцева 2021; Регионы России... 2023].

Выводы

Статья З. Б.-Д. Дондокова вносит существенный вклад в систематизацию знаний о факторах экономического развития российских регионов Внутренней Азии. Автору удалось в комплексе представить исторические, природно-климатические, демографические и географические ограничители, с которыми сталкиваются эти территории. Особую ценность работе придает постановка вопросов, открывающих перспективы для дальнейших исследований.

Исходя из его выводов, можно выделить несколько перспективных направлений дальнейших исследований и практических действий.

Во-первых, углубленный анализ механизмов влияния транспортно-логистического фактора с учетом современных процессов перестройки международных цепочек поставок и развития международных транспортных коридоров. Особое внимание должно быть уделено оценке экономической эффективности различных инфраструктурных проектов и их влиянию на социально-экономическое развитие территорий с учетом их специфики.

Во-вторых, необходимо исследование цифровизации и инновационного потенциала как компенсаторных механизмов, способных смягчить негативное влияние периферийности и низкой плотности населения. Как показывают эконометрические оценки, именно цифровизация – наиболее значимый фактор роста производительности труда и создания качественных рабочих мест, что открывает новые возможности для российских регионов Внутренней Азии. При этом важно понимать, какие именно цифровые технологии и организационные решения наиболее эффективны в условиях низкой плотности и специфической структуры экономики.

В-третьих, разработка дифференцированных стратегий пространственного развития, учитывающих не только общие закономерности, но и специфику отдельных типов территорий внутри макрорегиона. Практическая реализация такого подхода требует внесения изменений в методики распределения средств государственных программ (введение коэффициентов, учитывающих дисперсность расселения), разработки на региональном уровне карт опорных населенных пунктов и зон обслуживания, а также внедрения практики расчета удельной стоимости предоставления услуг при обосновании инфраструктурных проектов.

В-четвертых, переоценка потенциала трансграничного сотрудничества с акцентом не на макроэкономические показатели стран-соседей, а на конкретные формы кооперации на микроуровне, включая приграничную торговлю, туризм, образовательные и культурные обмены. Этнокультурная близость с населением приграничных районов Монголии может стать важным ресурсом развития, который пока используется недостаточно.

Комплексный подход, сочетающий анализ объективных ограничений с поиском скрытых резервов и точек роста, представляется наиболее перспективным как для научного осмысления проблем российских регионов Внутренней Азии, так и для выработки практических решений в сфере региональной политики, направленных на преодоление пространственных диспропорций и создание условий для устойчивого социально-экономического развития этих территорий.

Источники и литература

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

OECD Regions and Cities at a Glance 2024 [Электронный ресурс]: [доклад]. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 6 December. – Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-regions-and-cities-at-a-glance-2024_f42db3bf-en.html (дата обращения: 19.02.2026).

Ванчикова Е. Н. Стратегии преодоления пространственного разрыва: развитие сельского хозяйства и сельских территорий в условиях низкой плотности и дисперсности расселения / Е. Н. Ванчикова, В. С. Баженова, Н. В. Шобдоева, Т. В. Полозова, Д. Ж. Малушко // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 11. – С. 176–181. EDN NPWKGK

Вардомский Л. Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции / Л. Б. Вардомский // ЭКО. – 2015. – Т. 45, № 8(494). – С. 59–80. EDN UBSQDV

Вахрамеев И. И. Транспортно-логистический потенциал приграничных регионов России: современные вызовы и точки роста / И. И. Вахрамеев, Е. Н. Ванчикова // Социально-экономические проблемы обеспечения устойчивости российской экономики: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с проведением межвузовского круглого стола (г. Москва, 23 октября 2025 г.). – М.: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 40–43. EDN EONAWN

Гимпельсон В. Е. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2023. – № 1. – С. 59–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85. EDN GMPYWQ

Дондоков З. Б.-Д. Из сибиряков в дальневосточники: широк простор и долг путь / З. Б.-Д. Дондоков // ЭКО. – 2020. – № 8(554). – С. 31–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-31-47. EDN XGWWOR

Дондоков З. Б.-Д. Российские регионы Внутренней Азии: особенности и факторы экономического развития / З. Б.-Д. Дондоков // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2025. – № 1(1). – С. 16–23. DOI: 10.30792/3033-6015-2025-1-16-23. EDN GYNBZR

Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. – 2014. – № 4(478). – С. 7–26. EDN RZLYST

Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики / Н. В. Зубаревич // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46–57. EDN YSPLCJ

Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н. В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. – DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145. EDN YTNWNF

Зубаревич Н. В. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2024. – № 1(83). – С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1. EDN DPUWWT

Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2023. – № 8. – С. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. EDN USUZBY

Михалев А. В. Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения / А. В. Михалев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 134–147. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08. EDN LXKBBS

Михалев М. С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция / М. С. Михалев. – М.: Изд-во Института Китая и современной Азии ИККА РАН, 2023. – 295 с. – ISBN 978-5-8381-0421-2. DOI: 10.48647/ISSA.2022.46.13.015. EDN KKYWOW

Потапцева Е. В. Обзор методик идентификации высокопроизводительных рабочих мест в России / Е. В. Потапцева // Известия высших учебных заведений. Сер. Экономика, финансы и управление производством. – 2021. – № 3(49). – С. 113–123. DOI: 10.6060/ivecofin.20214493.557. EDN LSEKSM

References

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023: stat. sb. [Elektronnyj resurs] // Rosstat. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (data obrashcheniya: 15.02.2026).

OECD Regions and Cities at a Glance 2024 [Elektronnyj resurs]: [doklad]. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 6 December. – Rezhim dostupa: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-regions-and-cities-at-a-glance-2024_f42db3bf-en.html (data obrashcheniya: 19.02.2026).

Vanchikova E. N. Strategii preodoleniya prostranstvennogo razryva: razvitie sel'skogo hozyajstva i sel'skih territorij v usloviyah nizkoj plotnosti i dispersnosti rasseleniya / E. N. Vanchikova, V. S. Bazhenova, N. V. Shobdoeva, T. V. Polozova, D. Zh. Malushko // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. – 2025. – Т. 32. – № 11. – С. 176–181. EDN NPWKGP

Vardomskij L. B. Tranzitnyj potencial Kazahstana v kontekste evrazijskoj integracii / L. B. Vardomskij // *EKO*. – 2015. – Т. 45, № 8(494). – С. 59–80. EDN UBSQDV

Vahrameev I. I. Transportno-logisticheskij potencial prigranichnyh regionov Rossii: sovremennye vyzovy i točki rosta / I. I. Vahrameev, E. N. Vanchikova // *Social'no-ekonomicheskie problemy obespecheniya ustojchivosti rossijskoj ekonomiki: sb. nauch. st. Vseros. nauch.-prakt. konf. s provedeniem mezhvuzovskogo kruglogo stola (g. Moskva, 23 oktyabrya 2025 g.)*. – М.: ZAO «Universitetskaya kniga», 2025. – С. 40–43. EDN EONAWN

Gimpel'son V. E. Evolyuciya struktury rabochih mest v Rossii: polyarizaciya, uluchshenie, zastoj? / V. E. Gimpel'son, R. I. Kapelyushnikov // *Voprosy ekonomiki*. – 2023. – № 1. – С. 59–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85. EDN GMPYWQ

Dondokov Z. B.-D. Iz sibiryakov v dal'nevostochniki: shirok prostor i dolog put' / Z. B.-D. Dondokov // *EKO*. – 2020. – № 8(554). – С. 31–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-31-47. EDN XGWWOR

Dondokov Z. B.-D. Rossijskie regiony Vnutrennej Azii: osobennosti i faktory ekonomicheskogo razvitiya / Z. B.-D. Dondokov // *Vostochnyj azimut: ekonomika, sociologiya, etnologiya*. – 2025. – № 1(1). – С. 16–23. DOI: 10.30792/3033-6015-2025-1-16-23. EDN GYNBZR

Zubarevich N. V. Regional'noe razvitie i regional'naya politika v Rossii / N. V. Zubarevich // *EKO*. – 2014. – № 4(478). – С. 7–26. EDN RZLYST

Zubarevich N. V. Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki / N. V. Zubarevich // *Mir novoj ekonomiki*. – 2017. – № 2. – С. 46–57. EDN YSPLCJ

Zubarevich N. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty / N. V. Zubarevich // *Voprosy ekonomiki*. – 2019. – № 1. – С. 135–145. – DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145. EDN YTNWNF

Zubarevich N. V. Mezhhregional'noe neravenstvo v Rossii i postsovetских stranah v XXI veke / N. V. Zubarevich, S. G. Safronov // *Regional'nye issledovaniya*. – 2024. – № 1(83). – С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1. EDN DPUWWT

Kapelyushnikov R. I. Rossijskij rynek truda: statisticheskij portret na fone krizisov / R. I. Kapelyushnikov // *Voprosy ekonomiki*. – 2023. – № 8. – С. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. EDN USUZBY

Mihalev A. V. Vnutrennyaya Aziya kak periferiya dvuh imperij, ili Paradoksy politicheskogo voobrazheniya / A. V. Mihalev // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 134–147. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08. EDN LXXBBS

Mihalev M. S. Zasechnaya cherta Vnutrennej Azii: Yuzhnaya Sibir' i evrazijskaya integraciya / M. S. Mihalev. – М.: Izd-vo Instituta Kitaya i sovremennoj Azii IKSA RAN, 2023. – 295 s. – ISBN 978-5-8381-0421-2. DOI: 10.48647/ICCA.2022.46.13.015. EDN KKYWOW

Potapceva E. V. Obzor metodik identifikacii vysokoproizvoditel'nyh rabochih mest v Rossii / E. V. Potapceva // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ser. Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*. – 2021. – № 3(49). – С. 113–123. DOI: 10.6060/ivecofin.20214493.557. EDN LSEKSM

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026;

одобрена после рецензирования: 28.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 19.02.2026;

approved after reviewing: 28.04.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 338.22.021.4 + 338.24.01

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-33-43

А. Б. Базаров**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются интеллектуальные системы поддержки принятия решений как один из элементов современной архитектуры стратегического управления Российской Федерации. Особое внимание уделено российской исследовательской линии, в которой данная проблематика тесно связана с экономико-математическим, имитационным и межотраслевым моделированием. Показано, что в прикладной плоскости интеллектуальная поддержка решений развивается прежде всего в государственных информационно-аналитических системах, механизмах пространственного и макрорегионального планирования, а также в крупных корпоративных цифровых контурах. Отдельно обосновывается, что домохозяйства следует рассматривать не только как источник статистической информации, но и как самостоятельный объект стратегического управления, поскольку структура их доходов, расходов, потребления, занятости и адаптационных практик отражает результативность социальной и экономической политики. Рассмотрены ограничения применения интеллектуальных систем поддержки принятия решений, связанные с качеством данных, безопасностью информации, интерпретируемостью моделей и сохранением ответственности субъекта управления. Делается вывод, что в России интеллектуальные системы поддержки принятия решений формируются не как совокупность разрозненных цифровых сервисов, а как инфраструктура сопряжения нормативно-правовой рамки стратегического планирования, исследовательских моделей и статистической базы управления.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, интеллектуальные системы, системы поддержки принятия решений, территориальное развитие, домохозяйства, экономико-математическое моделирование.

Для цитирования: Базаров А. Б. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений в стратегическом управлении Российской Федерации // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 33–43. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-33-43

A. B. Bazarov**INTELLIGENT DECISION SUPPORT SYSTEMS
IN THE STRATEGIC MANAGEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

This article examines intelligent decision support systems as one of the elements of the modern strategic management architecture of the Russian Federation. Particular attention is paid to the Russian research approach, where this issue is closely linked to economic-mathematical, simulation, and intersectoral modeling. It is shown that, in its applied form, intelligent decision support is developing primarily in government information and analytical systems, spatial and macroregional planning mechanisms, and large-scale corporate digital systems. It is specifically argued that households should be considered not only as a source of statistical information, but also as an independent object of strategic management, since the structure of their income, expenditure, consumption, employment and adaptive practices reflects the effectiveness of social and economic policy. The article also considers limitations of intelligent decision support systems, including data quality, information security, model interpretability, and the preservation of responsibility of the decision-making subject. It is concluded that in Russia, intelligent decision support systems are being developed not as a collection of disparate digital services, but as an infrastructure for integrating the legal framework for strategic planning, research models and the statistical management base.

Keywords: strategic management, strategic planning, intelligent systems, decision support systems, territorial development, households, economic-mathematical modeling.

Базаров Александр Борисович – кандидат экономических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-5248-3583. E-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru.

Bazarov Aleksandr Borisovich – Candidate of Economy Sciences, Research Fellow of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-5248-3583. E-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru.

Введение

В современной российской управленческой практике стратегическое управление нередко отождествляется с подготовкой и согласованием документов стратегического планирования. Такой подход институционально понятен: именно документы фиксируют цели, показатели, приоритеты, ресурсы и ответственность участников. Однако само наличие стратегии, прогноза, государственной программы или плана мероприятий еще не означает, что система управления располагает достаточными основаниями для принятия обоснованных решений. Между документом и результатом всегда лежит более сложная область сопоставления альтернатив, оценки ограничений, интерпретации данных и последующей корректировки управленческих решений. Поэтому вопрос о стратегическом управлении превращается в вопрос о том, какими средствами обеспечивается интеллектуальная подготовка решения.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» задает широкую нормативную рамку стратегического планирования, включая целеполагание, прогнозирование, планирование, программирование, мониторинг и контроль [2014]. Тем самым уже на уровне законодательства стратегическое планирование выступает не как единичный акт подготовки текста стратегии, а как система взаимосвязанных процедур. Однако правовая институционализация не устраняет проблему содержательного обеспечения управленческого выбора. Чем сложнее объект управления, тем меньше оснований считать, что документ сам по себе способен гарантировать согласованность действий, устойчивость приоритетов и достижение заявленных результатов.

Для пространственного и регионального развития эта проблема проявляется особенно отчетливо. Здесь пересекаются социальные, экономические, инфраструктурные, пространственные и институциональные параметры, а сами решения принимаются в условиях множественности акторов и несовпадения интересов. Именно поэтому в российской научной традиции стратегическое управление территориальным развитием рассматривается не как локальная техника составления программных документов, а как многоуровневый механизм согласования целей, ресурсов, институтов и интересов участников развития [Лексин, Швецов 2006; Селиверстов 2010]. Из такой постановки вытекает принципиальный вывод: стратегия не исчерпывается нормативно-документарным контуром и требует аналитической среды, в которой соединяются модели, сценарии, процедуры оценки и массивы данных, пригодные для интерпретации и управленческого действия.

Эту линию последовательно развивает В. Е. Селиверстов, подчеркивающий, что региональное стратегирование отличается от стратегирования корпорации по объекту, субъекту, горизонту существования и общественному содержанию [2010]. Регион в данном случае понимается как устойчивая территориальная общность с длительным горизонтом развития, внутренней социальной структурой и множеством групповых интересов. Отсюда вытекает важное следствие: стратегическое управление территорией должно оцениваться не только по темпам роста отдельных показателей, но и по его способности обеспечивать качество жизни, пространственную сбалансированность и устойчивость развития.

Такое понимание стратегического управления придает ему выраженный координационный характер. Речь идет уже не просто о фиксации желаемого будущего в тексте документа, а об организации взаимодействия власти, бизнеса, населения, институтов развития и экспертного сообщества. В этом смысле ее полнота определяется не формальной завершенностью документа, а тем, насколько он встроен в процедуры согласования, мониторинга, обратной связи и корректировки.

Именно на этой почве в российской литературе усиливается интерес к аналитическим и модельным средствам стратегического управления. Работы, посвященные моделированию стратегического развития муниципального образования, показывают, что стратегия на уровне территории практически неотделима от использования инструментария, позволяющего оценивать ограничения, последствия и сценарии развития [Новоселов, Гайдук, Ковалев 2016]. Тем самым закрепляется представление о стратегическом управлении как о системе, в которой нормативный каркас, аналитические процедуры и информационная база образуют единую структуру.

Если стратегия территории понимается как многоуровневый и длительный процесс согласования и корректировки решений, то интеллектуальные системы поддержки принятия решений перестают быть внешним цифровым дополнением. Они становятся внутренним элементом стратегического управления, поскольку обеспечивают сопоставление сценариев, интерпретацию данных и подготовку управленческого выбора.

Проблематика систем поддержки принятия решений возникла как ответ на ограниченность тех представлений об управлении, в которых сложное решение предполагалось полностью сводимым к заранее заданному алгоритму. Значительная часть управленческих задач носит слабо- или полуструктурированный характер и потому требует не автоматической замены субъекта решения, а инструментальной помощи при работе с данными и моделями [Gorry, Morton 1971]. В последующей литературе закрепилось понимание систем поддержки решений как интерактивных средств, объединяющих данные, документы, знания и модели для решения управленческих проблем [Power 2001; Shim et al. 2002].

Для стратегического управления особенно важно, что подобные системы не ограничиваются функцией хранения или визуализации информации. Их принципиальная роль состоит в обеспечении сравнения альтернатив, сценарного анализа, оценки последствий и интеллектуального сопровождения выбора. Поэтому система поддержки решений ценна не тогда, когда она просто ускоряет подготовку отчетности, а тогда, когда помогает связать нормативные цели, аналитические модели и реальные данные в едином управленческом цикле. Иными словами, речь идет не о механической обработке информации, а о среде, в которой формируется основание для стратегического действия.

Данная проблематика в российской исследовательской традиции развивалась с заметным смещением в сторону экономико-математического и имитационного моделирования. В этой связи особое значение приобрели вопросы макроэкономической согласованности, межотраслевых связей, инвестиционных лагов и сценарного прогнозирования. Имитационные модели в процедурах поддержки стратегических решений позволяют проверять управленческие гипотезы, сравнивать варианты развития и оценивать последствия принимаемых решений до их практической реализации [Лычкина 2007]. Эта исследовательская линия подводит к выводу, что интеллектуальная поддержка решений не может быть сведена ни к статистическому учету, ни к цифровизации документооборота.

Объект нашего исследования – интеллектуальные системы поддержки принятия решений в системе стратегического управления Российской Федерации. Предмет исследования – их роль в сопряжении нормативных механизмов стратегического планирования, аналитико-модельных инструментов и статистической информации, включая данные о домохозяйствах как самостоятельном объекте управленческого анализа. Цель статьи – показать, каким образом интеллектуальные системы поддержки принятия решений формируются в государственном и корпоративном контурах, а также каким образом данные о домохозяйствах могут быть включены в систему стратегического управления социальной и экономической политикой.

В настоящее время содержательное ядро интеллектуальной поддержки решений образуют аналитические процедуры, в которых данные превращаются в интерпретируемую модельную основу стратегического выбора, что особенно важно для Российской Федерации в условиях глобальных и национальных вызовов. Именно поэтому для России системы поддержки решений следует рассматривать не как периферийное технологическое приложение, а как способ соединения научного моделирования, государственного прогнозирования и практики стратегического управления.

Практики интеллектуальной поддержки решений: государственный и корпоративный контуры

Переход от теоретической постановки вопроса к институциональной практике показывает, что в современной России интеллектуальная поддержка решений развивается прежде всего в двух контурах. Первый связан с государственным управлением, где аналитические системы используются для пространственного планирования, межведомственной координации, мониторинга качества услуг и сопровождения инфраструктурных решений. Второй контур формируется в крупном корпоративном секторе, в котором данные, модели и алгоритмы применяются для управления клиентскими сервисами, рисками, цифровыми платформами и внутренними бизнес-процессами. В обоих случаях речь идет уже не о простой цифровизации документооборота, а о постепенном переходе к управлению, основанному на мониторинговой, предиктивной и рекомендательной аналитике.

Наиболее наглядно государственный контур проявляется на примере Федеральной государственной информационной системы территориального планирования (ФГИС ТП). На официальном ресурсе Минэкономразвития ФГИС ТП характеризуется как информационно-аналитическая система, обеспечивающая открытый доступ органов государственной власти и органов местного самоуправления к

документам территориального планирования и связанным материалам [Федеральная государственная...]. В данном случае особенно важно не только хранение документов, но и их включение в единый цифровой контур согласования пространственных решений.

Аналогичную функцию, но уже в иной предметной области представляет собой информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг. Нормативное закрепление данной системы и последующие материалы Минэкономразвития показывают, что мониторинг рассматривается не как разовая оценка, а как постоянная процедура наблюдения, позволяющая фиксировать качество предоставления услуг и использовать данные для управленческой корректировки [Приказ Минэкономразвития России...; Мониторинг качества...]. Тем самым аналитическая система включается в контур обратной связи, без которого стратегическое управление неизбежно утрачивает чувствительность к реальному состоянию объекта.

Особый интерес представляет макрорегиональный уровень управления. В практике стратегического планирования Дальнего Востока и Арктики аналитическая поддержка решений тесно связана с моделированием, прогнозированием, цифровыми пространственными данными и оценкой социально-экономических эффектов [Восточный центр...]. Таким образом, современное стратегическое управление требует не только нормативных ориентиров, но и инструментов, способных учитывать пространственную неоднородность, инвестиционные ограничения, инфраструктурную связанность и сценарные различия развития территорий.

Корпоративный контур отличается иным институциональным режимом, но движется в том же направлении. Для крупных компаний аналитические платформы становятся средой, в которой соединяются потоки данных, инструменты визуализации, прогнозные модели и практики оперативной корректировки действий. Наиболее простую форму такого контура демонстрируют Business Intelligence-платформы. Так, Yandex DataLens позиционируется как система визуализации и анализа данных, позволяющая формировать дашборды, проверять гипотезы и использовать данные в управленческом цикле [Yandex DataLens...]. Сама по себе эта платформа не является полноценной системой стратегического управления, однако этот пример показывает, как корпоративная аналитика уходит от статичной отчетности к интерактивной среде принятия решений.

Более содержательно этот переход виден на материалах годового отчета российской компании «МТС», где большие данные и искусственный интеллект описываются как элементы экосистемной и управленческой модели компании [MTS...]. Здесь аналитика используется не только для представления результатов, но и для персонализации сервисов, антифрод-процедур, скоринговых механизмов и управления взаимодействием с клиентом. Аналогичную тенденцию показывают и материалы «Сбера», где искусственный интеллект и AI-ассистенты описываются как инструменты, помогающие анализировать информацию, формировать предварительные выводы и ускорять рабочие решения в корпоративной среде [Сбер запустил...; Сбер помогает...].

Сопоставление государственного и корпоративного контуров позволяет сделать важный вывод: интеллектуальная поддержка решений становится универсальной инфраструктурой управления, однако ее конкретные функции определяются институциональной природой субъекта принятия решений. В государственном секторе на первый план выходят пространственная связность, межведомственная координация и мониторинг общественно значимых результатов; в корпоративном – скорость реакции, персонализация, снижение рисков и коммерческая эффективность. При всех различиях в обоих случаях решающее значение имеет одно и то же обстоятельство: данные приобретают управленческую ценность лишь в составе аналитической среды, в которой они преобразуются в основание для действия.

Вместе с тем государственный и корпоративный контуры не исчерпывают всей проблематики стратегического управления. Значительная часть последствий принимаемых решений проявляется на уровне домохозяйств: в изменении доходов и расходов населения, структуре потребления, занятости, долговой нагрузке, доступности услуг и адаптационных практиках. Поэтому данные о домохозяйствах должны рассматриваться не только как статистический материал для описания уровня жизни, но и как важная информационная основа для интеллектуальной поддержки решений в социальной и экономической политике.

Домохозяйства как объект управления

В этом контексте особого внимания заслуживают домохозяйства как самостоятельный объект стратегического управления. Наряду с государством и предприятиями они образуют один из ключевых секторов экономики, обеспечивая значительную часть конечного потребления, участие населения в рынке труда, формирование сбережений, долговое поведение и адаптацию к изменениям социальной политики. Поэтому состояние домохозяйств не может быть сведено только к показателям уровня жизни: оно отражает устойчивость социально-экономической системы, чувствительность населения к ценовым, тарифным, налоговым и трансфертным решениям, а также реальные ограничения, с которыми сталкиваются различные группы населения. Такая постановка вопроса соответствует подходу, согласно которому домохозяйства рассматриваются как один из основных экономических субъектов постсоветской России [Экономические субъекты... 2001].

Домохозяйства играют ключевую роль в стратегическом управлении, поскольку именно на их уровне проявляются последствия макроэкономических, бюджетных, социальных и инфраструктурных решений. Изменения доходов, расходов, структуры потребления, долговой нагрузки, занятости и распределения семейных ресурсов выступают не только социальным индикатором, но и признаком более глубоких экономических процессов. Через поведение домохозяйств можно судить о том, насколько государственная политика достигает своих целей, какие группы населения оказываются наиболее уязвимыми и какие меры требуют корректировки.

При этом управление домохозяйствами не следует понимать как прямое административное воздействие на повседневное поведение семей и индивидов. Это сложный и опосредованный процесс, в котором государство формирует условия, влияющие на экономические возможности населения, структуру потребления и адаптационные стратегии: занятость, социальные выплаты, качество государственных услуг, стоимость жилищно-коммунальных услуг, инфляционную динамику, доступность кредитов и социальной инфраструктуры. Следовательно, домохозяйства – это не пассивная масса получателей социальной помощи, а активные экономические субъекты, чье поведение необходимо учитывать при выработке и оценке решений.

Центральное место в системе наблюдения занимает выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств Росстата. Его программа ориентирована на получение детализированной информации о составе расходов, объеме личного потребления и распределении ресурсов домохозяйства [Выборочное обследование...]. Методическая значимость этого инструмента состоит в том, что он позволяет фиксировать не только денежные поступления, но и реальные потребительские практики, структуру расходов и способы повседневного воспроизводства домашнего хозяйства. Именно поэтому для стратегического управления данные о расходах имеют не меньшее значение, чем о доходах: они позволяют видеть не просто объем ресурсов, но и способ их использования.

Дополнительное значение официальной статистики связано с тем, что она дает возможность анализировать материальное положение населения в более широком контексте, чем это позволяют показатели средней заработной платы или среднедушевого дохода. Статистический бюллетень Росстата «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» содержит сведения о распределении населения по уровню материального благосостояния, структуре потребления и другим параметрам уровня жизни [Доходы...]. Для стратегического управления это принципиально важно, поскольку именно через такие данные выявляются скрытые ограничения, адаптационные стратегии и различия между формально близкими по доходу группами населения.

Вместе с тем одной официальной статистики недостаточно для глубокого анализа поведения домохозяйств во времени. Существенным дополнением выступает Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, представляющий собой лонгитюдное обследование домохозяйств с многолетней динамикой наблюдения [Российский мониторинг... О проекте; Российский мониторинг... Описание проекта]. Панельная природа этой базы особенно важна для стратегического управления, поскольку позволяет проследживать не только срезные различия, но и устойчивые траектории адаптации домохозяйств к кризисам, инфляционным шокам, изменениям занятости и социальной политики. Иначе говоря, здесь появляется возможность видеть не только текущее состояние, но и последовательность изменений, а значит, лучше оценивать отложенные последствия принимаемых решений.

Именно на этом уровне особенно отчетливо проявляется различие между накоплением данных и интеллектуальной поддержкой решений. Простое наличие статистической информации еще не гарантирует качества выводов. Для стратегического анализа необходимо сопоставление источников, корректная индексация показателей, учет различий между денежными и натуральными поступлениями, в составе домохозяйств, региональной специфики и инфляционной динамики. Показательно, что даже в материалах РМЭЗ НИУ ВШЭ специально подчеркивается необходимость осторожной интерпретации части временных рядов с учетом инфляционной и методической неоднородности [Воронин и др. 2026]. Это означает, что данные должны не просто поступать в управленческий контур, но и проходить аналитическую обработку, делающую их сопоставимыми и пригодными для интерпретации.

В прикладном отношении данные о доходах и расходах домохозяйств лежат в основе целого ряда стратегически значимых решений. Через них оцениваются масштабы бедности, изменение потребительского спроса, дифференциация уровня жизни, устойчивость семейных бюджетов, чувствительность населения к росту цен и вероятные эффекты налоговых, тарифных и трансфертных мер. Следовательно, управление в данной сфере следует понимать не как прямое воздействие на поведение домохозяйства, а как выработку мер, которые опосредованно влияют на его ресурсы и модель потребления через занятость, заработную плату, социальные выплаты, кредитные условия и институциональные механизмы социальной защиты.

Особое значение такой подход имеет для регионального и территориального управления. Домохозяйства существуют не в абстрактном национальном пространстве, а в конкретных региональных, муниципальных и поселенческих условиях. Структура доходов, расходов и потребления зависит от состояния рынка труда, транспортной доступности, качества социальной инфраструктуры, ценовой среды, жилищных условий и региональных особенностей занятости. Поэтому данные о домохозяйствах позволяют связать стратегическое управление не только с макроэкономическими показателями, но и с реальными условиями жизни населения на конкретных территориях. Без такого уровня анализа стратегическое управление рискует оставаться слишком агрегированным и недостаточно чувствительным к различиям между регионами и социальными группами.

С этой точки зрения цифровая инфраструктура статистики приобретает самостоятельное стратегическое значение. Минцифры России прямо связывает развитие государственной статистики с повышением качества, достоверности и защищенности данных, а также с сокращением сроков их формирования [Ц9...]. В управленческом смысле это означает, что качество интеллектуальной поддержки решений зависит не только от наличия моделей, но и от того, насколько быстро, полно и стандартизированно данные поступают в аналитический контур. Следовательно, именно информационный контур превращает стратегическое управление из нормативной конструкции в систему, способную опираться на проверяемую эмпирическую базу.

Таким образом, домохозяйства должны быть включены в интеллектуальные системы поддержки принятия решений не как второстепенный статистический блок, а как один из значимых объектов стратегического анализа. Именно на этом уровне соединяются экономические результаты, социальные последствия и поведенческие реакции населения, что позволяет сделать стратегическое управление более чувствительным к реальным условиям жизни различных групп населения.

Ограничения применения интеллектуальных систем поддержки принятия решений

Развитие интеллектуальных систем поддержки принятия решений расширяет возможности стратегического управления, однако не устраняет управленческие риски. Более того, часть рисков в условиях цифровизации приобретает новую форму. Если в традиционной системе управления ключевые ограничения были связаны с неполнотой информации, ведомственной разобщенностью и низкой скоростью обработки данных, то в цифровой среде к ним добавляются проблемы качества исходных данных, интерпретируемости моделей, безопасности информации и распределения ответственности за принятое решение. В современной литературе эти ограничения связываются, в частности, с необходимостью алгоритмической подотчетности и объяснимости моделей, используемых в управленческих процедурах [Kroll et al. 2017; Guidotti et al. 2019].

Первым существенным ограничением является качество данных. Интеллектуальная система поддержки принятия решений не может быть надежнее той информационной базы, на которой она построена. Неполные, несопоставимые, устаревшие или методически неоднородные данные способны привести к ошибочной интерпретации ситуации даже при использовании сложных аналитических инструментов. Для стратегического управления это особенно важно, поскольку решения часто имеют долгосрочные последствия и затрагивают значительные группы населения. Поэтому развитие интеллектуальных систем поддержки принятия решений должно сопровождаться не только техническим обновлением платформ, но и постоянной работой по обеспечению достоверности, сопоставимости и методической прозрачности данных.

Второе ограничение связано с безопасностью и конфиденциальностью информации. В государственном управлении данные, используемые для интеллектуальной поддержки решений, могут включать сведения о населении, домохозяйствах, социальных выплатах, занятости, потреблении, обращениях за услугами и иных параметрах жизнедеятельности. Даже при использовании агрегированных данных важно обеспечить надежную защиту информации, ограничить доступ к ней, корректно обезличить и не допустить повторной идентификации отдельных лиц или групп. Особенно значимы эти вопросы в тех случаях, когда данные разных ведомств или обследований объединяются в единую аналитическую среду.

Третье ограничение обусловлено интерпретируемостью моделей и сохранением ответственности субъекта управления. Чем сложнее аналитический инструмент, тем выше риск того, что его результаты будут восприниматься как объективные и самодостаточные, хотя на самом деле они зависят от исходных предпосылок, структуры модели, набора переменных и качества данных. Подходы интерпретируемого машинного обучения специально подчеркивают, что объяснимость результата необходима не сама по себе, а для проверки надежности вывода, оценки последствий и сохранения осмысленного человеческого контроля [Doshi-Velez, Kim 2017; Guidotti et al. 2019]. Интеллектуальная система способна предложить сценарий, оценку, предупреждение или рекомендацию, но она не должна подменять собой субъект управления.

В отношении домохозяйств эти риски особенно существенны. Данные о доходах, расходах, потреблении и занятости имеют высокую управленческую ценность, но одновременно требуют осторожного обращения. Их неправильная интерпретация может привести к ошибочной оценке бедности, недооценке скрытой уязвимости отдельных групп, неверному определению адресатов социальной поддержки или чрезмерному упрощению поведенческих реакций населения. Поэтому включение домохозяйств в интеллектуальные системы поддержки решений должно сопровождаться методической аккуратностью, защитой данных, учетом региональной специфики и сохранением экспертной интерпретации.

Следовательно, ограничения интеллектуальных систем поддержки принятия решений не являются основанием для отказа от их использования. Напротив, они показывают, что эти системы должны развиваться как институционально контролируемые и методически прозрачные инструменты. Их задача не в автоматизации управленческого выбора, а в повышении качества его подготовки. Данные, модели и цифровые платформы приобретают стратегическое значение только в том случае, если они встроены в процедуры ответственности, проверки, экспертного анализа и последующей корректировки решений.

Заключение

Таким образом, интеллектуальные системы поддержки принятия решений в стратегическом управлении Российской Федерации целесообразно рассматривать не как автономный сегмент цифровых технологий, а как форму сопряжения трех контуров управления: нормативного, аналитико-модельного и информационного. Такой подход позволяет уйти от упрощенного представления, в котором стратегическое управление сводится к набору документов, а цифровизация – к техническому обновлению каналов обработки информации.

Российская исследовательская традиция подводит к этому выводу через особое понимание территориального развития как сложного, многоуровневого и социально нагруженного объекта управления. Именно поэтому в отечественной практике столь заметна роль экономико-математического, имитационного и межотраслевого моделирования: они выступают не внешними расчетными приложениями, а средствами выработки, проверки и корректировки стратегических решений.

В прикладной плоскости интеллектуальная поддержка решений наиболее отчетливо проявляется в государственных информационно-аналитических системах, пространственном и макрорегиональном планировании, мониторинге качества услуг, а также в крупных корпоративных цифровых контурах. Вместе с тем развитость аналитических инструментов сама по себе еще не гарантирует качества стратегического управления. Решающее значение сохраняет информационная база решений, в т. ч. данные о доходах, расходах, потреблении и занятости домохозяйств, без которых невозможно корректно оценивать последствия социальной и экономической политики.

Домохозяйства в этой связи следует рассматривать не только как источник статистической информации, но и как самостоятельный объект стратегического управления. Именно через их ресурсное положение, структуру потребления, занятость, долговое поведение и адаптационные практики проявляются реальные последствия государственных решений. Поэтому данные Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ имеют не только описательное, но и управленческое значение: они позволяют переходить от агрегированных макроэкономических показателей к анализу реального поведения населения и оценке последствий социальной и экономической политики.

Одновременно развитие интеллектуальных систем поддержки принятия решений требует учета ограничений, связанных с качеством данных, безопасностью информации, интерпретируемостью моделей и сохранением ответственности субъекта управления. Эти ограничения особенно значимы в государственном стратегическом управлении, где последствия решений затрагивают качество жизни населения, распределение бюджетных ресурсов, доступность социальных услуг и доверие к институтам. Поэтому интеллектуальные системы поддержки принятия решений не должны рассматриваться как механизм автоматической замены управленческого выбора. Их назначение состоит в аналитическом сопровождении решений, требующем экспертной интерпретации и институционального контроля.

Таким образом, перспективы развития интеллектуальных систем поддержки принятия решений в России связаны не столько с накоплением отдельных цифровых сервисов, сколько с усилением связанности нормативно-правовой рамки стратегического планирования, исследовательских моделей и статистической инфраструктуры. Именно степень их интеграции определяет, превращаются ли данные и модели в реальный ресурс стратегического управления или остаются разрозненными элементами цифровой среды. Включение домохозяйств в эту систему позволяет сделать стратегическое управление более чувствительным к социальным последствиям принимаемых решений и тем самым усилить его содержательную, а не только технологическую основу.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Источники и литература

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 29.03.2026).

Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе “Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг”» от 29.01.2025 № 44 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506333/ (дата обращения: 29.03.2026).

Восточный центр государственного планирования. Главное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vef.vostokgosplan.ru/> (дата обращения: 29.03.2026).

Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств: программа обследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OBDH.pdf> (дата обращения: 29.03.2026).

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: статистический бюллетень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 29.03.2026).

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. О проекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/rlms/about> (дата обращения: 29.03.2026).

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Описание проекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/rlms/description> (дата обращения: 29.03.2026).

Федеральная государственная информационная система территориального планирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/fgis_tp/ (дата обращения: 29.03.2026).

Ц9. Государственная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz9-gosudarstvennaya-statistika> (дата обращения: 29.03.2026).

MTS. Annual Report 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://storage.ir.mts.ru/mts-ir/images/Annual%20Report_2024_eng.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

Yandex DataLens. BI-система для бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datalens.ru/> (дата обращения: 29.03.2026).

Воронин Г. Л. Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2024 гг.) / Г. Л. Воронин, З. Е. Дорофеева, К. О. Евграфова, И. П. Киселева, П. М. Козырева, А. И. Смирнов, С. Б. Соколова, Е. И. Тонис // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). – 2026. – Вып. 16. – С. 6–101. DOI: 10.19181/rlms-hse.2026.1

Лексин В. Н. Общегосударственная система стратегического планирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 22. – С. 192–212.

Лычкина Н. Н. Имитационные модели в процедурах и системах поддержки принятия стратегических решений на предприятиях / Н. Н. Лычкина // Бизнес-информатика. – 2007. – № 1(1). – С. 29–35.

Мониторингом качества госуслуг охвачены все сервисы в стране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_monitoringom_kachestva_gosuslug_ohvacheny_vse_servisy_v_strane.html (дата обращения: 29.03.2026).

Новоселов А. С. Моделирование стратегического развития муниципального образования / А. С. Новоселов, Е. А. Гайдук, А. Е. Ковалев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2016. – № 4(116). – С. 124–131.

Сбер запустил «AI-помощника банкира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/tekhnologii/article?blockID=69b149cd-6db4-45aa-ade1-b6920d771b11&lang=ru&newsID=a0a3b1f7-397d-4bff-8189-e250479afd54®ionID=77&type=NEWS> (дата обращения: 29.03.2026).

Сбер помогает Правительству РФ с обучением и внедрением искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/tekhnologii/article?blockID=69b149cd-6db4-45aa-ade1-b6920d771b11&lang=ru&newsID=6ab7b5c8-ca20-4796-a312-b90f8ad83718®ionID=77&type=NEWS> (дата обращения: 29.03.2026).

Селиверстов В. Е. Эволюция категорий и принципов регионального стратегического планирования / В. Е. Селиверстов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – № 6. – С. 59–79.

Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 1 / Р. М. Нуреев, А. В. Алексеев, Е. С. Балабанова [и др.]; Московский общественный научный фонд. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 804 с. – (Научные доклады; 124).

Doshi-Velez F. Towards a Rigorous Science of Interpretable Machine Learning / F. Doshi-Velez, B. Kim // arXiv preprint. – 2017. – arXiv: 1702.08608

Gorry G. A. A Framework for Management Information Systems / G. A. Gorry, M. S. S. Morton // Sloan Management Review. – 1971. – Vol. 13. – P. 55–70.

Guidotti R. A Survey of Methods for Explaining Black Box Models / R. Guidotti, A. Monreale, S. Ruggieri [et al.] // ACM Computing Surveys. – 2019. – Vol. 51. – No. 5. – Article 93. – P. 1–42. DOI: 10.1145/3236009

Kroll J. A. Accountable Algorithms / J. A. Kroll, J. Huey, S. Barocas [et al.] // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Vol. 165. – No. 3. – P. 633–705.

Power D. J. Supporting Decision-Makers: An Expanded Framework / D. J. Power // Proceedings of Informing Science. – 2001. – P. 431–436.

Shim J. P. Past, Present, and Future of Decision Support Technology / J. P. Shim, M. Warkentin, J. F. Courtney [et al.] // Decision Support Systems. – 2002. – Vol. 33. – No. 2. – P. 111–126.

References

- Federal'nyj zakon «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» ot 28.06.2014 № 172-FZ [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii «Ob utverzhdenii Polozheniya ob avtomatizirovannoj informacionnoj sisteme “Informacionno-analiticheskaya sistema monito-ringa kachestva gosudarstvennyh uslug”» ot 29.01.2025 № 44 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506333/ (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Vostochnyj centr gosudarstvennogo planirovaniya. Glavnoe [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://vef.vostokgosplan.ru/> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Vyborochnoe obsledovanie byudzhetrov domashnih hozyajstv: programma obsledovaniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OBDH.pdf> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Dohody, raskhody i potreblenie domashnih hozyajstv: statisticheskij byulleten' [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE. O proekte [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/rlms/about> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE. Opisanie proekta [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/rlms/description> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Federal'naya gosudarstvennaya informacionnaya sistema territorial'nogo planirovaniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/fgis_tp/ (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- C9. Gosudarstvennaya statistika [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizaciya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformaciya-gosudarstva/cz9-gosudarstvennaya-statistika> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- MTS. Annual Report 2024 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://storage.ir.mts.ru/mts-ir/images/Annual%20Report_2024_eng.pdf (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Yandex DataLens. BI-sistema dlya biznesa [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://datalens.ru/> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Voronin G. L. Rossijskie domohozyajstva: dinamika dohodov, raskhodov, social'nogo samochuvstviya (1994–2024 gg.) / G. L. Voronin, Z. E. Dorofeeva, K. O. Evgrafova, I. P. Kiseleva, P. M. Kozyreva, A. I. Smirnov, S. B. Sokolova, E. I. Tonis // Vestnik Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE (RLMS-HSE). – 2026. – Vyp. 16. – S. 6–101. DOI: 10.19181/rlms-hse.2026.1
- Vestnik RMEZ NIU VShE. – 2026. – Vyp. 16 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/rlms/news/1139480619.html> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Leksin V. N. Obshchegosudarstvennaya sistema strategicheskogo planirovaniya territorial'nogo razvitiya / V. N. Leksin, A. N. Shvecov // Trudy ISA RAN. – 2006. – T. 22. – S. 192–212.
- Lychkina N. N. Imitacionnye modeli v procedurah i sistemah podderzhki prinyatiya strategicheskikh reshenij na predpriyatiyah / N. N. Lychkina // Biznes-informatika. – 2007. – № 1(1). – S. 29–35.
- Monitoringom kachestva gosuslug ohvacheny vse servisy v strane [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_monitoringom_kachestva_gosuslug_ohvacheny_vse_servisy_v_strane.html (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Novoselov A. S. Modelirovanie strategicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya / A. S. Novoselov, E. A. Gajduk, A. E. Kovalev // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2016. – № 4(116). – S. 124–131.
- Sber zapustil «AI-pomoshchnika bankira» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/tekhnologii/article?blockID=69b149cd-6db4-45aa-ade1-b6920d771b11&lang=ru&newsID=a0a3b1f7-397d-4bff-8189-e250479afd54®ionID=77&type=NEWS> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Sber pomogaet Pravitel'stvu RF s obucheniem i vnedreniem iskusstvennogo intellekta [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/tekhnologii/article?blockID=69b149cd-6db4-45aa-ade1-b6920d771b11&lang=ru&newsID=6ab7b5c8-ca20-4796-a312-b90f8ad83718®ionID=77&type=NEWS> (data obrashcheniya: 29.03.2026).
- Seliverstov V. E. Evolyuciya kategorij i principov regional'nogo strategicheskogo planirovaniya / V. E. Seliverstov // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. – 2010. – № 6. – S. 59–79.

Ekonomicheskie sub"ekty postsovetsoj Rossii (institucional'nyj analiz). Ch. 1 / R. M. Nureev, A. V. Alekseev, E. S. Balabanova [i dr.]; Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond. – M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2001. – 804 s. – (Nauchnye doklady; 124).

Doshi-Velez F. Towards a Rigorous Science of Interpretable Machine Learning / F. Doshi-Velez, B. Kim // arXiv preprint. – 2017. – arXiv: 1702.08608

Gorry G. A. A Framework for Management Information Systems / G. A. Gorry, M. S. S. Morton // Sloan Management Review. – 1971. – Vol. 13. – P. 55–70.

Guidotti R. A Survey of Methods for Explaining Black Box Models / R. Guidotti, A. Monreale, S. Ruggieri [et al.] // ACM Computing Surveys. – 2019. – Vol. 51. – No. 5. – Article 93. – P. 1–42. DOI: 10.1145/3236009

Kroll J. A. Accountable Algorithms / J. A. Kroll, J. Huey, S. Barocas [et al.] // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Vol. 165. – No. 3. – P. 633–705.

Power D. J. Supporting Decision-Makers: An Expanded Framework / D. J. Power // Proceedings of Informing Science. – 2001. – P. 431–436.

Shim J. P. Past, Present, and Future of Decision Support Technology / J. P. Shim, M. Warkentin, J. F. Courtney [et al.] // Decision Support Systems. – 2002. – Vol. 33. – No. 2. – P. 111–126.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026;

одобрена после рецензирования: 17.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 02.04.2026;

approved after reviewing: 17.04.2026

accepted for publication: 10.07.2026.

ЗАНЯТОСТЬ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РАКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Научная статья

УДК 314.723

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-44-57

И. Н. Дашибалова

ТРИАДА МАСКУЛИННОСТИ В ТИСКАХ ПРЕКАРНОСТИ: ДИСКУРС «ДОБЫТЧИКА» И ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ В ВАХТОВЫХ СООБЩЕСТВАХ БУРЯТИИ

Изучение вахтовой занятости обусловлено нарастающей прекарризацией трудовых отношений и глубокой трансформацией профессиональной идентичности в современной России, где вахтовый метод становится вынужденной стратегией выживания в условиях регионального экономического диспаритета. В статье дан социально-антропологический анализ трансформации моделей маскулинности у жителей Республики Бурятия, вовлеченных в экстерриториальную занятость. Для достижения цели решаются задачи по изучению «жизненного цикла» вахтовика, выявлению механизмов адаптации традиционных идентичностей к рыночной неопределенности и анализу влияния этнического фактора на трудовые стратегии. В качестве основного подхода выбрано сочетание гендерной теории (концепт гегемонной маскулинности Р. Коннелла) и антропологии мобильности. Основным методом стало пилотажное исследование, проведенное в 2026 г., включающее 11 полуструктурированных интервью с рабочими и инженерно-техническими работниками. Установлено, что мужская идентичность вахтовиков конструируется вокруг триады «деньги – выносливость – мастерство», где статус «добытчика» легитимизируется через телесный аскетизм и трудовой героизм. Результаты демонстрируют, что этническая солидарность и «смекалка» выступают специфическим социальным капиталом, а семейные отношения трансформируются в маятниковый цикл «отсутствие – праздник». Полученные выводы позволяют осмыслить современные миграционные процессы как сложный социокультурный поиск баланса между сохранением традиционного гендерного статуса и необходимостью интеграции в нестабильные рынки труда, что ведет к формированию «текучей» идентичности и новых форм социальной укорененности.

Ключевые слова: вахтовая занятость, телесный аскетизм, интерсекциональная маскулинность, гегемонная маскулинность, прекарнизация, трудовые отношения, мужская идентичность, этнический компонент маскулинности, Р. Коннелл.

Для цитирования: Дашибалова И. Н. Триада маскулинности в тисках прекарности: дискурс «добытчика» и трудовые практики в вахтовых сообществах Бурятии // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 44–57. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-44-57

I. N. Dashibalova

THE TRIAD OF MASCULINITY IN THE GRIP OF PRECARITY: THE “BREADWINNER” DISCOURSE AND LABOR PRACTICES IN THE FIFO COMMUNITIES OF BURYATIA

The study of fly-in-fly-out (FIFO) employment is driven by the increasing precarization of labor relations and the profound transformation of professional identity in contemporary Russia, where the FIFO method is becoming a forced survival strategy amidst regional economic disparities. This article offers a socio-anthropological analysis of the transformation of masculinity models among residents of the Republic of Buryatia involved in extraterritorial employment. To achieve this goal, the study examines the «life cycle» of a FIFO worker, identifies mechanisms for adapting traditional identities to market uncertainty, and analyzes the influence of the ethnic factor on labor strategies. The primary approach combines gender theory (R. Connell's concept of hegemonic masculinity) with the anthropology of mobility. The main method was a pilot study conducted in 2026, comprising 11 semi-structured interviews with workers and engineering/technical staff (ITR). The study established that the male identity of FIFO workers is constructed around a triad of «money-endurance-mastery», where the «breadwinner» status is legitimized through bodily asceticism and la-

Дашибалова Ирина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0002-4827-8533. E-mail: dashibalonirina@gmail.com.

Dashibalova Irina Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0002-4827-8533. E-mail: dashibalonirina@gmail.com.

bor heroism. The results demonstrate that ethnic solidarity and «resourcefulness» (smekalka) serve as specific forms of social capital, while family relations transform into a pendulum cycle of «absence-celebration». These findings allow for an understanding of modern migration processes as a complex socio-cultural search for balance between maintaining traditional gender status and the necessity of integration into unstable labor markets, leading to the formation of «fluid» identities and new forms of social embeddedness.

Keywords: fly-in-fly-out employment, bodily asceticism, intersectional masculinity, hegemonic masculinity, precarization, labor relations, male identity, ethnic component of masculinity, R. Connell.

Введение

В современной России процессы глобализации и рыночные преобразования привели к фундаментальным сдвигам в сфере занятости и профессионального самоопределения. Одним из наиболее значимых явлений в этом контексте стала прекаризация – нарастающая нестабильность трудовых отношений, которая постепенно стирает границы между производственной деятельностью и частной жизнью человека [Насибуллин 2025]. В социологической теории концепт прекарности используется как аналитический инструмент для изучения незащищенных и фрагментарных форм существования, порожденных современными моделями накопления капитала. Прекарность характеризуется отсутствием у работников долгосрочных социальных гарантий и превращением их профессионального пути в череду краткосрочных контрактов с неопределенными перспективами [Попов 2022]. Вахтовый метод работы можно считать квинтэссенцией такого режима, поскольку он подразумевает не только временную занятость, но и вынужденное физическое отчуждение человека от привычной социальной среды. В современных условиях вахта зачастую выступает не как свободный выбор мобильного субъекта, а как вынужденная стратегия выживания в регионах, где разрушены традиционные способы обеспечения жизни [Григоричев, Комлева 2026]. Данный феномен проявляется в нескольких аспектах: экономическом (зависимость от ресурсных рынков), социальном (трансформация семейных связей) и психологическом (формирование «текучей» идентичности из-за разрыва между домом и местом работы) [Акимов, Силин, Конев 2023; Силин, Колтунов 2025; Григоричев 2026].

Изучение вахтового труда в Республике Бурятия требует учета макроэкономических факторов, определяющих повседневные стратегии населения. Сегодня российская экономика демонстрирует противоречивую динамику: при сохранении напряженности на рынке труда наблюдается замедление темпов роста ВВП. Для регионов с узкой структурой хозяйства, таких как Бурятия, это оборачивается усилением давления на трудовые ресурсы и поиском заработка за пределами локальных рынков. Переход к новым формам занятости в республике происходит на фоне долгосрочных последствий деиндустриализации 1990-х гг., когда закрытие крупных госпредприятий подорвало традиционную базу рабочих мест [Социологический анализ... 2016].

Несмотря на формально низкий уровень безработицы (4 %), реальное положение экономически активного населения остается уязвимым [Уровень безработицы...]. Снижение темпов роста реальных доходов на фоне высокой инфляции существенно подрывает покупательную способность жителей региона [Индекс...]. В этой ситуации вахта становится не просто формой мобильности, а критически важным инструментом обеспечения социальной стабильности, позволяющим мобилизовать трудовые ресурсы без окончательного переселения семей, что особенно значимо для сельских районов с ограниченными возможностями заработка [Бобков, Одинцова, Подвойский 2023].

В российском социокультурном контексте традиционные представления о мужчине как о «кормильце» вступают в конфликт с новыми экономическими реалиями [Гупалова, Карушев, Кобылина 2025]. Вахтовый труд радикально меняет привычный уклад семьи: с одной стороны, он помогает сохранить демографический потенциал сел, предотвращая массовую миграцию, но с другой – формирует ситуацию «дистантного отцовства» и меняет роль женщины в домашнем хозяйстве [Малышев 2022]. Длительное отсутствие дома сопряжено с серьезным психологическим напряжением и социальной депривацией мужчин, вынужденных адаптироваться к суровым условиям труда в изоляции [Дашибалова 2017].

Анализ вахтового труда вписывается в дискуссию о трансформации мужской идентичности и распределении власти в мужских коллективах. В советский период мужская самореализация была тесно связана со стабильной работой в промышленности или сельском хозяйстве, где статус кормильца подтверждался господдержкой и участием в коллективном труде. Разрушение этой системы

привело к так называемому «кризису маскулинности», вынудив мужчин конструировать новые «гендерные проекты» в условиях рыночной неопределенности [Антонова, Логинова 2020; Wojnicka, De Boise 2025]. Для жителей Бурятии этот путь часто лежит через переход к «соучастной маскулинности», основанной на способности обеспечивать семью в экстремальных условиях.

В процессе формирования идентичности современные мужчины апеллируют к нескольким моделям: традиционной (глава семьи и защитник), неолиберальной (индивидуальный успех и конкуренция) и трудовой (ценность физической силы и выносливости). Вахта позволяет вернуть утраченный статус «добытчика», однако это порождает внутренний конфликт: стремление соответствовать ожиданиям силы сталкивается с потребностью в эмоциональной близости, которую трудно поддерживать на расстоянии. Таким образом, исследовательская проблема заключается в противоречии между необходимостью поддержания статуса кормильца через экстерриториальный труд и риском утраты культурной укорененности в домашнем регионе.

Методологическое основание исследования

В рамках раскрытия проблемы маскулинности в условиях вахтовой занятости на примере Республики Бурятия представляется выделение двух концептуальных подходов. Эти направления позволяют интегрировать общую теорию маскулинности с эмпирическими данными о трудовой миграции в российских регионах. Первое направление исследований: гегемонная маскулинность и реализация роли «кормильца». Центральным концептом здесь выступает гегемонная маскулинность – властная позиция, гарантирующая легитимность господства мужчин и предполагающая наличие высокого материального достатка для обеспечения семьи [Хитрук 2017]. Вахтовый труд рассматривается как стратегия, позволяющая мужчинам соответствовать нормативному образцу «добытчика» в условиях дефицита рабочих мест и низких зарплат в домашнем регионе [Saxinger 2016]. Для жителей сельских районов и малых городов Бурятии вахтовая занятость становится способом минимизировать риск превращения в «несостоявшегося» мужчину. В то же время данный концепт в неполной мере охватывает гибридные формы поведения. В первой четверти XXI в. в российском контексте термин уже неустойчив и почти не прижился, в т. ч. из-за нестабильности рынка труда. Второе направление: интерсекциональный подход, позволяющий анализировать маскулинность на пересечении гендерных, этнических, классовых и географических осей неравенства [Però, Zontini 2025; Allen 2025]. В контексте Бурятии это направление фокусируется на различиях между сельскими и городскими моделями мужественности [Галиндабаева 2017]. Вахтовая миграция здесь выступает фактором формирования интерсекциональной маскулинности, когда этнические и региональные характеристики рабочих накладываются на их положение на рынке труда в принимающих регионах (например, на Севере). Данный подход пока мало представлен в российских региональных исследованиях, в частности в этнографическом описании опыта рабочих.

Методы и материалы

Эмпирическое исследование является пилотажным и закладывает основу проведения комплексного социально-антропологического исследования вахтовой занятости жителей Бурятии. Рекогносцировочный этап проведен в январе – марте 2026 г. Метод – полуструктурированное интервью в соответствии с целями и задачами исследования. Кейс составили 11 интервью с вахтовыми рабочими и . География вахты: внутриреспубликанская (добывающие отрасли, энергетический кластер) и межрегиональная: Забайкальский, Красноярский, Хабаровский, Приморский, Камчатский края, Иркутская, Тюменская, Сахалинская, Амурская, Магаданская, Мурманская, Волгоградская, Астраханская, Калининградская области, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа. Помимо участия в межрегиональной вахте опрошиваемые являлись субъектами транслокальной миграции: Казахстан, Южная Корея.

Выборка является целевой, методом snowball и доступных случаев. Отбор информантов осуществлен на основе заранее определенных критериев релевантности для целей исследования: отрасль (добывающая промышленность, транспорт, энергетика, геодезия, пищевая (рыбная) и т. д.); стаж работы (разовая, до 1 года, 1–5 лет, >5 лет), регион постоянного проживания (г. Улан-Удэ и сельские районы Бурятии), национальность (буряты, русские). Неключевые параметры – образование (высшее, среднее специальное), возраст (30–40, 50–60 лет), регионы вахт (Арктика, Крайний Север, Дальний

Восток), межрегиональная и внутриреспубликанская вахта (районы Республики Бурятия), специализация (машинисты, геологи, монтажники, бетонщики и т. д.). Поскольку в рамках обоснованной теории продолжается построение дескриптов, объясняющих моделей и наполнение выборки, на момент написания статьи выявлены следующие случаи: вахтовики с опытом более 5 лет – «адаптированные»; возрастные границы: 37–65 лет; проживающие в основном в г. Улан-Удэ; преимущественно работающие на межрегиональной вахте (за пределами РБ); семейные (наличие 2–3 детей) и разведенные. Целевая выборка позволила обнаружить глубокие нарративы и жизнеописания вахтовых работников с пониманием их мотивации, выстроить первичную типологию вахтовиков, описать повседневные практики экстремального труда и быта.

Эмпирический материал, полученный на основе 11 транскриптов, позволил рассмотреть феномен вахтового труда как специфическое поле, в котором происходит конвертация различных видов капитала и воспроизводство социальных стратегий. В рамках статьи анализируется маскулинная идентичность вахтовых работников Бурятии.

Результаты

В связи с тем, что в основе рассмотрения маскулинности вахтовых работников предлагаются два подхода, далее будут представлены описания по критериям: гегемонная и интерсекциональная, включая этническую, маскулинности на примерах нарративов интервью с выявлением ключевых линий в конструировании мужской идентичности.

Экономический детерминизм и роль «добытчика»

Репрезентация гегемонной маскулинности в дискурсе вахтовых рабочих и инженерно-технических работников (далее – ИТР) из Бурятии опирается на концепт Р. Коннелла, понимаемый как набор практик, поддерживающих доминирующее положение мужчины и легитимизирующих его роль в обществе и семье через труд, физическую выносливость и экономический успех [Мордвинов, Игаева 2018]. Ядром маскулинной идентичности респондентов выступает роль «добытчика». Вахта артикулируется не как профессиональный интерес, а как вынужденный мужской подвиг ради финансовой стабильности семьи. Мужчина оценивает себя через способность обеспечить нужды близких, которые невозможно покрыть за счет заработков в Бурятии: *«Дочь уже школу заканчивала, и мне нужны были деньги на образование... Вынужден был ехать... Извините, у меня не было денег на обучение»* (муж., 52 года, рыбообработка, Камчатский край). В данном нарративе «вынужденность» поездки парадоксальным образом укрепляет образ ответственного отца, способного принести в жертву свой комфорт ради социального лифта для следующего поколения. Единственным мотивом отчужденного труда остается региональный диспаритет доходов: *«Если бы здесь хорошо платили... Я дома лучше буду работать... здесь зарплата маленькая... в два раза меньше»* (муж., 55 лет, формовщик, БАМтоннельстрой).

Экономическая доминанта вахтового труда выстраивается на резком контрасте с рынком труда в Бурятии, который маркируется респондентами как пространство низких доходов, неприемлемых для «настоящего» мужчины. *«Высокая заработная плата, ипотека, кредиты»* (муж., 40 лет, строительные работы в Астраханской области) указываются как основные причины вахтовой занятости. Аналогично, респондент (муж., 44 года, доводчик, геологоразведочное предприятие) жестко разделяет трудовую деятельность на «развлечение» и истинный мужской труд, заявляя: *«Для всех, кто ездит на вахту, она вынужденная. Ездят на вахту не для развлечений, а едут вот именно заработать деньги, чтобы семью содержать»*. Жизненное обеспечение статуса семьи подчеркивается профессионалами, длительно работающими вахтовым методом, их отсутствие для членов семьи компенсируется материально: *«Обеспечены. Да и у меня деньги есть постоянно»* (муж., 62 года, машинист бульдозера, геологоразведочное предприятие). Работа на вахте легитимизирует долгое отсутствие дома: мужчина *«привозит миллионы»* (2–3 млн за сезон на добыче золота), что подтверждает его успешность в мужской иерархии.

В дискурсе информантов маскулинность «добытчика» тесно переплетена с достижением высокого уровня материального потребления, который становится видимым маркером успешности при возвращении домой: *«...ты, соответственно, немного денег побольше отработал. Ты что-то можешь приехать, позволить, и просто зашел в магазин и показал пальцем, я вот это хочу, и все, и ты купил это»* (муж., 45 лет, машинист бульдозера, Чукотский автономный округ).

Этот «праздничный» характер потребления компенсирует месяцы лишений, позволяя мужчине занять позицию главы семьи, и описывает психологическое удовлетворение от возможности финансового доминирования в бытовом пространстве: *«Я приехал, ответственность всю забрал, и она [жена] вся на расслабоне»* (Он же).

Для старшего поколения вахтовиков роль добытчика становится способом подтверждения физической и социальной состоятельности на фоне сверстников, оставшихся в стагнирующей сельской местности. Существует также специфическая конкуренция здоровья, в частности наблюдения самих респондентов в противопоставлении себя ровесникам, оставшимся в деревне: *«Смотрю, ровесники, они-то выглядят хуже, чем я... Еле ходят там... Я-то, по крайней мере, еще и работаю... Кувалды выбиваю... Не хромаю, ничего, хожу, нормально... Я, по крайней мере, не жалуюсь»* (муж., 62 года, машинист бульдозера, геологоразведочное предприятие). Старшее поколение вахтовиков использует телесную выносливость как инструмент социальной дифференциации, подчеркивая свое превосходство над «слабой» молодежью и сверстниками, не занятыми тяжелым трудом: *«Они таблетки... большие глотают, чем мы, старики»* (Он же). В данном контексте маскулинность выступает как «социальный капитал», который не только не истощается за 40 лет вахты, но и служит доказательством мужской состоятельности.

Для специалистов ИТР маскулинная самореализация на вахте неизменно измеряется кратным увеличением дохода по сравнению с городскими вакансиями: *«...денег больше, конечно, чем в городе. Я охранником работал, вообще копейки, за копейки, 10 тысяч в месяц»* (муж., 38 лет, геодезист). Таким образом, в мужском вахтовом сообществе Бурятии гегемонная модель маскулинности трансформируется в специфический «трудовой героизм», где статус мужчины прямо пропорционален объему привезенного «северного» капитала. Вахта, отмечается респондентами как прежде всего математический расчет маскулинной эффективности: *«Допустим, сколько человек, геодезист в среднем в республике может зарабатывать? Около 100 тысяч в месяц, и то поискать надо. Вахтовым методом это больше выходит»* (Он же).

Даже в условиях системной недоплаты или обмана со стороны работодателей респонденты продолжают придерживаться стратегии «добытчика», несмотря на тяжесть: *«зарплата побольше была»* (муж., 55 лет, формовщик, БАМтоннельстрой), а возвращение к низкооплачиваемому труду дома означало бы утрату достигнутых маскулинных позиций. Наконец, общая для всех информантов установка подтверждается выбором в пользу вахты исключительно *«в финансовом плане... Больше заработок там»* (муж., 37 лет, ИТР, Россети), что окончательно фиксирует экономическую состоятельность как главный критерий мужской идентичности в современных условиях Бурятии.

Телесный аскетизм и трудовая маскулинность

Демонстрация исключительной физической силы и способность к стоическому игнорированию телесного дискомфорта выступают важнейшими механизмами конструирования «истинной» мужской идентичности. В дискурсе респондентов суровые климатические условия и экстремальные производственные нагрузки не проблематизируются как угроза здоровью, а репрезентируются как естественная среда для подтверждения маскулинного статуса, где телесный износ нормализуется через отказ от жалоб и героизацию труда. Особое место в нарративах занимает способность мужского тела функционировать за пределами физиологических норм в условиях экстремально низких температур: *«Меня сколько раз отрывали от этого сиденья ребята. Я просто примерзал... Приходится работать 24 часа. Бывает и 2 суток, и 3 суток»* (муж., 45 лет, машинист бульдозера). Такое тотальное самоотречение и готовность буквально «срастись» с техникой ради выполнения производственной задачи маркируют субъекта как носителя доминирующей маскулинности, способного подавлять базовые потребности организма.

Для специалистов-геологов и инженеров игнорирование дискомфорта артикулируется через профессиональный аскетизм и адаптивность к любой среде. На вопрос о сложности экстремальных условий они отвечают с характерным для гегемонной модели лаконизмом: *«Подземные работы что зимой, что летом одинаково... Да нет, никогда [не испытывал тяжести], какая разница»* (муж., 65 лет, геолог); *«Геодезист, он работает под открытым небом»* (муж., 38 лет, геодезист), что предполагает априорный отказ от претензий на климатический комфорт. Вахтовый метод требует от мужчины специфической «телесной глухоты» к боли и травмам, что наглядно иллюстрируют факты производственных происшествий как незначительные эпизоды: *«Бывало, я работал когда-то в “Икат-*

плюс”, меня машина сбивала. Я – живой, здоровый, не инвалид... Все нормально» (Он же). Подобная нормализация угрозы жизни свидетельствует о том, что в мужском сообществе вахтовиков «нормальность» определяется не отсутствием повреждений, а способностью продолжать функционирование вопреки им.

Труд в условиях природного вызова часто описывается через метафору военного или спортивного подвига. Так, информант прямо связывает трудовую дисциплину на Камчатке с армейским опытом, утверждая: *«Рыба по конвейеру идет, там такая скорость, скорость нужна и сила... Я быстро привычен ... армию проходишь, там тоже тебя быстро научат в коллективе жить»* (муж., 52 года, рыбообработка). Физическая нагрузка здесь становится тестом на принадлежность к мужскому братству, где выживание и эффективность – главные критерии отбора.

Гегемонная модель маскулинности также включает в себя сознательное принятие рисков, связанных с нарушением техники безопасности ради «плана». В частности, информантом (муж., 40 лет, строительные работы в ЯНАО) описывается обыденная практика: *«Приходится работать в дождь, на высоте, хотя это прямое нарушение техники безопасности. В пургу и в сильный мороз приходилось работать, хотя это было бессмысленно»*. Способность переносить жару в +40 °С или мороз без потери работоспособности становится маркером «своего», надежного работника. Даже для тех, чья работа носит регламентированный характер, 12-часовой физический труд воспринимается как норма: *«Всегда везде устают на работе... 12 часов физического труда – это нормально»* (муж., 44 года, доводчик). Завершает эту картину рассуждение информанта (муж., 37 лет, ИТР, Россети), отметившего, что труд в труднодоступных регионах, требующий перемещения пешком на большие расстояния по лесам и горам, со временем перестает восприниматься как тягота: *«Вначале было тяжело, конечно, а потом уже ничего»*.

Итак, аспект гегемонной маскулинности вахтовиков, базирующийся на культе телесного аскетизма, утверждается через преодоление внешнего сопротивления среды (мороза, жары, пурги, дождя, подземных работ, высоты), признание физической усталости или боли маркируется как проявление слабости, несовместимой со статусом профессионала и добытчика.

Профессиональная иерархия

Для представителей ИТР-состава ядром профессиональной маскулинности выступает образовательный ценз, который артикулируется как инструмент дистанцирования от низкостатусного «черного труда» и способ достижения более высокого качества жизни даже в суровых условиях промышленного объекта. В ходе интервью обнаружены различия профессиональной маскулинности в статусе специалиста (ИТР) и рабочих разных квалификаций. Для инженеров маскулинность выражается через образование и доступ к привилегиям, тем самым маркируя интеллектуальный характер своей деятельности как признак более высокого мужского статуса: *«Я вот сейчас только обратил внимание, что я на сегодня черной работой в жизни не занимался»* (муж., 38 лет, геодезист). Данная статусная позиция ИТР подкрепляется материальными маркерами, в частности правом на индивидуальное пространство и дихотомию условий проживания: *«... рабочие... живут по 8 человек в вагоне... а инженерно-технические работники... живут в других условиях, по 2 человека... специалистам выгоднее быть в плане быта»* (Он же). Для этой группы экспертность и осознание значимости принимаемых решений являются фундаментом профессионального этоса, что подтверждает информант (муж., 65 лет, геолог), указывая на высокую специализацию своего труда: *«Мы ведем разведку, опережающую разведку... подземная работа, это вообще не всем подходит»*. Наконец, профессиональная состоятельность ИТР измеряется через рациональный расчет эффективности их рыночного капитала, где выбор вахты обусловлен именно квалифицированным запросом.

Напротив, маскулинность рабочих специальностей (бульдозеристов, бетонщиков, монтажников) выстраивается вокруг физической силы и оппозиции «конторскому» труду, который маркируется как немужественный и бесполезный: *«Мне вот это вообще никак не привлечет. Это бумагоморательство... Если я работаю бульдозеристом... я больше приношу пользы... Мнение коллектива для меня намного лучше значит, чем... сидеть вот в этой конторе»* (муж., 45 лет, машинист бульдозера). Осознание собственной незаменимости и технической грамотности, пренебрежение к управленческому труду, демонстрирует важность профессиональной компетентности и маскулинность мастерства. Установка на многозадачность как признак мужской силы встречается в высказываниях опрошенных, которые акцентируют внимание на широте своих компетенций: *«Я много умею всего... Я был съёмщик, доводчик, сварщик»* (муж., 44 года, доводчик).

Итак, помимо финансового самоутверждения, физической выносливости, профессиональная маскулинность является выражением статуса и контроля над пространством для ИТР, для рабочих – это власть над техникой и собственным телом в условиях постоянного вызова.

В рамках теории гегемонной маскулинности Р. Коннелл артикуляция мужских взаимоотношений в закрытых вахтовых коллективах репрезентируется как сложный процесс конструирования иерархий, где легитимация статуса происходит через профессиональное признание, этническую солидарность и способность к жесткой защите собственных культурно-поведенческих границ [Хитрук 2017; Però, Zontini 2025]. В условиях пространственной изоляции и эмоциональной депривации мужское сообщество выстраивает систему социальных дистанций, в которой носители доминирующей маскулинности утверждают свое превосходство не только через трудовые достижения, но и через демонстрацию силы в межэтнических и статусных конфликтах.

Основополагающим элементом внутригрупповой динамики выступает профессиональная репутация, которая в мужской среде трансформируется в специфический символический капитал, позволяющий индивиду занять уважаемую позицию даже в маргинализированных сегментах коллектива: *«Контингент там в основном, знаешь, такие, которые сидевшие... правильные, пацаны, братаны... Врать не буду, меня там уважали, короче... У меня кличка была вообще Академик»* (муж., 52 года, рыбообработчик). В данном контексте маскулинность «мастера» и «мудреца» позволяет успешно интегрироваться в сообщество с жесткими криминализированными нормами, сохраняя при этом субъектность и авторитет.

Старшее поколение вахтовиков выстраивает свою маскулинную идентичность на основе накопленного социального опыта и способности «читать» людей, что воспринимается как инструмент контроля над конфликтной средой. Так, информант (муж., 62 года, машинист бульдозера) позиционирует себя как эксперта в межличностной коммуникации, закаленного в условиях криминализированных коллективов 1990-х гг.: *«Я, например, уже... опыт с годами или что ли... познакомился там неделю, я уже вижу, кто они такие, кто чем дышит... Разговаривать я тоже умею. Где-то надо, например, и помянуть, и где-то что-то, где-то поговорить»*. В данном нарративе маскулинность репрезентируется как коммуникативная компетентность, позволяющая «улаживать» конфликты, не прибегая к прямой агрессии, но сохраняя потенциал угрозы.

Несмотря на наличие практик взаимопомощи, в дискурсе респондентов отчетливо прослеживается установка на жесткий индивидуализм и эмоциональную закрытость как защитную реакцию на условия вахты. Отказ от коллективистских иллюзий характеризуется теми информантами, кто воспринимает вахтовую среду как пространство борьбы за личный интерес: *«Я когда заехал в Красноярск, парень говорит, смотри, ты сам за себя... Тут нет такого на кого надеяться. Это не коммунизм, не пионерлагерь»* (муж., 55 лет, формовщик). Подобная атомизация свидетельствует о том, что гегемонная маскулинность в экстремальных условиях труда требует от мужчины постоянной мобилизации и недоверия к окружающим.

Таким образом, артикуляция мужских взаимоотношений в закрытых коллективах вахтовиков представляет собой динамическую систему, в которой гегемонная маскулинность реализуется через жесткое утверждение границ собственной группы, профессиональную самопрезентацию и стоическую автономию, что превращает коллектив в пространство постоянной конкуренции и скрытого (или явного) конфликта культурных и статусных моделей.

Этнический компонент маскулинности

Далее рассмотрим аспекты конструирования этнической маскулинности лиц, занятых вахтовым трудом. В пилотном исследовании пока недостаточно случаев подтверждения особых этнизированных компонентов мужской идентичности. Тем более что в целевой выборке представлены как русские, так и буряты. Приведем некоторые наблюдения информантов в качестве этнизации представлений о вахтовиках из Бурятии. Причем, по высказываниям интервьюируемых, образ бурята-вахтовика имеет именно региональный характер, независимо от этнической принадлежности, т. е. как жителя Бурятии.

В коллективном представлении рабочих маскулинность этнизируется через миф об особой выносливости бурятского народа. Эта установка на исключительность находит подтверждение в рассказах о восприятии бурятских кадров руководством предприятий (гетеростереотип), где этническая вы-

носливость становится брендом, обеспечивающим рыночное преимущество: *«Начальник говорит, я лучше 500 бурят возьму... все сделают. Так и вышло, 500 набрал... там вкруговую [Морская ледостойкая стационарная платформа «Приразломная»] тачками беспрерывно, в снег, дождь»* (муж., 55 лет, формовщик). Подобная героизация тяжелого труда в экстремальных условиях служит инструментом этнического самоутверждения, когда способность выносить нагрузки, непосильные для других, становится ядром гегемонной позиции внутри рабочего коллектива. Подчеркивается, что именно физический предел мужчин из Бурятии делает их наиболее ценными кадрами в глазах руководства: *«В Якутии до 50 градусов даже доходило... Конечно, выдерживаю...»* (Он же). В полиэтнической среде промышленных объектов этническая идентичность в нарративах респондентов не является сугубо декоративным элементом, а выступает в качестве «социального капитала». Он позволяет мужчинам из Бурятии выстраивать внутренние иерархии, претендовать на роль наиболее эффективных работников и поддерживать групповую солидарность перед лицом внешней неопределенности.

Одной из центральных тем этнической маскулинности в дискурсе информантов становится мифологизация особых когнитивных и физических качеств бурятских мужчин, выраженная через концепт «этнической смекалки», которая противопоставляется трудовым стратегиям представителей других национальностей. Так, респондент (муж., 43 года, бетонщик) конструирует образ интеллектуального превосходства (автостереотип), утверждая, что именно этническая принадлежность детерминирует универсальность мастера: *«Буряты все умеют... Смекалка все равно работает в бурятах. Не как у других наций... Дерево, бетон, арматура. У бурят хватает мозгов. Сказали, сделают, пошли, сделали»*. В данном контексте маскулинность рабочего «мастера» этнизируется, превращаясь в эксклюзивную характеристику группы, способной решать производственные задачи эффективнее конкурентов.

Процесс социальной интеграции в вахтовом поселке часто сопряжен с поиском общих культурных и региональных корней, что облегчает коммуникацию в гетерогенной среде. Отмечается естественность этнического тяготения: *«Как и везде, какие-то общие корни находятся, с земляками легче контакт устанавливается»* (муж., 40 лет, строительные работы в Астраханской обл.). Артикуляция этнической маскулинности также тесно связана с практиками «землячества» и поиска «своих» как способа контроля над пространством проживания и обеспечения психологического комфорта. Эта потребность в гомогенной среде приводит к активному вмешательству рабочих в институциональные порядки вахтовых поселков и борьбу за совместное размещение: *«Мы сами стараемся вместе заселиться... идешь договариваешься... чтобы нас заселили. Комнаты ищешь сам... У нас есть комната, свободное место, к нам иди»* (муж., 38 лет, геодезист).

Однако эта солидарность нередко носит сугубо функциональный характер, ограничиваясь пространством вахты. Как констатирует другой информант, за пределами трудового объекта мужские связи быстро распадаются: *«Ты домой приезжаешь, и все, забывается... Там просто позвонишь, здорово-здорово, и все»* (муж., 55 лет, формовщик). Для специалистов-инженеров маскулинная артикуляция взаимоотношений носит более сдержанный и профессионально ориентированный характер, где коллегиальность преобладает над этнической близостью. Контакты с представителями других регионов и стран характеризуются как сугубо рабочие, подчеркивается их бесконфликтность: *«Очень много с Казахстана... с ними отношения такие рабочие нормально строятся. Нет напряженки ... как с коллегами общаешься»* (муж., 37 лет, ИТР, Россети). Пределы инклюзии в мужском коллективе маркируются как социальная дистанция по отношению к трудовым мигрантам из разных регионов: *«Я не общаюсь, поработал и до свидания»* (муж., 38 лет, геодезист).

Важным элементом сохранения этнической субъектности в условиях вахты выступает ревитализация традиционных ритуалов и гастрономических практик, которые маркируют границы «своей» группы и служат механизмом духовной защиты. Информантами описывается воссоздание домашнего уклада через совместное приготовление национальных блюд и проведение праздников: *«3 месяца ты на вахте, охота же буузы поест... С дома едешь, фарш берешь с собой... Сами все это стряпаем... Обязательно Сагаалган»* (муж., 55 лет, формовщик). При этом маскулинная ответственность за успех вахты выражается в совершении религиозных подношений местным духам, что, по мнению того же респондента, является необходимым условием безопасности: *«Я тоже брызгал местным бурханам, чтобы у нас в этом месте вахта нормальная прошла. Без травм. Все домой нормально чтобы приехали»*.

Конфликтность в закрытых мужских группах артикулируется как неизбежный регулятор социальных отношений, где столкновение различных моделей маскулинности часто приводит к открытому противостоянию за контроль над повседневными практиками. Глубокие противоречия с представителями иных культурных кодов (в частности, Северного Кавказа) на почве бытовых привычек воспринимаются как посягательство на привычный маскулинный порядок: *«Я говорю, вы со своим уставом в чужой монастырь не лезьте. Вы ко мне в гости приехали. Вы у нас здесь гости. Ты у меня находишься. Я Чукотку уже как свою родную, вторую родину считаю. Зачем ты тут мне свои права вставляешь? Я моюсь так, как мне нужно... Было у меня неоднократно такие вот споры с ними»* (муж., 45 лет, машинист бульдозера). Такое «территориальное» поведение и защита собственных норм гигиены служат инструментом утверждения гегемонной позиции в мультикультурном пространстве вахтового поселка.

Этническая маскулинность проявляется и через установление социальных дистанций, а также в способности к жесткой защите групповых интересов в межэтнических столкновениях. В ситуациях открытого противостояния с иностранными специалистами, этническая солидарность бурят приобретает характер силовой доминанты. Этническая солидарность («землячество») выступает ключевым ресурсом выживания и коллективного самоутверждения, формируя закрытые подгруппы, способные к эффективному противодействию внешнему давлению. Радикализация этого аспекта проявилась в случаях физического доминирования бурятских рабочих над иностранными специалистами как способ восстановления социальной справедливости в иерархии предприятия: *«Не устраивало нашего бурята там что-то, эти сербы... Конфликты были постоянно. Драки были... Наши побили их... Все, сербов буряты на место поставили, они боялись нас»* (муж., 43 года, бетонщик). Подобная «силовая» артикуляция маскулинности маркирует границы «своей» группы и служит механизмом компенсации за возможную эксплуатацию со стороны руководства.

Для более опытных рабочих этническая идентичность становится инструментом коммуникативной гибкости, позволяющим навигировать в мультикультурной среде без потери собственной субъектности. Подчеркивается стаж работы в гетерогенных коллективах как доказательство маскулинной зрелости: *«Я со всеми попадал. И с хохлами, и с бульбашами, и с москвичами... кого я только не видел...»* (муж., 62 года, машинист бульдозера).

Таким образом, этническая маскулинность вахтовиков из Бурятии репрезентируется как сложный сплав трудового стоицизма, интеллектуальной адаптивности («смекалки») и жесткой внутригрупповой солидарности. Она позволяет не только эффективно конкурировать на межрегиональном рынке труда, но и сохранять свою идентичность в дегуманизированных условиях промышленного производства, превращая этничность в ключевой компонент их гегемонной стратегии.

Семейный статус вахтовиков

Вахта формирует специфический ритм семейной жизни, характеризующийся маятниковой сменой ролей и циклической депривацией близости, что трансформирует мужчину в «дистанционного кормильца» [Рождественская, Симонова 2026]. В контексте социологического анализа маскулинности, репрезентация семейного статуса вахтовых рабочих из Бурятии раскрывается как сложная динамическая система, в которой традиционные патриархальные установки вступают в противоречие с пространственной разобщенностью членов домохозяйства. Наличие супруги и детей (в т. ч. от разных браков) диктует необходимость принятия экстремальных условий труда ради сохранения статуса «добытчика».

Для значительной части респондентов семейный статус неразрывно связан с реализацией отцовского долга и сохраняется, даже будучи разведенными. Роль «ответственного отца» через финансовую поддержку детей-студентов включает планы продолжать вахтовую деятельность до завершения его обучения: *«Сын сейчас первый курс. Четыре курса. Четыре-пять лет надо работать. Выучить его»* (муж., 55 лет, формовщик).

Специфика семейного ритма в нарративах информантов характеризуется дихотомией «отсутствие – праздник», где возвращение мужчины домой маркируется как временная реставрация его доминирующей позиции в быту. Этот процесс описывается через метафору циклического обновления отношений с супругой, при котором длительная депривация близости компенсируется интенсивностью эмоционального и физического контакта: *«Я через 9 месяцев приезжаю, и у меня сразу начинается медовый месяц. Все, жена довольна, и все... Реально, каждый раз мы по-новому знакомимся»*

(муж., 45 лет, машинист бульдозера). При этом маскулинная власть в семье восстанавливается через аккумуляцию ответственности, которую супруга добровольно делегирует мужу на период его межвахтового отдыха: *«У нее отпуск начинается, когда я приезжаю»* (Он же).

В то же время интерсекциональный анализ позволяет выявить теневые стороны вахтового семейного статуса, связанные с эмоциональным отчуждением и нормализацией жизни «на два дома». Информант (62 года, бульдозерист), состоящий во втором браке и имеющий троих детей, признает, что за 42 года вахтового стажа его идентичность сместилась в сторону трудового пространства, а пребывание дома стало восприниматься как рутина: *«Я не знаю, мне вот, например, дома надоедает. Когда уехал, там ни забот, ни печали»*. Подобное дистанцирование приводит к фактическому перекладыванию всех хозяйственных функций на плечи супруги, что информант признает как данность: *«Жене тоже достается, конечно... все на ней. И дети, и хозяйство, и все»* (Он же).

Острое чувство экзистенциального разрыва между ролью «добытчика» и потребностью в эмоциональной включенности в жизнь детей наиболее отчетливо проявляется в дискурсе более молодых респондентов. Информант (37 лет, ИТР) фиксирует психологическую цену гегемонной маскулинности как утрату сопричастности к процессам взросления дочерей: *«Чувство разлуки, то, что ты не видишь, жизнь проходит, жизнь вроде там, а ты здесь, грубо говоря, изолированный»*. В этом контексте семейный статус вахтовика репрезентируется как состояние перманентного ожидания, где цифровая коммуникация выступает лишь частичным суррогатом физического присутствия.

Уникальную модель семейного статуса на вахте представляет опыт респондента (44 года, доводчик), чья маскулинная идентичность реализуется через совместную миграцию с супругой, что позволяет нейтрализовать проблему разлуки и повысить совокупный доход домохозяйства: *«Да, кормят отлично, жилье и все нормально, банька и все есть. Жена под боком»*. В данном случае семейная пара функционирует как единый трудовой юнит, а домашнее хозяйство в Улан-Удэ на период вахты фактически консервируется.

Наконец, для части информантов вахтовый метод становится способом компенсации за несложившуюся личную жизнь или ресурсом для старта нового этапа семейных отношений: *«Дома неохота сидеть в одного. Я в разводе»*. Для других (40 лет, промышленный альпинист) вахта выступает инструментом реализации семейного проекта – переезда в другой регион, ради чего он готов мириться с временной изоляцией: *«Я устроился на вахту только для определенной цели. Я хотел организовать переезд... Моя жена там, в Краснодаре, будет»*.

Таким образом, семейный статус вахтовика из Бурятии представляет собой амбивалентный конструкт: с одной стороны, он является главным драйвером трудовой активности, подтверждающим гегемонную роль мужчины-кормильца, с другой – становится источником хронической эмоциональной депривации и фрагментации личного опыта, где успешность в публичной сфере (заработок) оплачивается отчужденностью от приватной сферы семьи.

Заключение

Проведенное исследование позволяет концептуализировать трансформацию мужской идентичности в условиях прекаризации труда [Тоценко 2022], где вахтовый метод выступает не только экономической стратегией, но и мощным триггером пересборки личностных смыслов [Saxinger 2021]. В центре выявленной структуры маскулинности находится жесткая триада «деньги – выносливость – мастерство», которая легитимизирует статус мужчины через призму «трудового героизма» и стоического самоотречения. Мы наблюдаем, как традиционная роль «кормильца» адаптируется к турбулентности рынка, превращаясь в своего рода соматический капитал, при котором физическая износостойкость и способность игнорировать телесный дискомфорт становятся главными маркерами мужской состоятельности. Примечательно, что экономическая эффективность здесь выступает единственным оправданием для физического и эмоционального отчуждения от семейной среды, формируя специфический феномен «дистантного отцовства».

Особый интерес представляют выявленные интерсекциональные особенности маскулинности, где этническая принадлежность и профессиональный статус создают уникальные гибридные модели поведения. Для рабочих из Бурятии этничность конвертируется в «социальный бренд» исключительной выносливости и «смекалки», что позволяет им успешно конкурировать в полиэтнической среде промышленных объектов и выстраивать внутренние иерархии на основе групповой солидарности.

В то же время фиксируется разрыв между профессиональной маскулинностью инженерно-технического персонала, опирающейся на образовательный ценз и статусную дистанцию, и маскулинностью рабочих, центрированной вокруг власти над техникой и физической силы. Эти данные подчеркивают, что современная российская маскулинность не является монолитной, а представляет собой динамичный проект, конструируемый на пересечении классовых, региональных и этнических векторов.

Приращение данного исследования заключается в синтезе гендерной теории и антропологии мобильности, что позволило выйти за рамки узкоэкономического понимания трудовой миграции. Авторский подход дает возможность рассмотреть вахту как сложное социокультурное поле, в котором происходит не просто перемещение рабочей силы, а трансформация социального порядка и гендерных контрактов. Исследование восполняет некоторый пробел в социологическом знании, предлагая анализ субъективного опыта этнических групп в контексте прекарной занятости [Фишман 2022], что до сих пор недостаточно становилось объектом комплексного социально-антропологического осмысления. Теоретическая значимость работы подтверждается выявлением механизмов, с помощью которых мужчины ревитализируют традиционные ценности для адаптации к условиям турбулентности рынка.

Прикладная значимость полученных результатов определяется возможностью их использования для разработки программ социальной поддержки населения в регионах, столкнувшихся с последствиями деиндустриализации. Понимание механизмов формирования «текучей идентичности» и рисков социальной депривации вахтовиков необходимо для корректировки региональной политики занятости и предотвращения эрозии традиционных семейных связей. Данные о специфике мужских сообществ в закрытых коллективах могут быть востребованы HR-службами добывающих компаний для оптимизации условий труда и минимизации межэтнической напряженности на производственных участках. Кроме того, исследование подсвечивает критическую необходимость развития цифровых и психологических сервисов для поддержания коммуникации в семьях с маятниковым ритмом жизни.

Перспективы дальнейших изысканий видятся в расширении эмпирической базы и переходе от пилотажного этапа к продолжению исследования, которое позволит проследить последствия вахтового образа жизни. Представляется плодотворным более детальное изучение влияния возвращения вахтовиков в локальные сообщества, как происходит изменение социальных норм. В конечном счете это позволит создать более объемную картину трансформации российского общества через призму человеческого измерения трудовой мобильности.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Источники и литература

Индекс потребительской уверенности. Итоги 2025 года [Электронный ресурс] // Сайт исследовательского холдинга Ромир. – Режим доступа: <https://romir.ru/feed/iii-indeks-potrebitelskoi-uverennosti-itogi-2025-goda> (дата обращения: 10.02.2026).

Уровень безработицы [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.04.2026).

Акимов А. М. Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе / А. М. Акимов, А. Н. Силин, Ю. М. Конев // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 9–19.

Антонова Н. Л. Гегемонная маскулинность сквозь призму статистики / Н. Л. Антонова, А. Д. Логинова // Статистика в стратегическом развитии России: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 415–418.

Бобков В. Н. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, Г. Л. Подвойский // Мир новой экономики. – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 109–124.

Галиндабаева В. В. «Головары» или «истинные буряты»? репрезентации сельской маскулинности в Бурятии / В. В. Галиндабаева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20. – № 5. – С. 113–131.

Григоричев К. В. Нормализация ненормального: вахта как образ жизни / К. В. Григоричев // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2026. – № 1(10). – С. 7–15.

Григоричев К. В. «Придорожные люди»: ресурсный проект «нового освоения» как механизм социально-пространственных трансформаций периферии / К. В. Григоричев, К. Н. Комлева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2026. – Т. 20. – № 1. – С. 22–32. DOI: 10.63973/1998-6785/2026-1/22-32

Гупалова Ю. В. Маскулинность в креативной экономике: хозяйственные основы гендерного порядка / Ю. В. Гупалова, А. С. Карушев, А. Ю. Кобылина // Экономическая социология. – 2025. – Т. 26. – № 3. – С. 76–103.

Дашибалова И. Н. Проблематизация этнической маскулинности в визуальном тексте (на примере фильма «Булаг. Святой источник») / И. Н. Дашибалова // Культура и искусство. – 2017. – № 5. – С. 42–53.

Мальшев А. Г. Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства / А. Г. Мальшев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – Т. 25. – № 4. – С. 177–207.

Мордвинов А. А. Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный vs. социально-экономический детерминизм / А. А. Мордвинов, К. В. Игаева // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 30–34.

Насибуллин Р. Т. Прекариат в лабиринтах вызовов / Р. Т. Насибуллин // Вестник Института социологии. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 200–208.

Попов А. В. Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты / А. В. Попов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 167–181.

Рождественская Е. Ю. Возможна ли «заботящаяся маскулинность»? Перспективы и границы теоретической концепции Карлы Эллиотт / Е. Ю. Рождественская, О. А. Симонова // Социология власти. – 2026. – Т. 38. – № 1. – С. 77–106.

Силин А. Н. Человек в Арктике: динамика социального благополучия в социологическом измерении / А. Н. Силин, А. Л. Колтунов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 81–92.

Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы / под ред. Ю. Б. Рандалова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 245 с.

Тощенко Ж. Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат / Ж. Т. Тощенко // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 146–161.

Хитрук Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию / Е. Б. Хитрук // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5526

Фишман Л. Г. Прекариат в России: от «опасного класса» к нормализующему дискурсу / Л. Г. Фишман // Журнал политической философии и социологии политики «Полития: Анализ. Хроника. Прогноз». – 2022. – № 4(107). – С. 104–122.

Allen L. Hegemonic masculinity and addressing gender inequality / L. Allen // The Journal of Men's Studies. – 2025. – Vol. 33. – No. 3. – P. 575–591.

Però D. Labour struggles as lived citizenship. Precarious migrant workers as agents of change / D. Però, E. Zontini // Ethnic and Racial Studies. – 2025. – P. 1–19.

Saxinger G. Unterwegs. Mobiles Leben in der Erdgas- und Erdölindustrie in Russlands Arktis / G. Saxinger. – Böhlau Verlag, Wien, Köln, Weimar, 2016. – 227 p.

Saxinger G. Rootedness along the way: meaningful sociality in petroleum and mining mobile worker camps / G. Saxinger // Mobilities. – 2021. – Vol. 16. – Is. 2. – P. 194–211. DOI: 10.1080/17450101.2021.1885844

Wojnicka K. Caring masculinities: Rethinking the concept / K. Wojnicka, S. de Boise // Men and Masculinities. – 2025. – Vol. 28. – No. 4. – P. 339–358.

References

Indeks potrobitel'skoj uverennosti. Itogi 2025 goda [Elektronnyj resurs] // Sajt issledovatel'skogo holdinga Romir. – Rezhim dostupa: <https://romir.ru/feed/iii-indeks-potrebitejskoi-uverennosti-itogi-2025-goda> (data obrashcheniya: 10.02.2026).

Uroven' bezraboticy [Elektronnyj resurs] // Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Buryatiya. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya: 17.04.2026).

- Akimov A. M. Stress v sem'e u muzhchin, zanyatykh vahtovoj formoj truda v Arkticheskom regione / A. M. Akimov, A. N. Silin, Yu. M. Konev // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika.* – 2023. – T. 16. – № 1. – S. 9–19.
- Antonova N. L. Gegemonnaya maskulinnost' skvoz' prizmu statistiki / N. L. Antonova, A. D. Loginova // *Statistika v strategicheskom razvitii Rossii: sb. nauch. tr.* – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. – S. 415–418.
- Bobkov V. N. Ustojchivaya i neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii / V. N. Bobkov, E. V. Odincova, G. L. Podvojskij // *Mir novoj ekonomiki.* – 2023. – T. 17. – № 3. – S. 109–124.
- Galindabaeva V. V. «Golovary» ili «istinnye buryaty»? : reprezentacii sel'skoj maskulinnosti v Buryatii / V. V. Galindabaeva // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.* – 2017. – T. 20. – № 5. – S. 113–131.
- Grigoriev K. V. Normalizaciya nenormal'nogo: vahta kak obraz zhizni / K. V. Grigoriev // *Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv.* – 2026. – № 1(10). – S. 7–15.
- Grigoriev K. V. «Pridorozhnye lyudi»: resursnyj proekt «novogo osvoeniya» kak mekhanizm social'no-prostranstvennykh transformacij periferii / K. V. Grigoriev, K. N. Komleva // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya.* – 2026. – T. 20. – № 1. – S. 22–32. DOI: 10.63973/1998-6785/2026-1/22-32
- Gupalova Yu. V. Maskulinnost' v kreativnoj ekonomike: hozyajstvennye osnovy gendernogo porjadka / Yu. V. Gupalova, A. S. Karushev, A. Yu. Kobylina // *Ekonomicheskaya sociologiya.* – 2025. – T. 26. – № 3. – S. 76–103.
- Dashibalova I. N. Problematizaciya etnicheskoi maskulinnosti v vizual'nom tekste (na primere fil'ma «Bulag. Svyatoj istochnik») / I. N. Dashibalova // *Kul'tura i iskusstvo.* – 2017. – № 5. – S. 42–53.
- Malyshev A. G. Infrastruktura podderzhki вовлеченного отцовства / A. G. Malyshev // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.* – 2022. – T. 25. – № 4. – S. 177–207.
- Mordvinov A. A. Maskulinnost' v rabotah R. Konnell i Dzh. Mossa: kul'turnyj vs. social'no-ekonomicheskij determinizm / A. A. Mordvinov, K. V. Igaeva // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2018. – № 2. – S. 30–34.
- Nasibullin R. T. Prekariat v labirintah vyzovov / R. T. Nasibulin // *Vestnik Instituta sociologii.* – 2025. – T. 16. – № 1. – S. 200–208.
- Popov A. V. Posledstviya prekarizacii v raketse pokolennykh grupp naseleniya: pryamye i kosvennye efekty / A. V. Popov // *Ekonomicheskije i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* – 2022. – T. 15. – № 6. – S. 167–181.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. Vozmozhna li «zabotyashchayasya maskulinnost'»? Perspektivy i granicy teoreticheskoi koncepcii Karly Elliott / E. Yu. Rozhdestvenskaya, O. A. Simonova // *Sociologiya vlasti.* – 2026. – T. 38. – № 1. – S. 77–106.
- Silin A. N. Chelovek v Arktike: dinamika social'nogo blagopoluchiya v sociologicheskom izmerenii / A. N. Silin, A. L. Koltunov // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika.* – 2025. – T. 18. – № 2. – S. 81–92.
- Sociologicheskij analiz transgranichnykh obshchestv Bajkal'skogo regiona: dinamika, problemy, perspektivy / pod red. Yu. B. Randalova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2016. – 245 s.
- Toshchenko Zh. T. Novoe social'no-ekonomicheskoe yavlenie: prekariat / Zh. T. Toshchenko // *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manah trudov INIR im. S. Yu. Vitte.* – 2022. – T. 1. – № 1. – S. 146–161.
- Hitruk E. B. Koncepciya gegemonnoj maskulinnosti v teorii Rejvin Konnell: ot XX k XXI stoletiyu / E. B. Hitruk // *Sociologicheskij zhurnal.* – 2017. – T. 23. – № 4. – S. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5526
- Fishman L. G. Prekariat v Rossii: ot «opasnogo klassa» k normalizuyushchemu diskursu / L. G. Fishman // *Zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki «Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz».* – 2022. – № 4(107). – S. 104–122.
- Allen L. Hegemonic masculinity and addressing gender inequality / L. Allen // *The Journal of Men's Studies.* – 2025. – Vol. 33. – No. 3. – P. 575–591.
- Però D. Labour struggles as lived citizenship. Precarious migrant workers as agents of change / D. Però, E. Zontini // *Ethnic and Racial Studies.* – 2025. – P. 1–19.
- Saxinger G. Unterwegs. Mobiles Leben in der Erdgas- und Erdölindustrie in Russlands Arktis / G. Saxinger. – Böhlau Verlag, Wien, Köln, Weimar, 2016. – 227 p.
- Saxinger G. Rootedness along the way: meaningful sociality in petroleum and mining mobile worker camps / G. Saxinger // *Mobilities.* – 2021. – Vol. 16. – Is. 2. – P. 194–211. DOI: 10.1080/17450101.2021.1885844
- Wojnicka K. Caring masculinities: Rethinking the concept / K. Wojnicka, S. de Boise // *Men and Masculinities.* – 2025. – Vol. 28. – No. 4. – P. 339–358.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026;
одобрена после рецензирования: 04.05.2026;
принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 17.04.2026;
approved after reviewing: 04.05.2026
accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 331.5:377.063

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-58-72

Н. А. Бабуева**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА
ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ СПО**

Рассмотрено современное состояние рынка труда в целом по Российской Федерации и в региональном аспекте на примере Республики Бурятия. Проанализирована динамика численности населения, рождаемости и смертности, а также внутрирегиональные и внешние миграционные потоки. Сформулированы ключевые вызовы, стоящие перед рынком труда. Установлено, что именно он демонстрирует устойчивый спрос на выпускников среднего профессионального образования (СПО), особенно в отраслях, где требуются практические навыки, техническая подготовка и наблюдается дефицит в рабочих специальностях. Выявлены тенденции: роста спроса на работников, готовых выполнять трудовые функции с минимальным периодом адаптации; расширения автоматизации и роботизации производства, требующей технических специалистов, способных обслуживать современное оборудование. В исследовании использовались материалы Росстата, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, ведомственных мониторингов, статистические сборники Высшей школы экономики, материалы сети Интернет.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, демография, численность населения, рынок труда, занятость населения, трудоустройство, выпускники СПО, востребованные специальности.

Для цитирования: Бабуева Н. А. Современные тенденции на рынке труда для выпускников СПО // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 58–72. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-58-72

N. A. Babueva**CURRENT TRENDS IN THE LABOR MARKET
FOR VOCATIONAL EDUCATION GRADUATES**

The current state of the labor market in the Russian Federation as a whole and in the regional aspect is considered using the example of the Republic of Buryatia. The dynamics of the population, fertility and mortality, as well as intraregional and external migration flows are analyzed. The key challenges facing the labor market are formulated. It has been established that the labor market demonstrates a steady demand for graduates of secondary vocational education (SPE), especially in industries where practical skills, technical training is required and there is a shortage in working specialties. Trends have been identified: the growing demand for workers who are ready to perform labor functions with a minimum period of adaptation; the expansion of automation and robotization of production, requiring technical specialists capable of servicing modern equipment. The study used materials from Rosstat, the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia, departmental monitoring, statistical collections of the Higher School of Economics, and Internet materials.

Keywords: secondary vocational education, demography, population, labor market, employment of the population, job placement, graduates of vocational education, sought-after specialties.

Введение

Работники с начальным и средним профессиональным образованием – самая многочисленная категория рабочей силы на рынке труда Российской Федерации. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 г. их доля составляла около 45,5 % от общей численности занятых в экономике (25,8 % специалистов среднего звена и 19,7 % квалифицированных рабочих (служащих)), в то время как на специалистов с высшим образованием приходилось 34,8 % [Труд и занятость...

Бабуева Нина Анатольевна – ведущий специалист научно-организационного отдела Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0003-4134-729X. E-mail: nina.babueva@mail.ru.

Babueva Nina Anatolyevna – Leading Specialist of the Scientific and Organizational Department of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0003-4134-729X. E-mail nina.babueva@mail.ru.

2023]. Выпускники СПО существенно влияют на рынок труда как на федеральном, так и на региональном уровне. И в ближайшей перспективе их роль будет расти. Это обусловлено изменением возрастной структуры работников и сокращением абсолютной численности занятых в возрасте до 40 лет. По прогнозам, данная возрастная группа сократится с 32,5 млн чел. в 2022 г. до 25–26 к 2030-м гг. Снижение их численности в первую очередь связано с демографической ямой 1990-х гг. В результате количество молодых работников, которые легко адаптируются к технологическим изменениям, будет постоянно уменьшаться. В таких условиях от полученной квалификации выпускников, выходящих на рынок труда, и их профессиональных навыков будет в значительной степени зависеть кадровый потенциал российской экономики.

По оценке Минпромторга России, потребность в профессиональных кадрах только в обрабатывающей промышленности составляет около 2 млн чел. Из них 500–530 тыс. – специалисты с высшим образованием, а более 1,4 млн – со средним профессиональным образованием, которое требуется исходя из целей, которые определены национальными проектами технологического лидерства [Минпромторг оценил...].

С учетом сложившейся экономической ситуации образовательные учреждения СПО будут занимать значимое место в системе российского образования. Именно они выполняют важную функцию – подготовку квалифицированных рабочих и служащих. Успешное трудоустройство выпускников по обучаемой специальности считается главным показателем эффективности работы образовательных учреждений СПО.

Текущее состояние и перспективы трудоустройства выпускников СПО на российском рынке труда

Заместителем Председателя Правительства РФ Т. А. Голиковой сформулированы ключевые вызовы, стоящие перед рынком труда сегодня: 1) демографический; 2) технологический, требующий увеличения производительности труда за счет применения новых технологий, в т. ч. искусственного интеллекта; 3) квалификационный – комплексный вызов, сочетающий в себе результат несоответствия предложения рынка труда запросам экономики; 4) территориальный, связанный с высоким уровнем трудовой мобильности кадров и дисбалансами на рынке труда субъектов РФ [На Всероссийском кадровом...].

1. Демографическая политика России в 2025 г. вышла на первый план государственной повестки, в текущих условиях именно человек становится главной ценностью. От демографического потенциала зависят экономика, безопасность, наука и культурная преемственность, сохранение национальной идентичности.

Структура населения РФ сформировалась под воздействием значительных потерь населения в XX в. по причинам избыточной смертности, эмиграции и спада рождаемости в годы Первой мировой и гражданской войн (1914–1926), коллективизации (1931–1933), политических репрессий (конец 1920-х – начало 1950-х гг.), Великой Отечественной войны (1941–1945), а также в результате демографической ямы 1990-х гг., когда суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,23 в 1989 г. до исторического минимума 1,28 в 1999 г. [Суммарный коэффициент...]

Вследствие этого народонаселение РФ имеет демографическую особенность – многочисленные поколения сменяются малочисленными. Малочисленные поколения родителей воспроизводят малочисленные поколения детей, внуков и правнуков. Таким образом, демографическая структура сохраняет в себе «эхо войны» – демографические волны или ямы. Между малочисленными поколениями воспроизводятся многочисленные поколения потомков тех, кто рожден в послевоенный период с очень высокой рождаемостью. Такая структура народонаселения называется гребневой, или волнообразной, деформацией пирамиды половозрастного состава. Текущая тенденция является нисходящей (рис.).

В ближайшие 10–15 лет активной частью занятых в экономике в возрасте до 40 лет будет малочисленное поколение 1990-х гг., когда произошло катастрофическое падение рождаемости по причине социально-экономической нестабильности после распада СССР, а поколение родившихся в благополучные 1970–1980-е гг. достигнет пенсионного возраста. Поэтому основным резервом в сфере занятости является молодежь. В сложившихся условиях требуется более длительный период прогно-

зирования. Необходимо более точно определить кадровую потребность и с учетом этого запроса подготовить требуемое количество квалифицированных работников различных отраслей. Имеет первостепенное значение укрепление связи между работодателями и образовательными организациями, повышение престижа востребованных профессий.

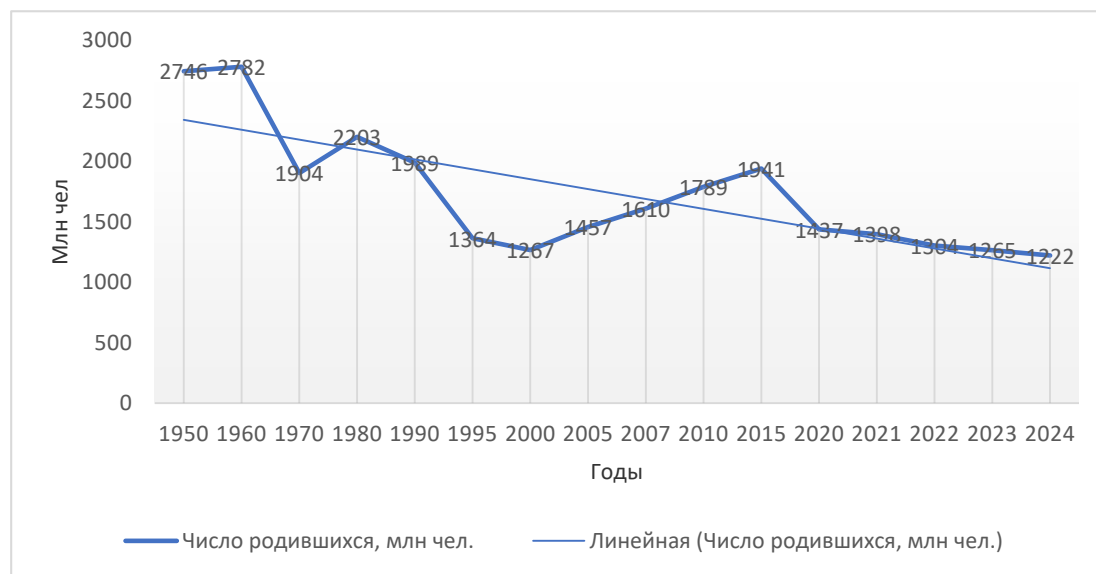

Рис. Количество родившихся, 1950–2024 гг., млн чел.

Сост. по: [Демография. Рождаемость...]

Органами исполнительной власти РФ определены основные тренды рынка труда ближайших лет на основе полученных результатов прогноза кадровой потребности российской экономики на период 2026–2032 гг. По данным прогноза, общая замещающая кадровая потребность составит 12,2 млн работников, в т. ч.: 11,7 млн – для смены выбывающих на пенсию и около 500 тыс. – в связи с созданием дополнительных рабочих мест. Исходя из этого, в среднем в год необходимо вовлекать в экономику порядка 1,7 млн чел. Общая кадровая потребность с учетом замещений – запрос экономики к системе образования. На современном этапе для экономического развития в перспективе на ближайшие 7 лет существует наибольшая потребность в специалистах со средним профессиональным образованием, которая составляет 66 % от замещающей кадровой потребности. Это необходимо для обеспечения безопасности и конкурентоспособности страны. Такие кадры нужны для электронной промышленности, робототехники, в машиностроении, металлургии, фармацевтике, сельском хозяйстве и ОПК, в строительстве, транспорте, атомной и других отраслях [Минтруд назвал...; В Москве обсудили...].

Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше в октябре 2025 г. составил 2,1 %. По этому показателю Россия входит в топ-5 стран «Большой двадцатки» (G20). Средний возраст безработных в возрасте 15 лет и старше в октябре 2025 г. – 37,9 года. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 18,9 %, лица в возрасте 50 лет и старше – 21,4, лица, не имеющие опыта трудовой деятельности, – 28,6 %. Численность безработных насчитывала 1,63 млн чел. и фактически была меньше количества вакансий – 1,68 млн. В РФ по состоянию на октябрь 2025 г. было занято 74,79 млн граждан. Сложился максимальный уровень занятости трудоспособного населения – 61,8 % [Социально-экономические показатели... 2025]. Уровень вовлечения в экономику растет по всем возрастным группам.

Министр труда и социальной защиты РФ А. О. Котяков обозначил главную задачу – к 2030 г. ликвидировать дефицит в кадрах. А для этого необходимо увеличить численность занятых в экономике на 3,4 %. Один из вариантов для достижения этой цели – рост уровня трудоустройства выпускников. Если в предыдущие годы после окончания техникумов и вузов трудоустраивались без особых проблем 64–74 % молодых специалистов, то этот показатель нужно довести до отметки в 81 % и выше (табл. 1). Планируемый показатель необходим для структурных трансформаций в экономике.

Таблица 1

Уровень трудоустройства выпускников, завершивших обучение и осуществляющих трудовую деятельность в течение двух лет после выпуска, %

Показатель	Год							
	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Выпускники по образовательным программам среднего профессионального образования	63,6	66	67	69	71,5	74,5	78	81,3
Выпускники по образовательным программам высшего образования	73,7	74,6	75,7	76,6	77,7	78,8	80,1	81,4

Сост. по: [План структурных...].

Пока показатель трудоустройства выпускников СПО заметно ниже, чем у выпускников вузов. Среди причин такой ситуации можно назвать: неконкурентную зарплату, недостаточное взаимодействие существующей практики подготовки кадров с региональными рынками труда, трудности в проведении долгосрочного анализа и централизованного планирования собственных кадровых потребностей в некоторых регионах. Также это объясняется вынужденной неактивностью из-за службы в армии и нахождения в отпуске по уходу за ребенком, а также спецификой занятости специалистов среднего звена – работой в неформальном секторе экономики. Чаще всего находят работу выпускники, получившие специальность в сфере медицины, торговли, естественных и технических наук [Выпускники среднего...].

В образовательных учреждениях СПО в РФ учатся 3,9 млн чел. Это максимальное значение за 50 лет. Этот показатель сопоставим с данными этапа интенсивного роста советской системы среднего профессионального образования в 1960–1970-х гг. в СССР (4,4 млн учащихся на начало 1970/71 уч. г.) и больше, чем в РСФСР (2,6 млн учащихся) [СССР в цифрах...]. В 2025 г. зачислено около 1,3 млн студентов. За последние годы пропорция серьезно изменилась, и сегодня 63 % 9-классников и 12 % 11-классников выбирают систему СПО [Около 63 % ...; Система СПО...].

2. Нынешняя кризисная демографическая ситуация является одновременно и стимулом для модернизации экономики. В условиях структурного дефицита кадров работодатели инвестируют в технологии, цифровизацию, роботизацию, создавая тем самым условия для усиления технологического суверенитета и обновления технологического уклада, увеличения производительности труда. Технологии способны изменить занятость, перераспределить ресурсы и снизить кадровый дефицит, освобождая людей от рутинных операций и позволяя им концентрироваться на более комплексных и интеллектуальных задачах. Если в ближайшие 10–12 лет в РФ сможет произойти технологический рывок, то сценарий «робобудущее» окажется реализуемым. Министр промышленности и торговли РФ А. А. Алиханов заявил, что на роботизацию промышленности в ближайшие шесть лет Правительство РФ выделит более 136 млрд руб. Автоматизация, роботизация и цифровизация станут одной из значимых тенденций, которые продолжат менять не только производственные процессы, но и структуру занятости. Одни профессии появятся, другие исчезнут. Под угрозой на рынке труда окажутся прежде всего рутинные специальности в логистике, кол-центрах, бухгалтерии, расчетных центрах и др.

По итогам заседания Государственного совета РФ по вопросам подготовки кадров для экономики 25 декабря 2025 г. Президентом РФ В. В. Путиным дано поручение Правительству РФ совместно с комиссией Государственного совета по направлению «Кадры», другими заинтересованными комиссиями Государственного совета, госкорпорациями «Росатом», «Роскосмос», «Ростех» и при участии ПАО «Сбербанк России», Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям, АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» разработать и утвердить стратегию кадрового обеспечения отраслей экономики и социальной сферы и адаптации рынка труда к технологическим изменениям на период до 2036 г. в срок до 1 декабря 2026 г. [Перечень поручений...].

Оптимизация структуры занятости будет осуществляться, в частности, за счет перераспределения трудовых ресурсов из сфер, где требуется снижение занятости (оптовая и розничная торговля, деятельность финансовая и страховая, сектор государственного управления и др.) в секторы, требующие

притока или сохранения занятых (обрабатывающие производства, в т. ч. высокотехнологичные, деятельность в области информации и связи, образование, деятельность профессиональная, научная и техническая и другие). Ключевую роль для обеспечения целенаправленной межотраслевой мобильности кадров играет повышение производительности труда при активной роботизации и внедрении современных информационных технологий, включая инструменты искусственного интеллекта [План структурных...].

Одним из основных индикаторов Плана структурных изменений в российской экономике до 2030 г., утвержденного на заседании Правительства РФ 27 ноября 2025 г., является планомерный рост производительности труда (табл. 2).

Таблица 2

Целевые плановые значения роста производительности труда
по отдельным отраслям экономики РФ, в %*

Индикатор	Год						
	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Рост производительности труда в экономике Российской Федерации к 2023 г.*	103,4	105,7	108,1	111,1	114,2	117,4	120,7
В т. ч. по отдельным отраслям экономики							
обрабатывающие производства	104,3	108,5	111,3	114,6	118,0	121,6	125,4
деятельность в области информации и связи	103,1	108,5	111,8	115,4	120,2	125,6	131,5
деятельность профессиональная, научная и техническая	102,4	107,3	110,4	114,0	118,6	124,0	129,8
транспортировка и хранение	100,3	103,7	105,6	108,1	110,6	113,1	115,3
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	105,4	106,7	110,1	114,3	118,5	122,8	127,0
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	102,7	101,5	103,3	105,2	108,1	112,4	115,8
строительство	102,8	106,2	109,4	112,8	116,3	119,6	122,8
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	104,0	106,0	107,9	109,9	112,0	113,9	115,8

* – индикаторы предусмотрены в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.

Сост. по: [План структурных...].

Наибольшие показатели роста до 2030 г. намечены в области информации и связи (131,5 %), профессиональной, научной и технической деятельности (129,8 %), оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов (127 %). В целом по экономике рост производительности труда должен составить 120,7 % к уровню 2023 г.

3. На текущем этапе сложилась комплексная проблема на рынке труда, возникшая из-за несоответствия предложения труда запросам экономики, – квалификационный вызов. Он сочетает в себе несколько аспектов дисбаланса между навыками работников и требованиями развивающегося рынка труда в условиях технологических изменений, цифровизации и структурной трансформации экономики.

Качественно-количественная диспропорция спроса и предложения рабочей силы существенно влияет на формирование дефицита кадров и рост структурной безработицы. На фоне демографического кризиса, санкционного давления, усилившейся утечки умов, мобилизации части трудоспособного населения и перетока кадров в импортозамещающие отрасли, инфраструктурные проекты и военно-промышленный комплекс проблемы регулирования спроса на рабочую силу и ее предложения приобретают особую значимость.

Одними из причин квалификационных проблем являются:

1. *Устаревание навыков.* Темпы технического прогресса и изменений в технологиях настолько высоки, что требования к работнику меняются каждые 2–5 лет. По экспертным оценкам, в период до 2030 г. в среднем 2/5 (39 %) от текущего набора навыков работника могут устареть и рабочие функции будут требовать от него совершенно новых навыков, которые сегодня еще неизвестны на рынке труда.

2. *Инерционность системы образования.* Учебные заведения с традиционными образовательными программами часто не успевают адаптироваться к динамике рынка труда, выпуская специалистов, чьи знания и навыки уже неактуальны или недостаточны для новых высокотехнологичных рабочих мест.

3. *Дисбаланс между спросом и предложением.* Структурные диспропорции на рынке труда связывают со снижением востребованности работников одних профессий и дефицитом других. В производственных отраслях экономики наблюдается нехватка квалифицированных инженерно-технических кадров, что становится ключевым барьером на пути экономического развития России и реализации государственных задач. Ситуация с нехваткой инженеров при избытке экономистов, юристов и других «белых воротничков» требует системных решений.

Кроме того, долгое время в РФ существовала проблема трудоустройства не по специальности, имеющаяся почти у половины всех работающих. Несоответствие занятости и образования являлось одной из базовых характеристик среднестатистического российского работника, что негативно влияло как на производительность труда, так и на его оплату. Доля сотрудников, чья профессия никак не связана с полученным образованием, по данным ВЦИОМ, в 2019 г. составляла 47 % [ВЦИОМ...].

За последнее десятилетие в стране сформировалась тенденция роста количества занятых, чья нынешняя работа соответствует профилю полученного образования. С одной стороны, это может быть косвенным эффектом выросшего спроса на труд, благодаря чему многие специалисты нашли устраивающие их предложения в своей отрасли. С другой – это результат смены поколений, из-за которой с рынка труда постепенно уходят те, кто потерял связь с изначальной профессией в период экономических реформ 1990-х гг. Им на смену приходит молодежь, тщательнее выбирающая образовательный трек с учетом своих карьерных планов. Также на увеличение доли сотрудников, работающих по полученной специальности, повлияло создание целевых программ обучения. Больше всего от этого выигрывает производственная отрасль. Сегодня уже более 117 тыс. студентов обучаются по целевым договорам, гарантирующим дальнейшее трудоустройство.

Квалификационный вызов может приводить к снижению производительности труда, структурной безработице, неэффективному использованию трудовых ресурсов, необходимости затрат на переобучение сотрудников.

Для смягчения квалификационных диспропорций могут применяться следующие меры: развитие системы образования и повышение квалификации с учетом реальных потребностей экономики; программы переквалификации и повышения квалификации для взрослых и работников старшего возраста; укрепление связей между работодателями и образовательными организациями; повышение престижа востребованных профессий; практико-ориентированность образовательных программ и создание системы обучения для приоритетных отраслей экономики.

В настоящее время острый дефицит наблюдается в рабочих специальностях – он перестал быть локальным явлением и перешел в устойчивую системную проблему. На протяжении 20 лет наблюдается неуклонное снижение подготовки квалифицированных рабочих: в 2000 г. – 762,3 тыс.; 2015 г. – 368,2; 2022 г. – 161,2 тыс. чел. Сейчас только каждый пятый студент СПО получает рабочую квалификацию. При этом стабильной популярностью среди абитуриентов пользуется узкий перечень профессий: сварщик, автомеханик, тракторист, электромонтер, мастер строительных работ, машинист тепловоза, повар-кондитер, кассир и др. В то же время подготовка рабочих по ранее массовым профессиям для высокотехнологичных отраслей, таких как электроника, радиотехника и системы связи, приборостроение, авиационная и ракетно-космическая техника, кораблестроение, машиностроение, которые в настоящее время очень актуальны, идет не в тех объемах. Такие профессии вновь стали востребованными и престижными, а за квалифицированных работников борются крупные предприятия и госкорпорации – они предлагают высокие зарплаты, льготы и привлекательные соцпакеты.

Требования к современным рабочим становятся более подвижными. От них требуют высокой квалификации: разносторонних знаний, навыков обращения со сложным оборудованием, понимания технологических процессов. Поэтому молодые люди, которые только завершили обучение в учреждениях СПО, должны владеть наиболее современными навыками и квалификациями, быть подготовлены к работе на современном высокотехнологичном оборудовании и иметь большую гибкость и мобильность в кризисных ситуациях, например в момент быстрой перестройки производства.

Государство создает законодательную базу, чтобы приоритеты сместились в пользу практических навыков, расширяется эксперимент, позволяющий выпускникам после экзаменов по русскому языку и математике сразу поступать в колледжи для получения востребованной профессии. По федеральному проекту реализуются меры, которые повышают статус рабочих специальностей, их перспективность и привлекательность. Для этого в стране проводят всероссийский конкурс профессионального мастерства «Лучший по профессии», всероссийскую ярмарку трудоустройства «Работа России. Время возможностей», конкурс лучших практик трудоустройства молодежи и другие мероприятия.

Драйвером развития системы СПО выступает проект «Профессионалитет», который направлен на усиление взаимодействия колледжей непосредственно с работодателями, реальным сектором экономики. Профессионалитет закреплён в законе «Об образовании» как форма организации образовательной деятельности по программам СПО при участии работодателей с 1 сентября 2026 г. [Федеральный закон...]. В соответствии с изменениями в законодательстве предусматривается участие работодателей в организации образовательной деятельности на всех этапах разработки и реализации образовательных программ, включая практическую подготовку, в целях кадрового обеспечения соответствующих отраслей экономики и социальной сферы. Проект тестировали в пилотном режиме с 2022 г. Сейчас действуют 350 кластеров, а в 2026 г. их число планируется увеличить до 588. К 1 сентября 2026 г. образовательные учреждения СПО должны обновить программы, создать управляющие советы, наладить партнерства с работодателями и внедрить формат демонстрационного экзамена.

4. В последние годы модель развития СПО строилась таким образом, чтобы удовлетворять потребности региональных рынков труда. Но высокий уровень мобильности студентов СПО ослабил связь существующей практики подготовки кадров с региональными рынками труда. Высокая трудовая мобильность выпускников – это реакция на структурные, региональные, отраслевые и квалификационные диспропорции во взаимодействии спроса и предложения труда. Около 40 % выпускников СПО покидают регион обучения для последующего трудоустройства. Самое большое количество выпускников остается в ЦФО – более 85 % выпускников. Самый низкий уровень лояльности к региону обучения демонстрируют выпускники колледжей Северного Кавказа [Выпускники среднего...]. Во многих регионах набор специальностей и профессий в учреждениях СПО может не соотноситься с запросами местного рынка труда. А учиться вчерашние школьники, как правило, предпочитают в колледжах и техникумах своего региона – поближе к дому. В результате диплом они получают, а работу по специальности в своем регионе найти не могут. В то же время в таких специалистах может нуждаться другой регион, но не готовить их у себя.

На фоне социально-политических событий в стране и мире произошло усиление миграционных потоков:

Миграция избегания – миграция на фоне возросших рисков безопасности, ухудшения экологии и климатических условий; ценностно ориентированная эмиграция несогласных.

Миграция надежд – рост общей мобильности населения вследствие урбанизации и изменений в социальных стилях: отток населения в крупные агломерации для дальнейшего получения образования, улучшения перспектив занятости, инфраструктуры для жизни; интеллектуальная мобильность – глобальная «утечка мозгов»; трудовая – миграция в поисках лучших экономических условий или других преимуществ.

Высокая внутренняя мобильность населения и стабильный отток населения из восточных и северо-восточных регионов в Западную Сибирь и европейскую часть России в последние 25 лет оказались крайне неблагоприятными для перспектив экономического, демографического и политического развития страны, а в контексте Дальнего Востока поставили вопрос об угрозе национальной безопасности и территориального развития РФ.

Стихийные внутрироссийские миграции становятся фактором, способствующим еще более неравномерному, асимметричному распределению населения по территории России. У этой неравномерности есть объективные исторические и природно-климатические причины. Однако она усиливается неблагоприятными с точки зрения стратегического развития экономическими векторами миграции. Вместо того чтобы вовлекать в хозяйственный оборот обширные территории азиатской части страны и развивать экономику регионов, имеющих стратегическое значение для РФ, население стягивается в европейские регионы и концентрируется в столичной агломерации.

Оценка ситуации рынка труда Республики Бурятия для выпускников СПО

В России сложилась неоднородная структура регионального развития с существенными различиями на локальных рынках труда, что обуславливает актуальность рассмотрения проблем трудоустройства в региональном разрезе.

Сегодня сфере занятости Республики Бурятия присущи общероссийские тренды. Рынок труда характеризуется ростом численности занятых и низким уровнем безработицы. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, численность рабочей силы в 2025 г. составила 450,8 тыс. чел. и увеличилась за год на 21,8 тыс. чел., или 5,1 %. При этом количество занятых выросло на 6 %, до 434,0 тыс. чел., а численность безработных граждан снизилась на 13,2 % до 16,8 тыс. чел. Уровень занятости трудоспособного населения за год повысился с 54,1 до 57,1 %. Уровень общей безработицы продолжает снижаться с 2020 г. В 2025 г. он составил 3,7 % и снизился с 2020 г. на 6,8 п. п. (в 2020 г. – 10,5 %). Уровень регистрируемой безработицы на конец 2025 г. составил 0,3 % [О численности и составе...].

В то же время численность постоянного населения неуклонно сокращается и, согласно расчету предположительной численности населения по среднему варианту демографического прогноза в конце планового периода, определенного «Прогнозом кадровой потребности российской экономики на период 2026–2032 гг.», в течение 10 лет с 2023 г. сократится до 949,2 тыс. чел. [Демографический прогноз...]. Это значение составляет 97,4 % от численности населения в 2023 г. – 974,6 тыс. чел. (табл. 3).

Таблица 3

Прогноз динамики численности населения Республики Бурятия
в период 2023–2032 гг. (средний вариант)

Показатель	Год									
	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032
Численность населения на 1 января года, тыс. чел.	974,6	971,9	971,1	965,3	961,9	958,8	955,9	953,4	951,1	949,2
В т. ч. показатели естественного движения населения:										
родившиеся	10232	9 524	9825	9804	9820	9988	10175	10312	10466	10674
умершие	11496	11902	11926	11815	11689	11585	11453	11337	11231	11161
естественный прирост, убыль (-)	-1264	-2378	-2101	-2011	-1869	-1597	-1278	-1025	-765	-487

Сост. по: [Статистический... 2025; Демографический прогноз...]

Численность населения на 1 января 2025 г. составила 971,1 тыс. чел. и снизилась за 2024 г. на 0,8 тыс. чел. Доля городского населения превышает долю сельского. На начало 2025 г. 574,5 тыс. чел. (59,1 %) – горожане и 397,4 (40,9 %) – сельские жители. В 2024 г. убыль населения республики была 1,2 тыс. чел. В 2023–2025 гг. наблюдается демографическая тенденция, характеризующаяся уменьшением числа новорожденных и ростом смертности. Родившихся в 2024 г. меньше умерших на 2378 чел., что выше этого значения в 2023 г. на 88 % (в 2023 г. – на 1264 чел.). Естественная убыль населения составила 2,4 чел. на 1000 чел. населения. Количество родившихся в 2024 г. на 7 % меньше, чем в 2023 г. (9524 чел. и 10232 чел. соответственно). Численность умерших – 11902 чел., что

больше на 3,5 % по сравнению с 2023 г. (11496 чел.) [Демография, миграция...]. По итогам 2025 г. тенденция естественной убыли населения продолжилась, ее показатель превысил число родившихся на 2101 чел.

Еще один фактор, влияющий на изменение численности населения, – миграция. Существенной проблемой демографического развития остается отрицательная для республики миграция населения: в 2022 г. она составила 2287 чел., в 2023 г. – 1442 чел. В 2024 г. эта тенденция сохранилась. Часть мигрантов – около 91,6 % – передвигалась внутри России, в т.ч. в пределах республики – 66,3 %. Доля международного перемещения в общем миграционном потоке незначительна – 8,4 %. В основном в республику приезжают жители Узбекистана, Киргизии для работы на основании патентов. Наибольший отток населения республики за счет межрегиональной миграции был отмечен в регионы Сибирского федерального округа – 563 чел., в т.ч. в Новосибирскую область – 142, Иркутскую область – 131 и Красноярский край – 112 чел. Миграционная убыль в регионы Северо-Западного федерального округа составила 389 чел., в т.ч. в г. Санкт-Петербург – 295 и Ленинградскую область – 72 чел. В Центральный федеральный округ выбыло 189 чел., в т.ч. в Московскую область – 123 и в г. Москву – 78 чел. Приток населения отмечен из Приволжского и Дальневосточного федеральных округов [Социально-экономическое... Январь – ноябрь 2024 г.].

«Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2035 года» [Закон...], скорректированная с учетом положений обновленной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2036 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р, выделяет три основных стратегических направления дальнейшего развития Республики Бурятия:

1. Формирование современного транспортно-логистического узла международного значения, что обосновано исключительным геополитическим положением Республики Бурятия на пересечении важнейших транспортных коридоров.

На юге РБ граничит с Монголией, общая граница протяженностью свыше 1,0 тыс. км обеспечивает транспортный коридор между Россией и странами АТР, что делает возможным включение республики в международные транспортные коридоры «Великий чайный путь» и «Великий шелковый путь». Также через республику проходят Транссибирская магистраль, Байкало-Амурская железнодорожная ветка (БАМ) и федеральная автомобильная дорога Москва – Владивосток, которые играют ключевую роль в международных грузоперевозках. В условиях перераспределения торговых потоков по направлениям Европа – Азия, Юг – Восток, роста товарооборота между Россией и Китаем особое значение приобретают модернизация железнодорожной инфраструктуры, увеличение пропускной способности автомобильных дорог, а также развитие сопутствующей логистической инфраструктуры – грузовых терминалов, складских комплексов и таможенных пунктов. Сейчас дан старт третьему этапу развития Восточного полигона, который состоит из Транссиба и БАМа. На территории республики началось строительство второго Северомуйского тоннеля. Он будет еще длиннее, чем существующий Северомуйский – самый протяженный железнодорожный тоннель в России (15,3 км). Масштабная стройка призвана расширить проблемное «узкое горлышко» и увеличить трафик БАМа. Ввод его в эксплуатацию позволит увеличить провозную способность БАМа и Транссиба до 270 млн т по итогам 2032 г. Это повлечет оживление экономики прилегающей территории, новые налоговые поступления в бюджет республики, для предприятий – возможность отгружать больше грузов, появление перспективы для освоения месторождений полезных ископаемых. Большие объемы строительства потребуют новых рабочих мест на длительный период, в т.ч. в сфере транспортировки и хранения.

3 июня 2026 г. на XXIX Петербургском международном экономическом форуме вице-президентом по взаимодействию с органами государственной власти ООО «Интернет Решения» (Ozon) И. В. Зиминим и главой РБ А. С. Цыденовым подписано соглашение о строительстве в республике крупного логистического центра с инвестициями свыше 3,2 млрд руб. Ранее была достигнута договоренность с крупным российским маркетплейсом Wildberries о создании такого же логистического центра. Вследствие того что РБ находится на пересечении важных транспортных маршрутов, это удобно для развития логистики внутри региона, а также открывает дополнительные возможности для торговли и сотрудничества с соседними странами. Это повлечет создание новых рабочих мест, дополнительные налоговые поступления и новые возможности для развития малого и среднего бизнеса.

2. Создание модели устойчивого экологического туризма в Байкальском регионе, основанной на принципах бережного природопользования и сохранения уникальной экосистемы оз. Байкал.

Одно из приоритетных направлений развития сферы туризма Республики Бурятия – создание современной круглогодичной туристической инфраструктуры. Бурятия вошла в программу «Пять морей и озеро Байкал» национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» – масштабного проекта государственно-частного партнерства в сфере туризма. 10 регионов уже перешли от проектных проработок к реальному строительству, в РФ по этой программе в активной стадии находятся 13 тыс. номеров. В их числе – проект круглогодичного курорта «Волшебный Байкал» с инвестициями 110,7 млрд руб. Первый отель на 153 номера уже строится [Глава Бурятии...].

3. Комплексная модернизация агропромышленного комплекса, включающая внедрение современных технологий, развитие перерабатывающих производств.

Бурятия обладает значительным потенциалом для развития конкурентоспособного сельского хозяйства и глубокой переработки сельхозпродукции. Реализация этого потенциала требует комплексного подхода, включающего модернизацию инфраструктуры и подготовку кадров. Успешное развитие агропромышленного комплекса способно обеспечить продовольственную безопасность региона, стать важным источником экспортных доходов, создать дополнительные рабочие места в сельской местности.

Бурятия определена регионом-куратором общенациональной программы развития табунного коневодства в рамках инициативы «Приоритет-2030». Создан федеральный консорциум, в который вошли Забайкальский край, республики Саха (Якутия), Башкирия, Алтай и Татарстан – всего порядка 50 племенных хозяйств по России. Главная цель на 2026 г. – построение единой системы племенного учета лошадей, которая откроет доступ к геномной селекции и племенному отбору. Проводится работа по инвентаризации отрасли.

Финансирование в рамках программы «Приоритет-2030» будет направлено на научные экспедиции и создание материально-технической базы. Проект рассчитан до 2036 г. Программа реализуется для обеспечения продовольственной безопасности и выхода на экспортные рынки Азии через улучшение продуктивных качеств лошадей и планомерное увеличение поголовья. Себестоимость содержания лошади примерно в два раза ниже, чем КРС, а спрос на конину остается высоким. Для достижения заявленных целей необходимо кадровое обеспечение агропромышленного комплекса.

Также ключевым фактором развития региона является экономическая активность, определяемая политикой размещения производительных сил, в первую очередь промышленностью. Именно она позволяет не просто использовать территориальные ресурсы, но и наращивать их. Это наиболее приоритетная отрасль по воспроизводственным возможностям, добавленной стоимости и необходимости в инновационном развитии и кадровом обеспечении. Сегодня промышленность обеспечивает порядка 1/4 части добавленной стоимости в ВРП республики и поступление более 35 % налогов и сборов в бюджетную систему РФ, в т. ч. в консолидированный бюджет Республики Бурятия – порядка 40 %. Основную долю составляют обрабатывающие производства (около 60 %). Приоритетными отраслями являются авиационная, радиоэлектронная, легкая и пищевая промышленность, металлообработка, лесопромышленный комплекс, промышленность строительных материалов, добыча угля и др. Крупный бизнес республики сосредоточен в машиностроительной промышленности, ведущие предприятия которой входят в национальные вертикально интегрированные структуры.

Ключевая проблема промышленной отрасли – кадровая обеспеченность: дефицит квалифицированных кадров, отсутствие структурированного рынка трудовых ресурсов и несбалансированная структура рабочей силы. Для этого необходимо наращивать кадровый потенциал промышленного комплекса через систему практико- и проблемно-ориентированной подготовки квалифицированных работников в образовательных учреждениях республики. Создание высокотехнологичного производственного комплекса с увеличением уровня локализации производства и с опорой на собственную кадровую базу является ключевой составляющей развития промышленного потенциала республики. Этому, в частности, содействует программа «Профессионалитет».

Главная задача программы – создание новых условий подготовки специалистов среднего звена и системы образования, которая поможет учащимся приобрести актуальные знания и навыки, необходимые для ключевых отраслей экономики: промышленности, ИТ, сельского хозяйства и др.

Основные задачи проекта:

- сокращение сроков обучения по приоритетным направлениям после 9-го класса примерно до 2 вместо 3–4 лет, а для сложных специальностей – до 3 лет;
- введение ускоренных и гибких образовательных программ, основанных на стандартах работодателей;
- массовая подготовка специалистов среднего звена и рабочих по востребованным специальностям;
- акцент на практике, выделение ей примерно до 80 % учебного времени;
- создание образовательно-производственных кластеров, которые объединят колледжи и предприятия;
- содействие трудоустройству выпускников;
- повышение квалификации преподавателей, управленческого персонала и мастеров производственного обучения в целях соответствия актуальным требованиям (табл. 4).

Таблица 4

Изменения в работе учреждений СПО с переходом на программу «Профессионалитет»

Показатель	Программы СПО	Профессионалитет
Подход к обучению	Учебный план разрабатывает образовательное учреждение СПО	В разработке учебного плана участвует работодатель
Сроки обучения	3–4 года	От 1 года 10 месяцев до 2 лет 10 месяцев
Соотношение теории и практики	Теория преобладает, практика – 20–30 % учебного времени	До 80 % – практика на производствах и в мастерских
Трудоустройство	Зависит от студента	Высокие шансы: работодатель готовит студентов для себя

В республике в проекте задействованы 6 образовательных организаций, ведущих подготовку кадров по самым востребованным направлениям:

1. Улан-Удэнский авиационный техникум – образовательно-производственный центр (кластер) «Машиностроение».
2. Гусиноозерский энергетический техникум – кластер среднего профессионального образования «Подготовка кадров для топливно-энергетического комплекса Республики Бурятия».
3. Улан-Удэнский колледж железнодорожного транспорта – Центр ускоренной профессиональной подготовки кадров для Восточного полигона.
4. Бурятский колледж технологий и лесопользования – образовательно-производственный центр (кластер) по подготовке кадров для строительной отрасли Республики Бурятия.
5. Политехнический техникум – Байкальский образовательно-производственный центр ускоренной подготовки лесной промышленности Республики Бурятия;
6. Бурятский аграрный колледж им. М. Н. Ербанова – кластер среднего профессионального образования «Сельское хозяйство».

Система среднего профессионального образования Республики Бурятия – неотъемлемая часть региональной системы образования и основа устойчивого развития экономики региона. Она должна чутко реагировать на запросы и актуализировать образовательные программы республиканской системы образования в соответствии с потребностями регионального рынка труда.

Заключение

Демографическая политика России вышла на первый план государственной повестки, в текущих условиях именно человек становится главной ценностью. От демографического потенциала зависят экономика, безопасность, наука и культурная преемственность, сохранение национальной идентичности.

В сложившихся условиях основным резервом является молодежь. Это важная социальная группа, положение на рынке труда которой оказывает влияние на будущее национальной экономики. На этапе развития автоматизации, роботизации и цифровизации, когда многие рабочие специальности требуют высокой квалификации, навыков обращения со сложным оборудованием, понимания техноло-

гических процессов, именно молодые выпускники СПО способны быстро адаптироваться к нововведениям в минимальные сроки.

В России растет интерес к среднему профессиональному образованию на фоне дефицита кадров в промышленности, строительстве, транспорте и инфраструктурных проектах. Работодатели усиливают спрос на специалистов с прикладными навыками и коротким циклом подготовки. Это меняет поведение абитуриентов, повышает роль образовательных учреждений СПО в системе воспроизводства рабочей силы и формирует новую модель профессионального выбора, в которой скорость выхода на рынок, гарантированная занятость и уровень дохода становятся ключевыми факторами. СПО перестает быть альтернативой для тех абитуриентов, кто не поступил в вуз, и становится самостоятельным выбором. Это означает не только рост спроса на прикладные навыки, но и более широкую трансформацию модели профессионального успеха, где значение диплома снижается, а значение компетенций и реального опыта растет.

Интерес к СПО совпадает с активной институциональной трансформацией системы профессионального образования. Государство и бизнес формируют совместную модель подготовки кадров, в которой учреждения СПО интегрируются в производственные цепочки.

Несмотря на позитивную динамику, развитие СПО сдерживается несколькими причинами: дефицитом инвестиций в инфраструктуру и оборудование, нехваткой преподавателей с актуальными компетенциями, сохраняющимися стереотипами о непрестижности рабочих профессий, сложностью прогнозирования кадровых потребностей. Рынок труда меняется быстрее, чем образовательные программы, что создает риск несоответствия между подготовкой специалистов и спросом на них. Текущая ситуация требует постоянной координации между государством, реальным сектором экономики и образовательными организациями СПО. Без такой координации возрастает риск либо дефицита кадров в ключевых секторах, либо их перепроизводства в отдельных специальностях. Вместе с тем необходимо исключить риск фрагментации системы образования вследствие усиления роли корпоративных программ, когда подготовка специалистов начинает ориентироваться на потребности отдельных предприятий, а не рынка в целом.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Источники и литература

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и статью 4 Федерального закона “О независимой оценке квалификации”» от 23.07.2025 № 253-ФЗ (ред. от 17.11.2025).

Закон Республики Бурятия «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года» от 18.03.2019 № 360-VI (с изменениями от 14.07.2020, 09.03.2022, 23.12.2024, 05.07.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300201903210015> (дата обращения: 12.02.2026).

Демографический прогноз от базы на начало 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://03.rosstat.gov.ru/demo> (дата обращения: 16.02.2026).

Демография, миграция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://egov-buryatia.ru/minec/activities/directions/razvitie-trudovoykh-otnosheniy/razvitie-rynka-truda/demografiya-migratsiya/?clear_cache=Y (дата обращения: 19.02.2026).

Демография. Рождаемость, смертность и естественный прирост [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 09.11.2025).

О численности и составе рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://03.rosstat.gov.ru/resource> (дата обращения: 19.02.2026).

Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/79143> (дата обращения: 12.02.2026).

План структурных изменений в российской экономике до 2030 года (утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 № 41) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_strukturnyh_izmeneniy (дата обращения: 17.02.2026).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь – ноябрь 2024 г. Комплексный доклад/Бурятстат. – Улан-Удэ, 2025. – 132 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://03.rosstat.gov.ru/storage/document/document_publication_plan/2025-01/13/01-01-01%2011.pdf?ysclid=mrvqtc6bzq626744977 (дата обращения: 17.02.2026).

Социально-экономическое положение России. Январь – октябрь 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-10-2025.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).

СССР в цифрах в 1970 году: краткий стат. сб. / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Госстатиздат, 1971. – 234 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finlibrary.ru/s/finarchive/media/58732> (дата обращения: 15.12.2025).

Статистический ежегодник. 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/eg2025_04.pdf (дата обращения: 16.02.2026).

Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/СУММАРНЫЙ%20КОЭФФИЦИЕНТ%20РОЖДАЕМОСТИ\(3\).pdf](https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/СУММАРНЫЙ%20КОЭФФИЦИЕНТ%20РОЖДАЕМОСТИ(3).pdf) (дата обращения: 10.11.2025).

Труд и занятость в России. 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

В Москве обсудили актуальные вопросы развития отечественного среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/11290/v-moskve-obsudili-aktualnye-voprosy-razvitiya-otechestvennogo-srednego-professionalnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.04.2026).

ВЦИОМ: почти каждый второй опрошенный россиянин работает не по своей специальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6333815> (дата обращения: 10.12.2025).

Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 2023 г.) / К. В. Анисимова, А. А. Владимирская, Ф. Ф. Дудырев и др.; науч. ред. С. Ю. Рошин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 148 с. – ISBN 978-5-7598-2787-0 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-2856-3 (e-book).

Глава Бурятии рассказал о ходе создания курорта «Волшебный Байкал» на заседании подкомиссии в Правительстве России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/economy/144974-glava-buryatii-rasskazal-o-khode-sozdaniya-kurorta-volshebnyy-baykal-na-zasedanii-podkomissii-v-prav/> (дата обращения: 04.06.2026).

Минпромторг оценил дефицит кадров в промышленности почти в 2 млн человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23768733> (дата обращения: 10.11.2025).

Минтруд назвал самые востребованные профессии будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/12/04/mintrud-nazval-samyie-vostrebovannye-professii-budushchego.html> (дата обращения: 04.12.2025).

На Всероссийском кадровом форуме назвали ключевые тренды и вызовы рынка труда до 2032 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/8169> (дата обращения: 04.12.2025).

Около 63 % девятиклассников выбирают среднее профессиональное образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://объясняем.пф/articles/news/sergey-kravtsov-okolo-63-devyatikklassnikov-vybirayut-srednee-professionalnoe-obrazovanie/> (дата обращения: 15.12.2025).

Рожкова К. В. Феномен «избыточного образования» выпускников российских вузов [Электронный ресурс] / К. В. Рожкова, Н. К. Емелина, С. Ю. Рошин, П. В. Травкин // Вопросы экономики. – 2026. – № 2. – С. 101–126. – Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2026-2-101-126> (дата обращения: 15.02.2026).

Система СПО переживает настоящий бум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/11572/sergey-kravcov-sistema-spo-perezhivaet-nastoyaschiy-bum/> (дата обращения: 22.05.2026).

References

Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii” i stat'yu 4 Federal'nogo zakona “O nezavisimoj ocenke kvalifikacii”» ot 23.07.2025 N 253-FZ (red. ot 17.11.2025).

Zakon Respubliki Buryatiya «O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya na period do 2035 goda» ot 18.03.2019 № 360-VI (s izmeneniyami ot 14.07.2020, 09.03.2022, 23.12.2024, 05.07.2025) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300201903210015> (data obrashcheniya: 12.02.2026).

Demograficheskij prognoz ot bazy na nachalo 2023 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://03.rosstat.gov.ru/demo> (data obrashcheniya: 16.02.2026).

Demografiya, migratsiya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://egov-buryatia.ru/minec/activities/directions/razvitie-trudovykh-otnosheniy/razvitie-rynka-truda/demografiya-migratsiya/?clear_cache=Y (data obrashcheniya: 19.02.2026).

Demografiya. Rozhdaemost', smertnost' i estestvennyj prirost [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: rosstat.gov.ru/folder/12781 (data obrashcheniya: 09.11.2025).

O chislennosti i sostave rabochej sily v vozraste 15 let i starshe v Respublike Buryatiya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://03.rosstat.gov.ru/resource> (data obrashcheniya: 19.02.2026).

Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Gosudarstvennogo Soveta [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/79143> (data obrashcheniya: 12.02.2026).

Plan strukturnyh izmenenij v rossijskoj ekonomike do 2030 goda (utv. protokolom zasedaniya Pra-vitel'stva RF ot 27.11.2025 № 41) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_strukturnyh_izmeneniy (data obrashcheniya: 17.02.2026).

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2024 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (data obrashcheniya: 18.11.2025).

Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Buryatiya. Yanvar' – noyabr' 2024 g. Kompleksnyj doklad/Buryatstat. – Ulan-Ude, 2025. – 132 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://03.rosstat.gov.ru/storage/document/document_publication_plan/2025-01/13/01-01-01%2011.pdf?ysclid=mpvqtc6bzq626744977 (data obrashcheniya: 17.02.2026).

Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar' – oktyabr' 2025 goda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-10-2025.pdf> (data obrashcheniya: 17.11.2025).

SSSR v cifrah v 1970 godu: kratkij stat. sb. / CSU pri Sovete Ministrov SSSR. – M.: Gosstatizdat, 1971. – 234 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://finlibrary.ru/s/finarchive/media/58732> (data obrashcheniya: 15.12.2025).

Statisticheskij ezhegodnik. 2025 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2025_04.pdf (data obrashcheniya: 16.02.2026).

Summarnyj koefficient rozhdaemosti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SUMMARY%20KOEFFICIENT%20ROZHDAEMOSTI\(3\).pdf](https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SUMMARY%20KOEFFICIENT%20ROZHDAEMOSTI(3).pdf) (data obrashcheniya: 10.11.2025).

Trud i zanyatost' v Rossii. 2023 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (data obrashcheniya: 17.11.2025).

V Moskve obsudili aktual'nye voprosy razvitiya otechestvennogo srednego professional'nogo obrazovaniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://edu.gov.ru/press/11290/v-moskve-obsudili-aktualnye-voprosy-razvitiya-otchestvennogo-srednego-professionalnogo-obrazovaniya/> (data obrashcheniya: 10.04.2026).

VCIOM: pochni kazhdij vtoroj oproshennyj rossiyanin rabotaet ne po svoej special'nosti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/6333815> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

Vypuskniki srednego professional'nogo obrazovaniya na rossijskom rynke truda: dokl. k XXIV Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (g. Moskva, 2023 g.) / K. V. Anisimova, A. A. Vladimirovskaya, F. F. Dudyrev i dr.; nauch. red. S. Yu. Roshchin; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2023. – 148 s. – ISBN 978-5-7598-2787-0 (v obl.). – ISBN 978-5-7598-2856-3 (e-book).

Glava Buryatii rasskazal o hode sozdaniya kurorta «Volshebnyj Bajkal» na zasedanii podkomissii v Pravitel'stve Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://burunen.ru/news/economy/144974-glava-buryatii-rasskazal-o-khode-sozdaniya-kurorta-volshebnyy-bajkal-na-zasedanii-podkomissii-v-prav/> (data obrashcheniya: 04.06.2026).

Minpromtorg ocenil deficit kadrov v promyshlennosti pochni v 2 mln chelovek [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/ekonomika/23768733> (data obrashcheniya: 10.11.2025).

Mintrud nazval samye vostrebovannye professii budushchego [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2025/12/04/mintrud-nazval-samye-vostrebovannye-professii-budushchego.html> (data obrashcheniya: 04.12.2025).

Na Vserossijskom kadrovom forume nazvali klyuchevye trendy i vyzovy rynka truda do 2032 goda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/8169> (data obrashcheniya: 04.12.2025).

Okolo 63 % devyatiklassnikov vybirayut srednee professional'noe obrazovanie [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://ob"yasnyaem.rf/articles/news/sergey-kravtsov-okolo-63-devyatiklassnikov-vybirayut-srednee-professionalnoe-obrazovanie/](https://ob) (data obrashcheniya: 15.12.2025).

Rozhkova K. V. Fenomen «izbytochnogo obrazovaniya» vypusknikov rossijskih vuzov [Elektronnyj resurs] / K. V. Rozhkova, N. K. Emelina, S. Yu. Roshchin, P. V. Travkin // Voprosy ekonomiki. – 2026. – № 2. – S. 101–126. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2026-2-101-126> (data obrashcheniya: 15.02.2026).

Sistema SPO perezhivaet nastoyashchij bum [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://edu.gov.ru/press/11572/sergey-kravcov-sistema-spo-perezhivaet-nastoyaschiy-bum/> (data obrashcheniya: 22.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026;
одобрена после рецензирования: 22.06.2026;
принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 04.06.2026;
approved after reviewing: 22.06.2026;
accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 316.334.2:614.2

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-73-82

М. В. Попова**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖСЕКТОРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Статья посвящена анализу социологических подходов к изучению межсекторного социального партнерства в системе здравоохранения. Актуальность исследования обусловлена усложнением социальных проблем в сфере охраны здоровья и необходимостью координации усилий государства, медицинских организаций, некоммерческого сектора, пациентских сообществ и иных общественных акторов. Показана необходимость рассмотрения межсекторного социального партнерства не только как управленческого механизма, но и как формы взаимодействия социальных институтов, системы распределения функций и ресурсов, сеть устойчивых связей и совокупность повседневных практик участников. Отмечена его значимость в восточных периферийных регионах РФ как практической необходимости из-за особенностей расселения и зависимости пациентов от дополнительных каналов поддержки. Раскрываются аналитические возможности институционального, структурно-функционального, сетевого и деятельностного подходов. Обосновывается возможность их комплексного использования при изучении межсекторного взаимодействия в здравоохранении как многомерного социального процесса. Особое внимание уделяется роли пациента, рассматриваемого не только как получателя медицинской помощи, но и как активного участника взаимодействия с различными структурами поддержки.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнерство, система здравоохранения, социальные институты, пациент, некоммерческие организации, социальные практики, институциональный подход, сетевой подход.

Для цитирования: Попова М. В. Социологические подходы к изучению межсекторного социального партнерства в системе здравоохранения // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 73–82. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-73-82

М. V. Popova**SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY
OF CROSS-SECTOR SOCIAL PARTNERSHIP IN THE HEALTHCARE SYSTEM**

The article examines sociological approaches to the study of cross-sector social partnership in the healthcare system. The relevance of the topic is determined by the growing complexity of health-related social problems and the need to coordinate the efforts of the state, medical organizations, non-profit institutions, patient communities, and other social actors. It is argued that cross-sector social partnership should be analyzed not only as a managerial mechanism but also as a form of interaction between social institutions, a system of distribution of functions and resources, a network of stable ties, and a set of everyday practices. It is significant for the eastern peripheral regions of Russia because of settlement patterns and patients' dependence on additional support channels. The analytical potential of the institutional, structural-functional, network, and action-oriented approaches is considered. The article substantiates that only their combined use makes it possible to study cross-sector interaction in healthcare as a multidimensional social process. Special attention is paid to the role of the patient, who is interpreted not only as a recipient of medical care but also as an active participant in interaction with various support structures.

Keywords: cross-sector social partnership, healthcare system, social institutions, patient, non-profit organizations, social practices, institutional approach, network approach.

Введение

В современных условиях система здравоохранения все в большей степени выступает не только как совокупность медицинских организаций, профессиональных практик и административных меха-

Попова Марина Владимировна – аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-7938-5510. E-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru.

Popova Marina Vladimirovna – PhD Student of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-7938-5510. E-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru.

низмов, но и как пространство взаимодействия различных социальных институтов, организаций и групп. Решение проблем, связанных с охраной здоровья населения, выходит за пределы клинической помощи и требует участия широкого круга акторов, включая органы государственной власти, медицинские организации, страховые структуры, некоммерческие объединения, пациентские сообщества и иные общественные инициативы. В международной повестке эта логика закреплена в межсекторальном подходе к политике здоровья и в концепции *Health in All Policies*, согласно которой последствия решений в разных секторах влияют на здоровье населения и уровень социального неравенства в сфере здоровья [Health in All Policies...].

Актуальность изучения межсекторного социального партнерства в системе здравоохранения определяется тем, что многие проблемы пациента носят комплексный характер и не могут быть решены в рамках деятельности только одного института. Особенно отчетливо это проявляется в случаях хронических заболеваний, длительного лечения, потребности в лекарственном обеспечении, социальной адаптации, психологической поддержке, информировании и защите прав. В подобных условиях результативность помощи зависит не только от качества медицинского вмешательства, но и от степени согласованности действий различных структур, доступности каналов поддержки, понятности маршрутизации и уровня доверия к участникам системы помощи [Intersectoral Governance... 2012: 25]. Международные документы подчеркивают, что здоровье населения определяется факторами, выходящими за рамки собственно медицинского сектора, а потому требует межсекторальных решений [Health in All Policies...].

В отечественной научной литературе проблематика межсекторного социального партнерства достаточно разработана. И. С. Лебедева рассматривает его как социальную систему, раскрывая состав элементов, их взаимосвязь и значение институциональной упорядоченности взаимодействия [2010: 471]. В. Ю. Кулькова анализирует теоретические аспекты межсекторного социального партнерства в современном управлении, уделяя внимание его формам и организационной специфике [2013: 18]. В. Н. Якимец и Л. И. Никовская акцентируют значение межсекторного партнерства для развития общественно-государственного управления [2018: 16]. Кроме того, в российском научном поле представлены работы, посвященные региональным моделям межсекторного партнерства и их становлению в социальной сфере [Межсекторное... 2014: 5].

Вместе с тем межсекторное социальное партнерство в ряде исследований трактуется преимущественно в организационно-управленческом ключе – как технология координации, форма совместного проекта или механизм распределения функций между организациями. Такая перспектива важна, но недостаточна для объяснения его социальной природы. Межсекторное социальное партнерство представляет собой не только способ взаимодействия организаций, но и форму связи между социальными институтами, механизм согласования интересов, систему распределения ресурсов и ответственности, а также совокупность устойчивых и повседневных практик [Кулькова 2013: 19]. Именно поэтому обращение к социологическим подходам позволяет глубже раскрыть как институциональный, так и практический уровни данного явления.

Особую значимость социологический анализ межсекторного социального партнерства приобретает применительно к системе здравоохранения. Именно здесь особенно заметны как возможности межинституциональной координации, так и ее ограничения, связанные с недостаточной согласованностью действий организаций, информационными разрывами, территориальным неравенством, цифровыми барьерами и неравномерной включенностью пациентов в практики поддержки. Более того, здравоохранение – одна из тех сфер, где межсекторное партнерство проявляется на уровне не только документов, программ и управленческих решений, но и повседневного опыта пациента, вынужденного выстраивать собственный маршрут обращения за помощью, искать информацию, обращаться к различным структурам и оценивать их надежность.

Цель статьи заключается в обосновании социологических подходов к изучению межсекторного социального партнерства в системе здравоохранения и в выявлении их аналитического потенциала для исследования взаимодействия социальных институтов, организаций и пациентов в современной социальной сфере.

Региональная специфика Дальневосточного федерального округа (ДФО) в контексте межсекторного партнерства

ДФО является крупнейшим по территории макрорегионом страны и включает субъекты с крайне неравномерной плотностью населения, значительными расстояниями между населенными пунктами, приграничным положением и высокой долей труднодоступных территорий. В этих условиях вопросы доступности медицинской помощи, непрерывности лечения и сопровождения пациента приобретают выраженное пространственное измерение, а качество межинституциональной координации становится одним из ключевых факторов эффективности системы здравоохранения.

Именно поэтому межсекторное социальное партнерство в ДФО следует рассматривать не как абстрактную нормативную модель, а как практическую необходимость, связанную с особенностями расселения, транспортной удаленностью, неравномерностью медицинской инфраструктуры и зависимостью пациентов от дополнительных каналов поддержки. Для восточных регионов России особое значение приобретают взаимодействие медицинских организаций, органов власти, страховых структур, социальных служб, работодателей, волонтерских и пациентских объединений, а также использование мобильных и цифровых форм сопровождения. Тем самым региональный контекст ДФО позволяет рассматривать межсекторное партнерство как социальный механизм преодоления пространственной и институциональной фрагментации системы помощи.

Межсекторное социальное партнерство как объект социологического анализа

Межсекторное социальное партнерство следует рассматривать как особый тип взаимодействия социальных институтов, организаций и групп, объединяющих ресурсы, компетенции и функции для решения общественно значимых задач. В таком понимании оно выступает не просто как управленческая технология или организационная модель, а как элемент социальной структуры и форма социального процесса. С социологической точки зрения его значение заключается в том, что оно позволяет анализировать механизмы согласования интересов, распределения ответственности, координации действий и взаимного признания между акторами, принадлежащими к различным секторам общества [Лебедева 2010: 473].

В отечественной литературе межсекторное социальное партнерство нередко раскрывается через взаимодействие государства, бизнеса и некоммерческого сектора. Однако для социологического анализа важно не ограничиваться только перечислением участников, а рассматривать их взаимодействие как форму воспроизводства социальных отношений между субъектами, занимающими различное положение в социальной структуре. И. С. Лебедева, анализируя межсекторное социальное партнерство как социальную систему, показывает, что оно включает не только состав участников, но и взаимосвязи между ними, их функции и условия устойчивости системы в целом [Там же: 473]. Это показывает в партнерстве не случайное соединение организаций, а относительно оформленную социальную целостность.

Термин «межсекторное» указывает на участие в партнерстве представителей различных общественных секторов. Как правило, речь идет о государственном, коммерческом и некоммерческом секторах. Однако в социальной сфере в число значимых участников также входят местные сообщества, инициативные группы, благотворительные объединения, пациентские сообщества и сами получатели помощи. Тем самым межсекторное партнерство предполагает взаимодействие субъектов, различающихся по институциональному статусу, доступу к ресурсам, целям, способам легитимации и логике действия [Кулькова 2013: 19]. Именно это различие делает партнерство социально значимым объектом анализа: в нем отражаются не только процессы интеграции, но и асимметрии, характерные для социальной структуры общества.

Понятие «социальное партнерство» в данном контексте требует расширительного толкования. В узком смысле оно традиционно связывается с регулированием социально-трудовых отношений, однако в более широком социологическом понимании может рассматриваться как механизм согласования интересов различных социальных сил и институтов при решении общественно значимых задач. Соответственно, межсекторное социальное партнерство выступает как разновидность социального партнерства, ориентированная на координацию усилий субъектов, принадлежащих к разным секторам социальной системы [Кулькова 2013: 19]. Такой подход особенно важен для анализа социальной

сферы, где многие задачи по своей природе носят комплексный характер и требуют объединения усилий нескольких институтов.

Сущность межсекторного социального партнерства состоит в объединении ресурсов, организационных возможностей, компетенций и социальных инициатив различных субъектов ради достижения целей, которые затруднительно реализовать усилиями только одного сектора. В этом смысле партнерство отличается от разовых контактов, эпизодических акций или одностороннего привлечения общественных структур к выполнению административных задач. В. Н. Якимец и Л. И. Никовская подчеркивают, что межсекторное партнерство связано с формированием механизмов и принципов взаимодействия, встроенных в более широкую систему общественно-государственного управления [2018: 18]. Следовательно, речь идет не просто о сотрудничестве, а об устойчивой форме координации, предполагающей распределение ответственности и признание значимости вклада различных участников.

Как объект социологического анализа межсекторное социальное партнерство обладает несколькими принципиально важными характеристиками. Во-первых, оно носит межинституциональный характер, поскольку объединяет участников, принадлежащих к различным секторам социальной системы. Во-вторых, ориентировано на достижение общей социально значимой цели, выходящей за рамки частного интереса каждой отдельной организации. В-третьих, предполагает координацию ресурсов и функций, основанную на взаимодополнении. В-четвертых, партнерство отличается относительной устойчивостью взаимодействия и наличием воспроизводимых практик. В-пятых, важным условием его развития выступает доверие – как между организациями, так и между населением и участниками системы помощи [Там же: 19].

Социологическое значение межсекторного партнерства состоит также в том, что оно раскрывает взаимодействие институтов не как статичную схему, а как процесс, в котором постоянно проявляются различия в статусах, интересах и возможностях влияния. Даже при наличии общей социальной цели участники партнерства не находятся в полностью равном положении. Государственные структуры чаще обладают нормативной властью и контролем над распределением ресурсов; медицинские организации занимают центральное место в оказании помощи; некоммерческие и пациентские объединения могут быть ближе к реальным проблемам целевых групп, но иметь меньший институциональный вес. Поэтому межсекторное партнерство следует понимать не как пространство полного баланса, а как форму координации, в которой различия в позициях участников воспроизводятся и одновременно подлежат согласованию [Там же: 20].

Для социологического анализа особенно важно, что межсекторное социальное партнерство может рассматриваться на нескольких уровнях. На макроуровне оно выступает как механизм взаимодействия социальных институтов и элемент общественного устройства. На мезо- – как форма кооперации организаций, сетей и объединений, включенных в решение конкретных социальных задач. На микро- – как совокупность повседневных практик конкретных участников, включая специалистов, волонтеров, представителей сообществ и самих получателей помощи. Такое многоуровневое понимание позволяет соединить институциональный анализ с исследованием реального опыта взаимодействия в социальной сфере [Лебедева 2010: 476].

Применительно к системе здравоохранения межсекторное социальное партнерство приобретает особую значимость. Международные подходы к политике здоровья подчеркивают, что здоровье определяется не только деятельностью медицинского сектора, но и более широкими социальными условиями жизни, а следовательно, требует координации решений в разных секторах [Health in All Policies...]. Подход *Health in All Policies* исходит из того, что последствия решений, принимаемых вне системы здравоохранения, напрямую влияют на здоровье населения и уровень связанного с ним неравенства [Ibid.]. В этой логике межсекторное партнерство в здравоохранении может быть понято как форма взаимодействия государственных органов, медицинских организаций, страховых структур, некоммерческих, пациентских, благотворительных и иных общественных субъектов, направленная на обеспечение доступности, непрерывности и социальной ориентированности помощи.

Именно в здравоохранении особенно отчетливо проявляется социальная природа межсекторного партнерства. Заболевание, особенно хроническое, затрагивает не только медицинскую, но и социальную, психологическую, правовую, информационную и повседневную стороны жизни человека. Па-

циенту часто требуется не только лечение, но и сопровождение в системе здравоохранения, помощь в навигации по каналам получения поддержки, обучение самоконтролю, защита прав и включение в сообщества взаимопомощи. Это делает здравоохранение одной из наиболее показательных сфер для анализа межсекторного взаимодействия как социального процесса [Intersectoral Governance... 2012: 25].

Институциональный подход

Одним из наиболее продуктивных подходов для анализа межсекторного социального партнерства является институциональный. При нем партнерство рассматривается как форму взаимодействия различных социальных институтов, обладающих собственными нормами, функциями, ресурсами и механизмами легитимации. В такой перспективе здравоохранение выступает не как замкнутая совокупность лечебных учреждений, а как пространство пересечения нескольких институциональных порядков: государственного регулирования, профессиональной медицинской деятельности, страховой защиты, общественной самоорганизации и гражданского участия [Лебедева 2010: 475].

Институциональный подход важен потому, что участники системы разделяются не только по их организационной форме, но и по закрепленным за ними нормативным ожиданиям. Государственные органы в системе здравоохранения ассоциируются с регулятивными и гарантийными функциями, медицинские организации – с предоставлением профессиональной помощи, страховые структуры – с финансированием и защитой прав пациентов, а общественные и пациентские объединения – с представительством интересов, сопровождением и дополнительными каналами поддержки [Якимец, Никовская 2018: 19]. Именно различие институциональных логик делает межсекторное партнерство не просто технической кооперацией, а формой сложного согласования нормативных и организационных порядков.

Существенное значение в рамках институционального анализа имеет категория институционализации. Применительно к межсекторному партнерству она означает переход от случайных и разовых контактов к устойчивым, воспроизводимым практикам взаимодействия, которые становятся ожидаемыми для участников и признаются легитимными. В социальной сфере это может проявляться в наличии партнерских соглашений, механизмах перенаправления получателей помощи, совместных программах сопровождения, системах информирования и регулярных каналах обратной связи [Лебедева 2010: 476]. В системе здравоохранения степень институционализации особенно важна, поскольку определяет, будет ли пациент самостоятельно координировать действия разных организаций или получит поддержку в рамках относительно согласованного маршрута.

Институциональный подход позволяет также различать номинальное и реально действующее партнерство. Наличие формально оформленных каналов сотрудничества само по себе еще не означает, что межсекторное взаимодействие стало устойчивой частью практики. С социологической точки зрения институционализированным можно считать взаимодействие, которое воспроизводится, признается значимым участниками и поддерживается устойчивыми ожиданиями относительно ролей и обязанностей партнеров. Для здравоохранения это означает, что формальные договоренности между медицинскими организациями и НКО, либо между учреждениями и пациентскими объединениями должны подкрепляться реально работающими процедурами сопровождения, информирования и координации помощи [Якимец, Никовская 2018: 21].

Кроме того, с помощью институционального подхода можно выявлять асимметрии между участниками партнерства. Даже при наличии общей социальной цели государственные и медицинские структуры чаще обладают более высоким статусом, доступом к ресурсам и правом принимать решения, тогда как некоммерческие и пациентские организации могут быть ближе к потребностям населения, но институционально зависимы и ограничены в возможностях влияния. Следовательно, межсекторное партнерство должно изучаться не как пространство полного равенства, а как система координации, в которой различия статусов и ресурсов постоянно согласуются и переопределяются [Там же: 22].

Применительно к системе здравоохранения при институциональном подходе обращается внимание на место пациента. В традиционной организационной логике пациент часто оказывается объектом медицинского и управленческого воздействия. Тогда как при данном подходе важным является признание пациента субъектом взаимодействия, обладающим правом на информацию, выбор, уча-

ствие и обратную связь. Поэтому проблематизируется степень открытости системы здравоохранения к включению пациента и общественных структур в процесс организации помощи.

Таким образом, с помощью институционального подхода можно исследовать межсекторное социальное партнерство в системе здравоохранения как форму взаимодействия институтов с различной логикой действия, ресурсами и статусом. С его помощью можно анализировать состав участников, степень институционализации их взаимодействия, характер распределения функций и ответственности, а также границы легитимности различных форм общественного участия в системе помощи.

Для Дальневосточного федерального округа институциональный подход имеет дополнительную эвристическую ценность, поскольку дает возможность анализировать не только состав участников партнерства, но и особенности их территориально распределенного взаимодействия. В условиях когда значительная часть населения проживает вне крупных городских центров, особое значение приобретают механизмы координации между региональными министерствами здравоохранения, муниципальными медицинскими учреждениями, санитарной авиацией, социальными службами, пациентскими и благотворительными организациями. Именно в таком макрорегионе становится особенно заметно, насколько институционально закреплены каналы перенаправления пациента и взаимодействия между различными уровнями системы помощи.

Структурно-функциональный подход

При структурно-функциональном подходе межсекторное социальное партнерство рассматривается через призму функций, которые выполняют различные институты в системе здравоохранения. В этой перспективе здравоохранение выступает как подсистема общества, обеспечивающая поддержание здоровья населения, снижение социальных рисков и воспроизводство социальной устойчивости. Межсекторное партнерство в таком случае рассматривается как механизм перераспределения и взаимодополнения функций, позволяющий системе справляться со сложными и многоуровневыми потребностями населения [Кулькова 2013: 21].

Особенность системы здравоохранения состоит в том, что медицинские организации не могут в полной мере охватить все аспекты проблем пациента. Помимо клинической помощи человеку нередко необходимы правовая защита, социальная и психологическая поддержка, обучение самоконтролю, помощь в навигации по системе, информирование о правах и возможностях получения услуг. Эти функции часто реализуются за пределами собственно медицинского сектора – через НКО, пациентские объединения, благотворительные инициативы и иные общественные структуры. Следовательно, межсекторное партнерство компенсирует функциональную недостаточность отдельных институтов и обеспечивать более целостное решение проблем пациента.

При структурно-функциональном подходе межсекторное партнерство выполняет не только координационную, но и стабилизирующую функцию. Когда пациент сталкивается с разрывом между клинической помощью и дальнейшим сопровождением, между лечением и правовой защитой, между формальным наличием услуги и ее реальной доступностью, это приводит к дополнительным социальным издержкам в системе. Межсекторное взаимодействие в этом случае выступает как механизм компенсации: оно снижает вероятность выпадения пациента из системы помощи, перераспределяет нагрузку между институтами и повышает адаптивность всей системы [Лебедева 2010: 475].

Наряду с явными функциями межсекторное партнерство имеет и латентные эффекты. Оно может способствовать усилению доверия к системе здравоохранения, формированию пациентской субъектности, накоплению социального капитала и развитию гражданского участия в сфере здоровья. Когда пациент не остается один на один с системой, а получает доступ к различным каналам поддержки, меняется не только результат конкретной помощи, но и само восприятие системы как более открытой и ориентированной на человека [Intersectoral... 2012: 25].

Структурно-функциональный подход важен не только для анализа позитивных эффектов, но и для выявления дисфункций. К ним можно отнести дублирование функций, неясность распределения ответственности, информационные разрывы, слабую согласованность маршрутизации и недостаток обратной связи между участниками взаимодействия. В этих случаях пациент вынужден самостоятельно выполнять координационные функции, искать информацию и выстраивать маршрут помощи, что свидетельствует о функциональной недостаточности самой системы [Кулькова 2013: 24].

Таким образом, при структурно-функциональном подходе межсекторное социальное партнерство рассматривается как механизм системной интеграции и компенсации. Он показывает, что межсекторное взаимодействие в здравоохранении необходимо не только как организационная инновация, но и как средство восполнения структурных дефицитов системы помощи.

В применении к ДФО структурно-функциональный подход показывает, что межсекторное партнерство компенсирует не только дефицит отдельных услуг, но и пространственные ограничения самой системы. Там, где постоянное присутствие узких специалистов затруднено, возрастает функциональная роль мобильных форм помощи, телемедицинских консультаций, социальных служб сопровождения, а также общественных структур, обеспечивающих информирование и связь пациента с системой здравоохранения. Следовательно, для восточных регионов России межсекторное взаимодействие выполняет функцию поддержания территориальной связности системы помощи.

Сетевой подход

Сетевой подход – один из наиболее продуктивных для изучения межсекторного взаимодействия в социальной сфере. В отличие от иерархического понимания управления при данном подходе общественно значимые задачи решаются не только через вертикальные структуры, но и через совокупность устойчивых горизонтальных и вертикальных связей между различными организациями, профессиональными группами, сообществами и индивидами. В таком ракурсе межсекторное социальное партнерство предстает как сеть формальных и неформальных коммуникаций, через которые осуществляется координация действий и обмен ресурсами.

Применительно к системе здравоохранения сетевой подход особенно важен, поскольку реальный маршрут пациента редко ограничивается обращением только в одну организацию. В зависимости от ситуации он может включать поликлинику, стационар, страховую компанию, аптечную сеть, социальные службы, пациентскую организацию, цифровые сервисы и неформальные каналы поддержки. Следовательно, эффективность помощи определяется не только качеством работы каждого отдельного звена, но и степенью их связности. Чем выше уровень сетевой интеграции, тем более непрерывным и понятным становится маршрут пациента.

Сетевой анализ позволяет выделять узловых акторов и посредников, соединяющих разные сегменты системы. В здравоохранении такими посредниками могут быть лечащий врач, координатор маршрута, пациентская организация, цифровая платформа, сообщество взаимопомощи или страховой представитель. Их роль состоит в том, чтобы переводить пациента из одного сегмента сети в другой, обеспечивать информационный переход и снижать транзакционные издержки взаимодействия. Если такие посредники отсутствуют или работают неэффективно, система становится фрагментарной, а пациент оказывается перед необходимостью самостоятельно выстраивать и поддерживать связи между ее элементами.

Сетевой подход делает видимыми и разрывы межсекторной координации. Формально участники системы могут сосуществовать в одном институциональном пространстве, но при слабых коммуникациях между ними помощь остается несвязанной. Для пациента это проявляется в виде отсутствия понятных маршрутов, неоднократного повторения одной и той же информации, невозможности быстро перейти к другому виду поддержки, а также чувства изолированности внутри системы. Именно поэтому сетевой анализ особенно важен для оценки реальной, а не только нормативно заявленной эффективности межсекторного взаимодействия.

Концепция *Health in All Policies* усиливает сетевую перспективу, поскольку исходит из необходимости координации решений разных секторов ради улучшения здоровья населения и снижения неравенства. В этом подходе здоровье рассматривается как результат межсекторальных процессов, а политика в области здоровья – как пространство, в котором должны взаимодействовать разнообразные институциональные и общественные участники [Health in All Policies...]. В таком понимании межсекторное партнерство становится не факультативным дополнением к медицинской системе, а необходимым условием ее социальной эффективности.

Таким образом, с помощью сетевого подхода появляется возможность интерпретировать межсекторное социальное партнерство в здравоохранении как систему устойчивых связей, посредничества и

обмена ресурсами, от конфигурации которых зависит доступность и непрерывность помощи для пациента.

В региональной перспективе ДФО он особенно важен для анализа того, как пациент преодолевает пространственно рассредоточенную систему помощи. Для удаленных и северных территорий критическое значение имеют устойчивые коммуникации между первичным звеном, межрайонными центрами, службами экстренной эвакуации, цифровыми сервисами и общественными посредниками. Чем слабее эти связи, тем выше социальные издержки пациента; чем они устойчивее, тем более реальной становится непрерывность помощи в условиях большой территории и низкой плотности расселения.

Деятельностный подход и роль пациента

Деятельностный подход смещает исследовательское внимание с формальных структур на реальные действия участников, их стратегии, мотивации и повседневные практики. В контексте межсекторного социального партнерства это означает, что взаимодействие между секторами должно анализироваться не только через документы, организационные схемы и распределение функций, но и через конкретные действия врачей, администраторов, представителей НКО, страховых специалистов, волонтеров и самих пациентов [Межсекторное... 2014: 18].

Для системы здравоохранения он особенно значим, поскольку даже при наличии формально выстроенных каналов партнерства итоговый результат во многом определяется повседневными практиками. Одни и те же институциональные условия могут приводить к разным последствиям в зависимости от того, насколько участники готовы к кооперации, умеют пользоваться доступными ресурсами, считают взаимодействие значимым и доверяют друг другу. Следовательно, межсекторное партнерство существует не только на уровне структуры, но и на уровне действия [Там же: 18].

Особое значение этот подход имеет для осмысления места пациента. В административной логике пациент часто предстает как объект помощи, адресат услуги или получатель решения, принятого другими. В социологической перспективе пациент предстает как субъект социального действия, который ищет информацию, выбирает каналы обращения, сравнивает различные формы поддержки, оценивает надежность институтов, вступает в контакт с организациями и сообществами, использует цифровые сервисы и выстраивает собственную траекторию движения по системе помощи.

В совокупности это позволяет выявить разнообразие стратегий пациентского поведения. Одни пациенты занимают относительно пассивную позицию и ориентируются исключительно на решения медицинских организаций. Другие, напротив, активно расширяют круг взаимодействия, обращаются в общественные структуры, участвуют в школах пациента, пользуются чатами взаимопомощи, ищут дополнительные ресурсы и тем самым становятся участниками межсекторного взаимодействия в более широком смысле. Различия в этих стратегиях могут быть связаны с возрастом, образованием, типом заболевания, территориальными условиями, уровнем цифровой грамотности и предшествующим опытом взаимодействия с системой здравоохранения.

Именно через повседневный опыт пациента можно увидеть сильные и слабые стороны межсекторного партнерства: доступность поддержки, понятность маршрутизации, уровень доверия, наличие посредников, информационные барьеры и трудности координации. В этом смысле пациентский опыт выполняет не только эмпирическую, но и теоретическую функцию, поскольку соединяет анализ социальных институтов с анализом реальных механизмов их действия. Деятельностный подход тем самым делает исследование межсекторного партнерства в здравоохранении более чувствительным к тому, как институциональные решения воплощаются в повседневной практике.

Для Дальнего Востока деятельностный подход дает возможность дополнительно учитывать влияние расстояния, транспортной доступности, цифровой грамотности и локальных социальных связей на стратегии пациента. В условиях удаленности населенных пунктов пациент чаще вынужден комбинировать формальные и неформальные каналы помощи, обращаться к родственникам, местным сообществам, волонтерам или пациентским группам, использовать дистанционные консультации и самостоятельно поддерживать маршрут взаимодействия с системой. Следовательно, в восточных регионах России субъектность пациента проявляется особенно отчетливо именно как способность ориентироваться в сложной и пространственно рассредоточенной сети помощи.

Аналитический потенциал социологических подходов

Рассмотренные подходы не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Институциональный подход раскрывает структуру участников, их роли, статус и степень институционализации взаимодействия. Структурно-функциональный показывает, каким образом распределяются и взаимодополняются функции в системе помощи и где возникают дисфункции. Сетевой подход делает видимыми каналы связи, посредничества и маршрутизации, а деятельностный – анализирует реальные практики и стратегии участников, прежде всего пациентов.

Каждый из указанных подходов по отдельности объясняет только часть исследуемой реальности. Институциональный анализ важен для понимания правил и ролей, но менее чувствителен к повседневным практикам. Применение структурно-функционального подхода выявляет системное значение партнерства, но не всегда фиксирует реальные конфликты и разрывы. Сетевой хорошо описывает конфигурацию связей, однако нуждается в дополнении анализом статусов и норм. Деятельностный позволяет понять логику поведения участников, но требует более широкого институционального контекста. Поэтому наиболее продуктивной является их комбинация.

Для эмпирического исследования межсекторного социального партнерства в здравоохранении это означает необходимость анализа одновременно институциональной среды, распределения функций, характера коммуникационных связей и повседневного опыта пациентов. Только такое соединение уровней анализа дает возможность объяснить, почему формально существующие механизмы взаимодействия могут быть недостаточно эффективными в реальной практике и почему степень социальной ориентированности системы зависит не только от нормативного дизайна, но и от фактической включенности пациента в сеть поддержки.

Для исследований, ориентированных на ДФО и в более широком смысле на Азиатскую Россию, такая комплексная рамка особенно продуктивна. Она учитывает одновременно пространственную неоднородность макрорегиона, институциональные различия субъектов, функциональные дефициты инфраструктуры, особенности сетевого взаимодействия и повседневные стратегии пациентов в условиях удаленности и неравномерной доступности помощи. Тем самым региональный материал не просто иллюстрирует общую теорию, а усиливает ее объяснительный потенциал.

Заключение

Таким образом, межсекторное социальное партнерство в системе здравоохранения представляет собой сложное социальное явление, которое не может быть адекватно понято исключительно в организационно-управленческой логике. Его исследование требует обращения к социологическим подходам, позволяющим рассматривать партнерство как форму взаимодействия социальных институтов, как механизм координации функций и ресурсов, как сеть устойчивых связей и как совокупность повседневных практик участников.

Институциональный подход дает возможность выявить состав участников межсекторного взаимодействия и степень институционализации партнерских практик. Структурно-функциональный раскрывает, каким образом взаимодействие различных секторов компенсирует функциональные ограничения отдельных институтов. Сетевой делает видимыми каналы коммуникации, посредничества и маршрутизации, а деятельностный подчеркивает значение реальных практик и повседневного опыта участников, прежде всего пациентов. Их комплексное использование формирует целостную аналитическую рамку для исследования межсекторного взаимодействия в здравоохранении.

Социологический анализ межсекторного социального партнерства рассматривает систему здравоохранения как пространство межинституциональной координации, в котором результативность помощи определяется не только качеством медицинских услуг, но и степенью согласованности действий различных акторов, доступностью каналов поддержки и включенностью пациента в систему социальных связей. Это создает теоретическую основу для последующих эмпирических исследований, в т. ч. региональных, ориентированных на выявление барьеров, ресурсов и моделей развития межсекторного взаимодействия в здравоохранении.

В контексте Дальневосточного федерального округа данная теоретическая рамка приобретает дополнительную значимость, поскольку учитывает сочетание пространственной протяженности, дисперсного расселения, приграничности, труднодоступности ряда территорий и неравномерности

распределения медицинской инфраструктуры. Именно для такого макрорегиона межсекторное социальное партнерство выступает не только управленческой или организационной моделью, но и условием обеспечения социальной связности системы здравоохранения. Поэтому включение дальневосточного материала делает предложенный анализ более соответствующим региональному профилю журнала и открывает возможности для дальнейших эмпирических исследований восточных регионов России.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Литература

Иванов С. А. Социальное партнерство как феномен цивилизации / С. А. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – № 3. – С. 83–98.

Кулькова В. Ю. Теоретические аспекты межсекторного социального партнерства в современном управлении / В. Ю. Кулькова // Вестник университета. – 2013. – № 15. – С. 17–24.

Лебедева И. С. Межсекторное социальное партнерство как социальная система / И. С. Лебедев // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 4(04). – С. 471–477.

Межсекторное социальное партнерство: развитие региональных моделей: кол. моногр. / Л. А. Осьмук, И. С. Лебедева, Л. В. Прохорова, И. А. Скалабан. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – 168 с.

Якимец В. Н. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления / В. Н. Якимец, Л. И. Никовская // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 4. – С. 15–25.

Intersectoral Action / Health in All Policies // Pan American Health Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.paho.org/en/topics/intersectoral-action-health-all-policies> (дата обращения: 28.04.2026).

Intersectoral Governance for Health in All Policies: Structures, Actions and Experiences / D. V. McQueen, M. Wismar, V. Lin, C. M. Jones, M. Davies. – Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2012. – 206 p.

References

Ivanov S. A. Social'noe partnerstvo kak fenomen civilizacii / S. A. Ivanov // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2005. – T. 8. – № 3. – S. 83–98.

Kul'kova V. Yu. Teoreticheskie aspekty mezhsektornogo social'nogo partnerstva v sovremennom upravlenii / V. Yu. Kul'kova // Vestnik universiteta. – 2013. – № 15. – S. 17–24.

Lebedeva I. S. Mezhsektornoe social'noe partnerstvo kak social'naya sistema / I. S. Lebedev // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. – 2010. – № 4(04). – S. 471–477.

Mezhsektornoe social'noe partnerstvo: razvitie regional'nyh modelej: kol. monogr. / L. A. Os'muk, I. S. Lebedeva, L. V. Prohorova, I. A. Skalaban. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2014. – 168 s.

Yakimec V. N. Mekhanizmy i principy mezhsektornogo social'nogo partnerstva kak osnova razvitiya obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniya / V. N. Yakimec, L. I. Nikovskaya // Vlast'. – 2018. – T. 26. – № 4. – S. 15–25.

Intersectoral Action / Health in All Policies // Pan American Health Organization [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.paho.org/en/topics/intersectoral-action-health-all-policies> (data obrashcheniya: 28.04.2026).

Intersectoral Governance for Health in All Policies: Structures, Actions and Experiences / D. V. McQueen, M. Wismar, V. Lin, C. M. Jones, M. Davies. – Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2012. – 206 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2026;

одобрена после рецензирования: 15.05.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 29.04.2026;

approved after reviewing: 15.05.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Научная статья

УДК 322.2

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-83-89

М. С. Михалев

САКРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: БУРЯТСКИЙ ОПЫТ

Государство и церковь всегда были тесно связаны узами взаимной легитимации. Религиозные институты сакрализовывали светскую власть через интерпретацию божественной воли, на интерпретацию которой у них существует естественная монополия. В ответ государство гарантировало церкви политические и экономические преференции, предоставляя свой аппарат в ее частичное распоряжение. История буддизма в Бурятии прекрасно иллюстрирует вышеуказанные отношения взаимной зависимости, проявляющиеся в т. ч. и в практике сакрализацию государственных деятелей и связанных с ними предметов. В статье показывается, что в зависимости от того, чей авторитет в обществе оказывается сильнее в тот или иной исторический период, бенефициарами такой сакрализации могут в равной степени выступать как представители светской власти, так и представители церкви.

Ключевые слова: буддизм, государство и церковь, Бурятия, сакрализация, легитимность.

Для цитирования: Михалев М. С. Сакрализация государственной власти: бурятский опыт // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 83–89. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-83-89

M. S. Mikhalev

SACRALIZATION OF STATE POWER: BURYATIA CASE

Throughout the history, state and religion were interdependent as they legitimized each other. Religious institutions sacralized secular powers through interpretation of divine will on which they were granted monopoly. In return, state guaranteed their political and economic preferences, providing them with the assistance of its apparatus. The history of Buddhism in Buryatia illustrates aforementioned interdependence of state and religion through the practice of sacralization of state leaders and artifacts directly linked to them. This paper shows how either state or religious leaders can benefit from this process of sacralization depending on which authority is higher in the society during certain period of history.

Keywords: Buddhism, state and religion, Buryatia, sacralization, legitimacy.

Сакрализация как двусторонний процесс

Институт государства, которое берет на себя в числе прочих и функцию регулирования взаимоотношений между людьми и использует для реализации этой функции монополию на насилие, всегда требовал легитимации. Для того чтобы смириться с подчинением в рамках искусственно созданной иерархии, людям требовалось серьезное обоснование необходимости и целесообразности такого шага. Одним из самых первых и эффективных обоснований приоритета государственных интересов над частными стала теологическая теория происхождения государства. В различных исторических и культурных условиях она приобретала разные, иногда довольно экзотические формы, но суть ее всегда сводилась к тому, что источник власти лежит за пределами мира людей и трансцендентен по своему характеру. Иными словами, существует некая сверхъестественная сила, которая наделяет и сам институт государства, и отдельных его представителей, в основном его лидеров, правом вершить судьбы всех остальных членов общества. Как правило, для их же блага, но при этом без их прямого

Михалев Максим Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра «Государство и религия в Азии» Федерального государственного автономного учреждения науки Институт Китая и современной Азии РАН (г. Москва, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>. E-mail: m.mikhalev@iccaras.ru.

Mikhalev Maxim Sergeevich – Doctor of History, Leading Researcher of the “State and Religion in Asia” Research Center, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>. E-mail: m.mikhalev@iccaras.ru.

или косвенного одобрения. Использование данной теории позволяло избежать излишней подотчетности и упрощало процесс управления, позволяя придать любым действиям правителя ореол безгрешности. Несмотря на определенные издержки, связанные с большей вероятностью появления некомпетентных лидеров и невозможностью их легальной смены, такие государства в целом оказывались эффективными, и многие ныне существующие режимы все еще используют произвольно трактуемую божественную волю как инструмент собственной легитимации.

В свою очередь, необходимость подкреплять свои претензии на власть знанием воли высших сил предполагало наличие компетентного аппарата священнослужителей, которые брали на себя интерпретацию такой воли, что ставило их самих в привилегированное положение. От их одобрения тех или иных действий государственной власти зависело ее принятие со стороны подданных, без чего не один, даже самый эффективный или репрессивный режим не может функционировать достаточно долго и эффективно. Власть, таким образом, нуждалась в религии, которая обосновывала ее наличие через сакрализацию и самого института государства, и отдельных его представителей. Примеров этого в человеческой истории столь много, что здесь нет необходимости их перечислять.

Важнее отметить, что во взаимодействии двух упомянутых общественных институтов – церкви и государства – существовала и до сих пор существует и прямо противоположная тенденция, на которую, однако, обращают внимание гораздо реже. В том случае если государство достаточно сильно и при этом пользуется доверием населения без необходимости апелляции к сверхъестественным силам и не чувствует необходимости в легитимации своего положения силами церкви, процесс сакрализации его представителей укрепляет уже авторитет последней. Интересно, что делают они это по собственной инициативе или даже вопреки желанию сакрализуемых. Светские лидеры, и без одобрения церкви обладающие достаточным авторитетом, в результате как бы делятся им со священнослужителями, приобретающими благодаря акцентируемой ими самой близости к власти дополнительный вес, причем не только политический, административный или экономический, но и даже духовный. Государство в этом случае легитимирует власть духовных лиц над своей паствой, априори выступающих в качестве сакральных фигур. Примеры такой перевернутой сакрализации можно отыскать и в современной Бурятии, при этом для их объяснения необходим краткий очерк истории взаимоотношений буддистской церкви, этого уникального, фронтирного региона Внутренней Азии, с Российским государством, которая к настоящему времени насчитывает несколько столетий.

Бурятский буддизм и Российское государство

Несмотря на попытки доказать, что буддизм был знаком предкам современных бурят со времен державы Хунну [Буряты 2004: 410], этого нельзя утверждать наверняка. Популярное мнение о том, что тюрко- и монголоязычные народы Внутренней Азии издревле практиковали монотеистическую религию, основанную на поклонении верховному божеству Тенгри [Тендрякова 2008], также не выдерживает серьезной научной критики. Современные адепты тенгрианства, или тенгризма, искусственно удлинняют историю религии в регионе, одновременно с этим отказывая в таком же статусе шаманизму. В действительности именно он и должен считаться предшественником буддизма в качестве проработанной системы верований, имманентной мировоззрению народов, проживавших в районе оз. Байкал, и при этом тесно вплетенной в систему их общественных отношений [Михайлов 1987; Галданова 1987].

Проблема заключалась в его подчеркнуто родоплеменном характере, который плохо сочетался с потребностями государственного строительства. Там, где имеет место непосредственный контакт и преданное служение сонму соперничающих духов, сложно отыскать опору для сильной центральной власти, ведь шаманизм всегда оказывается слишком раздробленным для того, чтобы стать основой для объединения общества на основе веры. Именно поэтому одновременно с началом процессов консолидации бурятского этноса кровно заинтересованное в успешности данного процесса Российское государство обратило внимание на буддизм. Несмотря на то что первые документальные свидетельства о его распространении на территории Забайкалья зафиксированы уже в середине XVII в. [Абаева 2008: 43], сфера его применения до контактов бурят с русскими ограничивалась исключительно их родоплеменной верхушкой [Буддизм в истории... 2014: 6]. После же вхождения в состав Российского государства и при этом именно благодаря его поддержке буддизм получил в Забайкалье по настоящему мощный стимул к развитию.

Российские власти сразу же признали государственный потенциал этой древней восточной религии, базовые постулаты которой хорошо сочетаются с потребностями государственного управления. История сотрудничества буддистов и светских лидеров вообще знает немало примеров того, как совместными усилиями им удавалось обуздывать даже самые строптивые народы, направляя их энергию в созидательное с точки зрения государства русло. Его представители использовали духовенство для обеспечения лояльности и покорности подданных, а также преодоления родоплеменной раздробленности. Успеху же такого сотрудничества способствовало то, что буддистские проповедники не гнушались тесного взаимодействия со светскими властями, рассматривая их в качестве инструмента для достижения максимально широкого распространения своего учения. Так происходило и в Китае, и в Тибете, и в Монголии – так, в конце концов, произошло и в Бурятии.

Часто говорится о том, что политическая прозорливость помогла Российскому государству поставить буддизм себе на службу. Однако этот процесс имел и обратную сторону. Как отмечалось, взаимовыгодные контакты Российского государства с местными ламами начали завязываться уже вскоре после вхождения Бурятии в состав России, при этом характерно, что инициаторами этих контактов выступали по большей части буряты. Оказавшись включенными в состав православного государства, для сохранения идентичности они нуждались в собственной религии с глубокой доктринальной проработанностью, наличием продолжительной традиции и развитой культовой практикой. Такая религия должна была вернуть им ощущение принадлежности к монгольскому миру. Буддизм в этой ситуации выглядел единственно возможным вариантом, ибо позволял защитить свою инаковость в иноэтничном окружении и при этом сохранить связь с обширным культурным ареалом кочевников Внутренней Азии. «Находясь в составе империи, в которой царило абсолютное господство православного христианства, буряты видели в буддизме самый мощный стержень, вокруг которого они могли мобилизовывать свою этническую идентичность» [Буддизм в истории... 2014: 62]. Однако для того чтобы это действительно произошло, буддизм должен был быть признан Российским государством.

Существует распространенное мнение, что это событие произошло в 1741 г. и было оформлено специальным указом императрицы Елизаветы Петровны. Некоторые современные исследователи, впрочем, ставят под сомнение и саму эту дату, и вовлеченность в проблемы инородческого духовенства далекой окраины действующего на тот момент главы государства, и даже само наличие такого официального документа [Цыремпилов 2014]. Подчеркивается, что история с так называемым признанием буддизма официальной религией максимально полно отражена лишь в бурятских хрониках, в то время как российские источники того времени серьезного внимания на этот факт не обратили. По-видимому, это связано с тем, что инициаторами данного факта, его вольными интерпретаторами и популяризаторами являлись исключительно представители буддистского духовенства, стремившиеся таким образом добиться легитимации своего статуса представителей всего бурятского народа и видевшие в светской, российской власти источник своего эксклюзивного положения в Забайкалье. «Задача буддийских элит заключалась в том, чтобы сделать царя и его министров союзниками», подчеркивает в этой связи тот же Цыремпилов [2013: 205]. Интересно, что документ, который, как утверждается, легитимировал буддизм в России, носил в целом запретительный характер. В нем, в частности, устанавливался лимит на число практикующих лам, подчеркивалась необходимость постановки учета и контроля над их деятельностью, а также провозглашался запрет на сношения с представителями других государств. В этой озабоченности видно желание российских властей использовать потенциал буддийской веры в интересах государственного строительства, одновременно с этим обеспечивая жесткий заслон на пути иностранного влияния.

Особое место в истории взаимоотношений Российского государства и буддийского духовенства Бурятии занимает фигура первого Пандито Хамбо-ламы Дамба-Доржо Заяева. Уроженец Забайкалья, он отправился на учебу в Тибет, где с успехом прошел полный курс обучения в дацане Гоманг монастыря Дрепунг, после чего вернулся в родные края «не только облеченным высокой ученой степенью (самой высокой на тот момент), но и официально уполномоченным высшими буддийскими иерархами проповедником» [Буддизм в истории... 2014: 16]. Спустя несколько лет после своего возвращения из Тибета Заяев, в числе прочих делегатов, был приглашен Екатериной II в Москву для выработки нового свода законов [Жуковская 2001]. Талантливый и дальновидный политик, в ходе аудиенции с

императрицей он, однако, смог убедить ее в том, что буддизм может стать эффективным проводником интересов государства в Забайкалье лишь в том случае, если будет внутренне сплочен (под его началом) и при этом пользоваться поддержкой верховной власти. Екатерина II, в свою очередь, оказалась достаточно прозорливой для того, чтобы разглядеть в буддизме в целом и в Д.-Д. Заяеве в частности силу, на которую центральная власть действительно может опереться в отдаленном регионе страны.

В результате этой исторической встречи, продемонстрировавшей наличие взаимного интереса у представителей российской власти и у бурятского духовенства, в том же 1764 г. была учреждена должность Пандито Хамбо-ламы как главы всех буддистов Бурятии. Он, и это очень важно, получал свой пост, а стало быть, и легитимацию своей духовной власти, из рук государства, которое подобным образом гарантировало его исключительную компетенцию и в вопросах веры. С одной стороны, российская власть обеспечивала себе в глазах подданных, исповедующих буддизм, сакральный статус и одновременно, провозглашая фактическую автокефалию Забайкалья, устраняла предпосылки для оказания влияния на своих подданных из-за рубежа. С другой же – местные представители школы гелуг гарантировали себе поддержку всего административного аппарата империи. С теми возможностями, что предоставляло в их распоряжение светское государство, они могли бороться за сердца верующих и с сохранявшими влияние шаманами [Михайлов 1987: 180–181], и с представителями конкурирующего, заезжего духовенства. «Бурятам-простолюдинам оставалось только повиноваться поставленным над ними властям, ибо в противном случае им предстояла опасность попасть под кару новосоставленного закона. Став под защиту русского закона, буддизм естественно начал расти с удвоенной силой» [Позднеев 1887: 169–170].

Буддизм и государство как две мощные силы, одинаково заинтересованные в консолидации бурятского населения и формировании на его основе надежного буфера на восточных рубежах страны, быстро нашли общий язык. Можно сказать, что вплоть до конца 1920-х гг. они продолжали работать в тесной связке, при этом временами их сотрудничество принимало крайне специфические формы, в т. ч. и в вопросах сакрализации государства и его символов. Так, существует легенда, что в знак признания за столь высокое доверие и сама Екатерина II, и упоминавшаяся ранее Елизавета Петровна стали считаться воплощениями Белой Тары – важнейшей фигуры буддийского пантеона. Безотносительно того, является ли это историческим фактом или более поздней легендой [Цыремпилов 2023], не вызывает сомнения, что историческая сделка между государством и буддийской церковью действительно состоялась и была взаимовыгодной. Сомнительно, чтобы сами монаршие особы были заинтересованы в том, чтобы их образ ассоциировался с божеством по большей части незнакомой и чуждой им религии, к которой к тому же довольно враждебно относилась православная церковь. Их осведомленность о буддизме была крайне низка, а для их подданных в других регионах обширной страны такая ассоциация была бы скорее негативной. Можно говорить лишь о том, что их образы использовались буддийской верхушкой Бурятии для укрепления собственного авторитета. Иными словами, сакрализация государственной власти служила в этом случае не интересам ее самой, как это можно было бы предположить, а интересам буддийской церкви. Подобным образом она обосновывала свои претензии на духовную, а вместе с ней и политическую власть в регионе, что гарантировало соблюдение и ее экономических интересов.

В этой же связи можно вспомнить и об интересном обычае отправки живописного портрета царствующей особы в Анинский дацан Бурятии [Анинский дацан... 2020: 70]. Начало этой традиции, согласно другой популярной легенде, бытовавшей в Бурятии, было положено той же Екатериной II, которая передала в дар бурятской делегации собственный бюст, который затем был доставлен в дацан, расположенный на старом Читинском тракте, и стал почитаться здесь в качестве реликвии. Последующие российские императоры ограничивались тем, что высылали в Забайкалье лишь свои портреты, однако постепенно формировавшаяся в забайкальских степях коллекция живописи все равно стала основой для возникновения своеобразного культа православных российских государей, центр которого размещался в буддийском храме. Утверждается, что подобным образом те не только оказывались помазанниками божьими в православной традиции, но и приобретали сакральный статус в глазах иноверческого населения сибирских окраин [Там же: 70]. Однако, принимая во внимание отдаленность Анинского дацана и его в целом незначительное влияние, можно говорить о том, что

благодаря наличию портретов монарших особ рос авторитет самого дацана, для которого это служило дополнительным аргументом в обосновании собственной исключительности, хотя бы и на локальном уровне.

Взаимовыгодное сотрудничество государства и церкви в Бурятии дало трещину лишь в начале прошлого века, когда само существование последней было поставлено под вопрос антирелигиозной политикой Советского государства. Гонения на религию в 1930-е гг. в Бурятии оказались даже более сильными, чем в других частях страны, и к началу 1940-х гг. на территории республики не осталось ни одного действующего дацана. Храмы были разрушены, предметы культа уничтожены или реквизированы, ламы репрессированы либо прекратили свою религиозную деятельность, проведение обрядов каралось законом. Лишь ближе к окончанию Великой Отечественной войны ситуация начала постепенно меняться. В 1946 г. в СССР было создано Центральное духовное управление буддистов, а также открылись для посещений верующих первые два дацана – Агинский и Иволгинский. Постепенно началась восстанавливаться буддийская традиция, и стало возможным говорить о том, что в диалоге церкви и государства снова присутствуют два участника, хотя их разговор и не шел на равных. Государству в то время совсем не требовалась сакрализация власти, и оно не считало церковь важным союзником в том, что касалось обеспечения лояльности населения. В этом вопросе оно полагалось исключительно на себя.

Ситуация изменилась в самом конце XX столетия, когда государство оказалось в состоянии распада, параллельно чему шли процессы религиозного возрождения, благодаря которым буддизм смог во многом вернуть утраченные полвека назад позиции. Особенно заметной новая динамика стал после избрания Д. Аюшеева главой Буддийкой традиционной сангхи России. Новый Хамбо-лама смог не просто консолидировать власть внутри самой сангхи, но и превратил ее в важную политическую силу, с которой были вынуждены считаться не только республиканские, но и федеральные власти. Лишь к середине 2000-х гг. ситуация вернулась в привычное русло, и глава БТСР не мог этого не почувствовать. Именно в тот момент ожило и заиграло новыми красками представление о том, что глава Российского государства является земным воплощением Белой Тары. Еще до визита в Бурятию тогдашнего главы государства Д. А. Медведева было заявлено, что монахи Иволгинского монастыря проведут обряд простирая в знак признания этого факта. Несмотря на то что президенту страны хватило государственной мудрости отказаться от участия в обряде, новость была широко растиражирована. После этого легенда о божественной природе современной светской власти в России зажила собственной жизнью, и все попытки ученых [Цыремпилов 2023] доказать несостоятельность утверждения, что она имеет давнюю традицию, были обречены на провал. Современные буддисты Бурятии, как и их коллеги в далеком прошлом, умело конвертировали созданный ими же самими «инфоповод» в свою пользу.

Вслед за этим новый импульс развития получили и другие легенды, в т. ч. и вышеупомянутая история, связанная с коллекцией портретов российских императоров, якобы хранившейся в Анинском дацане. Возродил ее Легцок Дарижапов, его нынешний настоятель, человек твердых патриотических убеждений. По его инициативе с берегов Невы в дацан был доставлен бронзовый бюст Екатерины II, выполненный мастерами северной столицы по заказу настоятеля [Буддийская община... 2019]. Здесь же, в алтарной части центрального дугана, установили штандарт Российской империи, что было призвано символизировать нерушимую связь государства и религии. По соседству со штандартом можно увидеть также гербы Российской Федерации и Республики Бурятия. Рядом же с портретом Далай-ламы XIV можно найти и фотографический портрет действующего Президента России В. В. Путина, аккуратно прикрытый белым хадаком от посторонних глаз, которому посетители храма и местные ламы даже оставляют подношения. Для настоятеля Анинского дацана в близком соседстве двух его великих современников нет никакого противоречия, ведь именно в этом своем единстве они одновременно символизируют и сильную государственную власть, и глобальное влияние школы гелуг, и способность бурятского буддизма совместить в себе и то и другое.

Было бы, наверное, наивным полагать, что в Москве придают принципиальное значение факту сакрализации символов государственной власти РФ в Анинском дацане или что светские лидеры страны всерьез считают себя эманацией буддийского божества. Скорее, наоборот, присутствие бюста российской императрицы и фотопортрета действующего главы государства придает религиозному

заведению, где они установлены, особую атмосферу, которая способна влиять на чувства прихожан, а несостоявшееся обожествление президента России укрепляет авторитет того, кто предпринял попытку его обожествить. Как говорил К. Гирц о религии, она есть «система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными» [2004: 108]. И в этом смысле те настроения и мотивации, которые создают у верующих в Бурятии образы лидеров Российского государства, позволяют нам утверждать, что в данном конкретном случае не церковь легитимирует светскую власть, а, наоборот, ее собственные образы выступают как часть религиозной системы. А стало быть, уместно говорить и о том, что не только религия может сакрализовывать государство, но и государство способно сакрализовать религиозные институты. Вопрос лишь в степени доверия к каждому из институтов со стороны общества.

Литература

Абаева Л. Л. История формирования этноконфессиональной ситуации в Бурятии / Л. Л. Абаева // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / ред. Н. Л. Жуковская. М.: Вост. лит-ра, 2008. – С. 37–57.

Анинский дацан: прошлое, настоящее, будущее / Правительство Республики Бурятия [авт.-сост.: Л. С. Бурунова и др.]. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2020. – 287 с.

Буддизм в истории и культуре бурят / ред. И. Р. Гарри. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2014. – 417 с.

Буддийская община Петербурга передала Анинскому дацану в Бурятии копию бюста Екатерины II [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 23.09.2019. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6792771> (дата обращения: 16.02.2026).

Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сиб. отд-ния. – М.: Наука, 2004. – 633 с. – (Народы и культуры).

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.

Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц; пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

Жуковская Н. Л. К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II / Н. Л. Жуковская // Мир буддийской культуры: мат-лы междунар. симп. (10–14 сентября 2001 г.). – Улан-Удэ; Агинское; Чита, 2001. – С. 82–87.

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции / Т. М. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 287 с.

Позднеев А. М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае / А. М. Позднеев // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – 1887. – Т. 1: 1886. – С. 169–188.

Тендрякова М. В. Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам / М. В. Тендрякова // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / ред. Н. Л. Жуковская. – М.: Вост. лит-ра, 2008. – С. 133–158.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.) / Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном хэблэл, 2013. – 335, [2] с. ил.

Цыремпилов Н. В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями / Н. В. Цыремпилов // Гуманитарный вектор. Сер. История, политология. – 2014. – № 3(39). – С. 96–109.

Цыремпилов Н. В. Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых? / Н. В. Цыремпилов // Oriental Studies. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 1099–1114.

References

Abaeva L. L. Istoriya formirovaniya etnokonfessional'noj situacii v Buryatii / L. L. Abaeva // Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnyh narodov Rossii / red. N. L. Zhukovskaya. M.: Vost. lit-ra, 2008. – S. 37–57.

Aninskij dacan: proshloe, nastoyashchee, budushchee / Pravitel'stvo Respubliki Buryatiya [avt.-sost.: L. S. Burunova i dr.]. – Ulan-Ude: EKOS, 2020. – 287 s.

Buddizm v istorii i kul'ture buryat / red. I. R. Garri. – Ulan-Ude: Buryaad-Mongol nom, 2014. – 417 s.

Buddijskaya obshchina Peterburga peredala Aninskomu dachanu v Buryatii kopiю byusta Ekateriny II [Elektronnyj resurs] // ITAR-TASS. 23.09.2019. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/6792771> (data obrashcheniya: 16.02.2026).

Buryaty / otv. red. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya, In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sib. otd-niya. – M.: Nauka, 2004. – 633 s. – (Narody i kul'tury).

Galdanova G. R. Dolamaistskie verovaniya buryat / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 113 s.

Girc K. Interpretaciya kul'tur / K. Girc; per. s angl. – M.: ROSSPEN, 2004. – 560 s.

Zhukovskaya N. L. K voprosu o nagrade, poluchennoj Damba Darzha Zayaevym ot impe-ratricy Ekateriny II / N. L. Zhukovskaya // Mir buddijskoj kul'tury: mat-ly mezhdunar. simp. (10–14 sentyabrya 2001 g.). – Ulan-Ude; Aginskoe; Chita, 2001. – S. 82–87.

Mihajlov T. M. Buryatskij shamanizm: istoriya, struktura i social'nye funkcii / T. M. Mihajlov. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 287 s.

Pozdneev A. M. K istorii razvitiya buddizma v Zabajkal'skom krae / A. M. Pozdneev // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva. – 1887. – T. 1: 1886. – S. 169–188.

Tendryakova M. V. Tengrianstvo: ot gosudarstvennoj religii k zabytym kul'tam / M. V. Tendryakova // Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnyh narodov Rossii / red. N. L. Zhukovskaya. – M.: Vost. lit-ra, 2008. – S. 133–158.

Cyrepilov N. V. Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddijskaya obshchina v Rossii (XVIII – nach. XX v.) / N. V. Cyrepilov. – Ulan-Ude: Buryaad-Mongol nom heblel, 2013. – 335, [2] s. il.

Cyrepilov N. V. Kogda Rossiya priznala buddizm? V poiskah ukaza 1741 g. imperatricy Elizavety Petrovny ob oficial'nom priznanii buddizma rossijskimi vlastyami / N. V. Cyrepilov // Gumanitarnyj vektor. Ser. Istoriya, politologiya. – 2014. – № 3(39). – S. 96–109.

Cyrepilov N. V. Ekaterina II kak voploshchenie Beloj Tary: obozhestvlyali li buryaty Romanovyh? / N. V. Cyrepilov // Oriental Studies. – 2023. – T. 16. – № 5. – S. 1099–1114.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026;

одобрена после рецензирования: 24.06.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 08.06.2026;

approved after reviewing: 24.06.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 321.111

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-90-98

А. В. Михалев**ПРОШЛОЕ ДЛЯ КЛАНОВ, ИЛИ НЕОТРАЙБАЛИЗМ
КАК СПОСОБ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ
В РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

В статье изучаются формирующиеся в современных условиях представления о политической истории Бурятии как об истории кланов. В центре внимания – сюжеты публичной истории, воспроизводящиеся в региональных массмедиа. Исследование опирается на материалы политических текстов, публикуемых в местных газетах, на информационных порталах и в книгах, посвященных политике в республике. Особое внимание уделяется полемике между академическими учеными и политическими обозревателями по поводу релевантности использования неотрайбалистских категорий при описании истории и современного общественного устройства Бурятии.

Ключевые слова: публичная история, миф, клан, племя, Внутренняя Азия, политическое воображение, политический язык.

Для цитирования: Михалев А. В. Прошлое для кланов или неотрайбализм как способ переосмысления истории в российской Внутренней Азии // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 1(4). – С. 90–98. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-90-98

A. V. Mikhalev**THE PAST FOR THE CLANS OR NEOTRIBALISM
AS A WAY TO RETHINK HISTORY IN RUSSIAN INNER ASIA**

The paper outlines the representations of political history of Buryatia formed in modern conditions as the history of clans. The focus is on public history plots reproduced in regional mass media. The research is based on materials of political texts published in local newspapers, information portals and books on politics in the republic. Particular attention is paid to the controversy between academic scientists and political observers on the relevance of the use of neo-tribalist categories in describing the history and modern social structure of Buryatia.

Keywords: public history, myth, clan, tribe, Inner Asia, Political Imagination, political languages.

Введение

Многообразие способов осмысления собственного прошлого в национальных республиках Азиатской России в XXI в. стало приобретать новые формы – более соответствующие современным общественным и экономическим реалиям. Одной из таких форм стал неотрайбализм [Maffesoli 1996]. Под ним нами понимается набор политических идей, согласно которым воображаемые родоплеменные группы (кланы), представления о которых сформировались под влиянием современной культуры, становятся источником государственной власти и наиболее приемлемой формой идентичности.

Описываемые тенденции напрямую связаны с развитием «новых СМИ»: сайтов, блогов, Telegram-каналов и т. д. Именно в эпоху широкодоступных новых медиа спрос на альтернативное прошлое стал более масштабным. Востребованность такого прошлого связана с политикой и увеличивается под влиянием запросов со стороны отдельных групп интересов. Анализируемое в статье явление прежде всего относится к переосмыслению политической истории отдельно взятых национальных республик.

В фокусе исследовательского внимания находится развитие локальных моделей политической истории. Для нас важно проследить истоки этих способов понимания прошлого во всем многообра-

Михалев Алексей Викторович – доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 00000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru.

Mikhalev Alexey Victorovich – Doctor of Political Sciences, Director of the Centre of Political Transformation Studies, Banzarov's Buryat State University (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru.

зии контекстов и интеллектуальных заимствований. Необходимо отметить, что неотрайбализм – это не просто политическая идеология, но и язык, при помощи которого описывается политический процесс или общественные отношения. Формально язык неотрайбализма маргинален, т. е. выведен за рамки официально признаваемых идеологических установок, соответственно, маргинальны и исторические тексты, написанные этим языком. Однако частота публикаций и общественный резонанс обращает на них наше внимание как на актуальный способ описания политики в изучаемом регионе.

Мы попытаемся проследить, каким образом интересующие нас тексты вписываются в контексты реальной политики. Какое место неотрайбалистские представления о прошлом занимают в системе публичной истории? Почему сформировался общественный запрос на подобные тексты? Все перечисленные вопросы легли в основу композиции представленной статьи. Несомненно, за указанными рамками остается более широкий пласт исследовательских задач, решение которых возможно в ходе дальнейшей работы по изучению трайбализма как политической идеи.

Географические рамки исследования локализуются границами так называемой этнографической Бурятии. Однако административно-территориально они распространяются на три субъекта РФ: Республику Бурятия, Иркутскую область, Забайкальский край. Их принято относить к российской части Внутренней Азии. Подобные территориальные рамки связаны с тем, что с 1937 г. Агинский округ и Усть-Орда были в составе БМАССР. Официальная история республики, что рассматривается в контексте истории национального движения, традиционно включает в себя историю упомянутых округов в составе соседних субъектов [История Бурятии 2011]. Политический язык неотрайбализма также распространяется на все три вышеуказанных субъекта России.

В центре нашего внимания находятся политические тексты, язык которых определяет представления о прошлом в неотрайбалистских категориях. В первую очередь это материалы родоплеменных съездов конференций, посвященные прошлому и современному состоянию того или иного сообщества, позиционирующего себя как род или племя в Бурятии. Нас интересуют протоколы и стенограммы заседаний съездов отдельных племен, опубликованные материалы конференций по истории той или иной родоплеменной группы, а также пресс-релизы.

Второй блок – это материалы массмедиа и других средств массовой информации, освещающих политические процессы в регионе. Нами взята выборка за последние 10 лет, поскольку именно в это время появилось большое количество журналистских статей, освещающих политику и историю языком неотрайбализма. Именно эта группа источников – наиболее массовая и имеет возможность транслировать политические взгляды своей аудитории. Во многом именно благодаря СМИ неотрайбалистское мировоззрение становится вполне легитимным и получает право на существование.

Третий блок – это работы профессиональных этнологов, антропологов и этнополитологов, обособившихся на волне национально-культурного возрождения в 1990-е гг. родоплеменные границы местного сообщества. Эти тексты, несмотря на достаточно ограниченный круг читателей и небольшие тиражи, редко превышающие 300–500 экз., все же оказали влияние на медийный дискурс. В условиях образовавшегося в постсоветский период идеологического вакуума региональные гуманитарии обеспечили условия для нового прочтения общественно-политических процессов. Сюда же относятся работы ученых, выступающих с критикой неотрайбализма, и описания политики в категориях межклановой борьбы. Данный нарратив сформировался в процессе дебатов на страницах средств массовой информации в 2010-е гг.

В методологическом плане мы опираемся на аналитический инструментарий истории политических идей. Так, наше исследование начинается с разбора идиомы «политический клан», которая приобрела большую популярность в последнее десятилетие, особенно у представителей массмедиа, претендующих на роль идеологов неотрайбализма. Далее идет разбор неотрайбалистского языка описания истории Бурятии. В данной ситуации мы рассматриваем этот новый контекст истории национальной государственности, развивающийся под влиянием современных политических и экономических процессов. Наконец, будет проанализирована полемика между сторонниками национальной модели интерпретации истории республики и авторами неотрайбалистских текстов. Надо отметить, что национальная модель по-прежнему остается официальной и на формальном уровне считается доминирующей.

Политический клан как идиома

Политический клан – это устойчивое идиоматическое выражение, характерное для описания политики и политического в условиях постсоветских режимов [Ламажаа 2007, 2008]. Изначальное понимание кланов исходит из теории кланового капитализма [Kosals 2007] или периферийного капитализма [Пребиш 1992] со всеми исходящими из этого контекстами и смыслами. В большинстве случаев под политическим кланом принято понимать группу интересов, сложившуюся в условиях господства теневой экономики. Она неисторична, возникает в условиях современности и подчиняется ее логике. Клан выступает важным атрибутом этой экономической системы, его основная цель – конвертация ресурсов [Kosals 2007]. Это наиболее распространенный формат интерпретации одного из ключевых понятий данного исследования. Однако в изучаемом нами политическом пространстве Бурятии данная идиома приобретает новые коннотации.

Большинство авторов, пишущих о кланах в политике Бурятии, дают множественные, противоречивые и взаимоисключающие определения. Но у всех у них есть одна общая черта: под политическим кланом понимается историко-культурная общность, привязанная к определенной территории. Эти суждения были некритично перенесены в политическую сферу из дискурса этнокультурного возрождения, изучению которого посвящено большое количество работ антропологов и этнологов [Амоголонова, Елаева, Скрынникова 2005; Szmyt 2020: 275–295]. Например, в работе 1995 г. известный историк К. М. Герасимова, характеризуя культуру местного сообщества, писала: «До сих пор живет наследие родовой эпохи – этнические родовые общности с типичными проявлениями клановой дифференциации, приязни к “своим” и неприязни к “чужим”. Это этнический, “местечковый” эгоизм. В нем нет классовой идеологии, национального самосознания, даже националистического противопоставления бурят русским, поскольку нетерпимость проявляется среди самих бурят по отношению к представителям “чужих” родов, между западными и восточными бурятами, агинцами, эхиритами и так далее» [1995: 22–23].

В 2017 г. публицист Д. Шулунов, описывая политические кланы Бурятии, использовал заимствованные из этнологии шаблоны: «Кланом могут назвать выходцев из одного района или даже членов нескольких близкородственных семей. Например, в обиходе бытуют такие выражения, как “кижингинский клан”, “семейский” и даже “клан Матхановых”. И все это одновременно с “иркутским” и “боханско-осинским” кланами. То есть объединения людей в условные группировки, которые варьируются от нескольких семей до огромных общностей» [2017].

Из подобной рецепции культурных норм возникло современное значение понятия «политический клан» в Бурятии. Характеризуя сложившуюся ситуацию, уместно привести мнение Дж. Покока о том, что «актуальный язык публичной речи в институциональном и политическом обществе апеллирует именно к тем институциям, авторитетам, ценностным символам и коллективным воспоминаниям, которые он представляет частью политики этого общества и из которых черпает собственных характер» [2018: 157]. В изучаемом нами случае этот тезис раскрывается еще и с прикладной стороны. Посредством неотрейбалистского политического воображения предпринимаются попытки повлиять на реальный политический процесс через заявления о необходимости формирования представительных органов по клановому принципу. Так, в феврале 2018 г. со страниц газеты «Угайм Зам» было опубликовано заявление съезда одной из родственно-территориальных групп Бурятии: «Поступило предложение при следующей переписи населения в графе национальность “бурят” указывать и племенную принадлежность, а также при выборах депутатов в Народный Хурал выдвигать не только по партийным спискам и территориям, но чтоб и племена могли составлять списки своих кандидатов в депутаты. Обсуждался вопрос о необходимости образования независимого Совета старейшин из представителей племен по 3 человека от каждого из них» [Башитов 2018: 2].

Политический клан в Бурятии – категория инклюзивная, не ограниченная рамками только титульной нации. Условная плюралистичность этого термина позволяет в некоторых случаях говорить о семейском клане (потомках старообрядцев) [Белькова 2018: 195–213], русском, северном и т. д.: «Сам факт появления такого феномена, как “семейский” клан, показывает, что политические кланы – не продукт только традиционного бурятского общества. Может быть, какие-то черты оттуда пришли, но в целом кланы не только сформировались в советское время, но и вряд ли были бы возможны без советской же политики и бюрократической системы» [Шулунов 2017]. В свою очередь, для большин-

ства населения республики это открывает возможности политической идентификации. Отодвигая на второй план социальные границы, дискурс о кланах формирует их в совершенно иной плоскости – территориально-исторической. В итоге идиома «политический клан» стала основной категорией для описания политических процессов в рамках языка неутраивализма. Сводя все к борьбе воображаемых кланов, изучаемый нами дискурс сформировал и новую модель истории республики, о которой пойдет речь в следующем разделе статьи.

История республики как история кланов

Первые попытки описания истории Республики Бурятия как истории противостояния политических кланов были предприняты на страницах средств массовой информации (Asia Russia Daily и «Информ Полис»). Политические обозреватели, развивая тему неформальных политических институтов, предприняли попытку сформировать максимально целостную картину их развития. Но хронологически эти рассказы начинались лишь с создания в 1924 г. БМАССР: «В XIX в. среди бурят еще не было кланов в современном понимании. Разделенным на степные думы и не имеющим общей администрации бурятам просто негде было конкурировать между собой за политическое влияние» [Шулунов 2017]. Предлагаемая схема политической истории Республики Бурятия оказывалась достаточно простой, состоящей из трех этапов: «Политический клан сегодняшнего образца, как и понятие землячества, – это в основном продукты советской эпохи. Конечно, предтечи кланов и землячеств существовали и раньше. Но все основные характерные черты у этих явлений сформировались в советское время. Тогда все уже знали про “эхиритских”, “боханско-осинских” и “аларо-нукутских”. В 1980-х стали поговаривать про “агинских”, но никаких “северных”, “семейских” и “горцев” еще не было. Очевидно, что первые оформившиеся кланы стали пионерами не без причин» [Там же].

Описывая процессы исторического развития языком неутраивализма, авторы, отстаивающие данную позицию, «делают ход», который, по определению Дж. Покока, представляет собой некий маневр или тактическую игру [2018: 162–163]. В ее рамках авторы, выступающие за клановый вариант истории, вольно или невольно легитимизируют современный неутраивалистский способ понимания политического процесса. В итоге за рамками оказывается советский проект нациестроительства, ставивший целью формирование социалистических наций как неких монолитных общностей. С другой стороны, прошлое выступает в качестве ресурса для укрепления претензий на власть политиков, идентифицирующих себя с так называемыми «исконными, коренными» общностями, населяющими не только Бурятию, но Иркутскую область и Забайкальский край. Так, в одном из медийных текстов, описывающих современный расклад политических сил, отмечается: «Считается, что “западные буряты” традиционно лидировали в Бурятии еще со времен появления республики ввиду того, что бурятские большевистские лидеры происходили из “иркутских”. Укрепилось это влияние во времена первого секретаря бурятского обкома КПСС Андрея Модогоева» [Тараруев 2016].

Клановое прошлое является ресурсом для написания истории индигенных и квазииндигенных общностей (кланов, родов, племен). В то же время это возможность заявить свое право на прошлое республики, создававшейся усилиями не только «местных», но и «иных», приехавших на стройки социализма. В подобном контексте исторический процесс упрощенно описывается как смена во власти ряда земляческих групп. В каком-то смысле он перекликается с азиатской традицией описания истории как смены династий. Такая схема политической истории отодвигает на периферию партии, парламент, общественные движения и социальные классы, при том что речь идет об истории XX в. В переизобретенном прошлом большинство формальных институтов выступает в качестве фона, на котором действуют «настоящие акторы» – кланы или так называемый «вечный фактор» [Шулунов 2017].

Падение авторитета формальных институтов, которые ассоциируются с современностью, тесно связаны с модой на архаизацию и «новое средневековье». Отрицание современного мира в политической рефлексии в условиях периферийного капитализма зачастую обусловлено тенденциями в массовой культуре. На это ссылаются и политические обозреватели: «Да и все мы, зрители “Игры престолов”, невольно рассматриваем реальные внутренние политические процессы (realpolitik) с позиции сценария известного сериала: бурятские рода, племена, территориальные кланы и прочие образования» [Очиров 2020]. К данному утверждению можно добавить и то, что под влияние шаблонов массовой культуры попала не только политика, но и история.

Однако вопреки логике постмодерна неотрайбализм стремится стать неким метанарративом, объясняющим как минимум общественно-политическое устройство Центральной и Внутренней Азии. Например, модель рассмотрения политики и истории через призму клановости частично заимствована и перенесена из центральноазиатских республик бывшего СССР (Казахстана и Киргизии) [Ismailbekova 2017; Борисова 2002]. Рецепция, на наш взгляд, произошла в результате работы с культурным наследием кочевых цивилизаций. Клан, линиджи, роды – это едва ли не основные категории публичной истории кочевых цивилизаций, заимствованные из академической науки [Кочевые империи Евразии... 2019: 57]. Этот сегмент исторической литературы, начиная с Л. Н. Гумилева и заканчивая многочисленными генеалогическими исследованиями местных авторов [Zhanaev 2019: 71–80], имеет большое интеллектуальное влияние на политический дискурс. Так, интерес представляют попытки сделать историю кланов более древней с помощью фольклорных и этнографических материалов: «Мифы и легенды о происхождении монгольских племен и кланов могли возникнуть в период, когда рушилась племенная система древних народов. Некоторые мифы говорят о небесном происхождении их государств и племен. Есть много интересных легенд монгольских народов, которые мы можем найти в исторических источниках, а также в устных сказках. Например, “Легенда Хорь Түмэд”, “Хоридоймэргэн”, “Легенда Эргүнэхун”, “Четыре Ойрата”, “Мянгаты”, “Сартуулы”, “Элеты или Өөлд”, “Торгуты”, “Үзэмчины”, и так далее» [Майдар].

Таким образом, история кланов, являясь жанром публичной истории, начинает влиять на политическое мировоззрение. Использование фольклорных и мифологических сюжетов еще более способствует популярности такого дискурса. В итоге подобная картина политического мироустройства вступает в конфликт с идеей национальной республики, выросшей из ленинских тезисов о праве нации на самоопределение и являющейся конституционной основой государственного устройства. Это противоречие мы рассмотрим в следующем разделе нашего исследования в контексте анализа полемики вокруг кланового дискурса.

Полемика о кланах

Политический истеблишмент республики склоняется к тому, что кланов и родоплеменных отношений во власти не существует. К этому мнению присоединилось большинство ученых-гуманитариев. Неотрайбалистские интерпретации прошлого и настоящего в отдельно взятой республике были признаны нерелевантными и даже вредными для ее дальнейшего развития. Все это послужило основой для масштабных дебатов на страницах прессы. В данном разделе статьи мы рассмотрим лишь наиболее значимые суждения, высказанные как против, так и за клановое мировоззрение.

С критикой кланового порядка выступил один из авторитетных политиков Бурятии, бывший мэр г. Улан-Удэ Г. А. Айдаев: «Да какие кланы-то, это просто надуманно! Нету этих кланов. Семейские, западные, восточные – это группировки. Просто группы ребят, которые объединились, ну, где-то по национальному признаку. А кто-то усиленно раздувает эту тему, чтобы какой-то авторитет заработать. А как вот разделить западных и восточных бурят? Сейчас провести эту грань очень сложно. Хори-буряты говорят, что они исконно восточные – они раньше жили за Байкалом на территории Иркутской области, в Бодайбо, Усть-Куте и так далее. То есть они западные буряты. А как сюда перешли – стали восточными. А те, кто там остался, так западные буряты и есть. Ну и как может быть противостояние? Это искусственно надуманно!» [Светлов 2018].

В свою очередь, академик РАН Б. В. Базаров в интервью старейшему региональному информационному ресурсу «Бурят Үнэн» также крайне негативно отозвался о клановости в регионе: «Самой социальной основы для создания клановых групп не было и нет. Я думаю, что появление этих оценок, попутно оскорбляющих целый народ, – это результат нечистоплотных политических игр. Оказывается, мы делились между собой, создавали кланы, один клан ограбил другой. Оказывается, что наши политические лидеры – это выдвигенцы каких-то древних групповых структур. Это издевательство над Бурятией и бурятами, которые имеют в России очень высокий статус и оцениваются как очень образованная и конкурентоспособная нация. Именно нация, а не сброд этнических кланов» [Махачкеев 2017].

Эту точку зрения поддержал и профессор кафедры политологии Бурятского госуниверситета Э. Д. Дагбаев, отметивший: «В строгом научном смысле слова у нас нет кланов. И здесь я согласен с академиком Борисом Вандановичем Базаровым, что у бурят никогда не было кланов. Ведь что такое

клан? Это замкнутые кровнородственные образования, куда со стороны возможно попасть только через брак. Но кланы бывают не у всех народов, а у бурят тем более. У нас в силу особенностей формирования этноса группы родственников никогда полностью не контролировали одновременно сферу власти, собственности, экономические отрасли» [Тараруев 2016].

Таким образом, академические историки и политологи, а также часть политиков единогласно отрицают релевантность суждений, широко тиражируемых средствами массовой информации. Особенно это касалось определения понятия политический клан, которое трактуется в СМИ в родоплеменном контексте. В итоге сформировалось весьма консолидированное мнение о том, что «клановая история», равно как и неотрайбализм, – это результат политических спекуляций на тематике родовых и земляческих идентичностей. Однако эта позиция лишь положила начало дебатам о кланах и перспективах общественного развития. Так, на портале Asia Russia Daily был опубликован ответ академику Б. В. Базарову, в котором указывалось: «Хочется не согласиться с мнением уважаемого академика, который считает, что в Бурятии функционирует вполне себе совершенное общество без кланов и т. д. Но трагедией бурятского общества является то, что у нас элита, в прямом ее понимании, не сформировалась, и правят обществом и в политике, и в экономике не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы такие понятия как “кланы” и “каста”. Но вполне может быть, что это всего лишь следующий виток развития бурятского общества...» [Очиров].

В итоге опубликован еще ряд статей, претендующих на обоснование кланового порядка в регионе, его корни определяли в родоплеменной структуре бурятского общества и специфике замкнутых групп старообрядцев: «В царское время семейские как раскольники подозревались в неблагонадежности. Неудивительно, что самобытная этнографическая группа староверов в Бурятии развивалась обособленно от других групп русского населения. В советские годы семейским на территориях Тарбагатай, Мухоршибири и Бичуры удалось в немалой степени сохранить свою самобытность. В правление Потапова эта самобытность сработала так, что сложилась группа влияния, поразительно похожая на западнобурятские кланы» [Шулунов 2017]. Дебаты поляризовали позиции сторон в большей степени, нежели сформировали пространство компромиссов. Однако именно они положили начало публичным дискуссиям о судьбах республики.

От обсуждения вопросов о прошлом и настоящем политической системы сторонники кланового дискурса перешли к обсуждению будущего, утверждая, что многочисленные кланы – это основа демократического развития: «В общем, несмотря ни на что, Бурятия движется к республиканской форме правления, где Народный Хурал будет играть основополагающую роль. И главным фактором достижения этого блага могут оказаться кланы! Такая форма правления, видимо, больше подходит Бурятии и по духу, и по сути. В ней будет много идей и споров. А в споре, как говорил Платон, рождается истина» [Очиров]. Дебаты о клановости все еще продолжаются, появляются новые аргументы “за” и “против”. В этих условиях можно сказать лишь одно: риторическая норма обсуждения политики в категория неотрайбализма в публичной сфере оказалась популярной и принимаемой в обществе.

Заключение

Политический клан как основной институт общественного устройства является предметом исторического воображения не только в Центральной Азии, но и некоторых азиатских республиках России [Ламажаа 2007]. Изученный нами случай Бурятии всего лишь один в череде регионов, где политический язык неотрайбализма набирает популярность в обществе. Мы попытались понять то, каким образом посредством этого языка конструируется прошлое, благодаря которому представления о кланах получают некую историчность. Право на прошлое позволяет закрепить воображаемый порядок как некую реальность, берущую начало из мифов, преданий, легенд, а также из культурного наследия.

Практика политического воображения не только обеспечивает легитимность или нелегитимность правящим режимам, она открывает возможность зафиксировать уровень наиболее популярных обыденных представлений о том, как должны быть устроены государственные институты. В условиях периферийного капитализма эти представления приобретают весьма упрощенные формы. С одной стороны, это связано с недоверием к демократии и темпоральному режиму современности, а с другой – с популярностью воспроизводимых в массовой культуре архаичных форм политического устройства [Maffesoli 1996].

Особенность изучаемого нами региона – клановая модель, которая вступает в противоречие с национальным проектом. Споры о прошлом перерастают в острую полемику о настоящем. В сущности, дебаты вокруг истории республики – это полемика о легитимности и о представительстве. Проанализированные попытки переписать историю являются лишь свидетельством неприятия существующего положения вещей и недовольства формальными институтами. Новая система координат в виде неотрайбализма открывает возможность передела ресурсов между группами интересов, выступающих с позиций и от имени по-новому переосмысленных родоплеменных и земляческих общностей.

Перепридуманное прошлое, а вместе с ним и настоящее становятся неким нетравматическим способом осмысления периферийности. Однако все эти идиомы и языки по мере своего развития становятся все менее релевантны по отношению к реальной политике и системе распределения ресурсов. Язык неотрайбализма с его примитивным категориальным аппаратом – это интеллектуальный эрзац политической философии. Создаваемые в этих условиях смыслы лишь ретушируют разрыв между реальной политикой и массовыми представлениями населения, воспроизводя шаблоны из публичной истории и фольклорных нарративов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00081.

Литература

Амоголонова Д. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) / Д. Д. Амоголонова, И. Э. Елаева, Т. Д. Скрынникова. – Иркутск: РПЦ «Радиян», 2005. – 246 с.

Башистов А. Д. Конференция Булагатов / А. Д. Башистов // Угайм Зам. – 2018. – № 47. – С. 2.

Белькова А. А. «Семейский клан» в постсоветской Бурятии: приватизация идентичности в политике / А. А. Белькова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 195–213.

Борисова Е. А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном / Е. А. Борисова // Вестник Евразии. – 2002. – № 1(16). – С. 28–47.

Герасимова К. М. О бурятской «буржуазной интеллигенции» начала XX века / К. М. Герасимова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия / отв. ред. Ю. Б. Рандалов. – Улан-Удэ, 1995. – С. 20–27.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3 – XX–XXI вв. / [Базаржапов В. Б. и др.]; гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров; Правительство Респ. Бурятия, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики: кол. моногр. / Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Ю. И. Дробышев и др.; отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. – М.: Наука – Вост. лит-ра, 2019. – 502, [1] с.

Ламажаа Ч. К. Клановость в политической жизни регионов России / Ч. К. Ламажаа // Государство и гражданское общество. – 2007. – № 3. – С. 133–147.

Ламажаа Ч. К. «Клан»: понятие в социальных науках / Ч. К. Ламажаа // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2008. – № 2. – С. 121–131.

Майдар С. Потрясающая монгольская легенда о происхождении бурятских родов / С. Майдар // Asia Russia Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiarussia.ru/blogs/19539/> (дата обращения: 06.07.2021).

Махачкеев А. Борис Базаров: «Буряты – это единый народ» / А. Махачкеев // Бурят Үнэн. – 15.09.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/society/53755-boris-bazarov-buryaty-eto-edinyu-narod/> (дата обращения: 06.07.2021).

Очиров Б. Академику Базарову: в Бурятии кланы есть и их немало / Б. Очиров // Asia Russia Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiarussia.ru/blogs/17665/> (дата обращения: 06.07.2021).

Очиров Б. Конец – это начало. Почему «игры престолов по-бурятски» остаются единственным генерирующим энергию элементом / Б. Очиров // Asia Russia Daily. – 04.03.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiarussia.ru/articles/23430/> (дата обращения: 06.07.2021).

Покок Дж. The state of theart / Дж. Покок // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛО, 2018. – С. 142–190.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Пребиш; под ред. и с предисл. В. В. Вольского, И. К. Шереметьева. – М.: ИЛА, 1992. – 337 с.

Светлов А. Геннадий Айдаев: «Кланы в Бурятии? Дуризм это!» / А. Светлов // Бабр. – 24.05.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://babr24.net/bur/?IDE=176916> (дата обращения: 06.07.2021).

Тараруев В. Политические кланы Бурятии: «восточные», «западные», «семейские», «мухоршибирские» / В. Тараруев // UlanMedia. – 14.09.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ulanmedia.ru/news/531273/?fbclid=IwAR2a3xdSGP5Whu9CSEAFi_GEaw8x9r2N85NaLRKfWe5XQrXieY4Zm_dYN54 (дата обращения: 06.07.2021).

Шулунов Д. Кому принадлежит Бурятия? Как зародились и куда идут кланы республики / Д. Шулунов // Информ Полис. – 14.04.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/99048-komu-prinadlezhit-buryatiya-chast-1/> (дата обращения: 06.07.2021).

Ismailbekova A. Blood Ties and the Native Son: Poetics of Patronage in Kyrgyzstan / A. Ismailbekova. – Bloomington: Indiana University Press, 2017. – 234 p.

Kosals L. Essay on Clan Capitalism in Russia / L. Kosals // Acta Oeconomica. – 2007. – Vol. 57. – No. 1. – P. 67–85. DOI: <https://DOI.org/10.1556/AOCON.57.2007.1.5>.

Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society / M. Maffesoli. – London: Sage Publications, 1996. – 192 p.

Szmyt Z. Zbyt Glosna Historycznosc. Uzytkowanieprzeszłości w AzjiWewnętrznej / Z. Szmyt. – Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2020. – 428 p.

Zhanaev A. The Human Being in Social and Cosmic Orders. Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity / A. Zhanaev. – Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2019. – 270 p.

References

Amogolonova D. D. Buryatskaya etnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (postsovetskij period) / D. D. Amogolonova, I. E. Elaeva, T. D. Skrynnikova. – Irkutsk: RPC «Radian», 2005. – 246 s.

Bashitov A. D. Konferenciya Bulagatov / A. D. Bashitov // Ugajm Zam. – 2018. – № 47. – S. 2.

Bel'kova A. A. «Semejskij klan» v postsovetskoj Buryatii: privatizaciya identichnosti v politike / A. A. Bel'kova // Politicheskaya nauka. – 2018. – № 2. – S. 195–213.

Borisova E. A. Rol' neformal'nyh institutov v upravlenii Kazahstanom / E. A. Borisova // Vestnik Evrazii. – 2002. – № 1(16). – S. 28–47.

Gerasimova K. M. O buryatskoj «burzhuaznoj intelligencii» nachala XX veka / K. M. Gerasimova // Nacional'naya intelligenciya, duhovenstvo i problemy social'nogo, nacional'nogo vozrozhdeniya narodov Respubliki Buryatiya / otv. red. Yu. B. Randalov. – Ulan-Ude, 1995. – S. 20–27.

Istoriya Buryatii: v 3 t. T. 3 – XX–XXI vv. / [Bazarzhapov V. B. i dr.]; gl. red. i ruk. proekta B. V. Bazarov; Pravitel'stvo Resp. Buryatiya, In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 464 s.

Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki: kol. monogr. / B. V. Bazarov, N. N. Kradin, Yu. I. Drobyshchev i dr.; otv. red.: B. V. Bazarov, N. N. Kradin. – M.: Nauka – Vost. lit-ra, 2019. – 502, [1] s.

Lamazhaa Ch. K. Klanovost' v politicheskoy zhizni regionov Rossii / Ch. K. Lamazhaa // Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo. – 2007. – № 3. – S. 133–147.

Lamazhaa Ch. K. «Klan»: ponyatie v social'nyh naukah / Ch. K. Lamazhaa // Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya. – 2008. – № 2. – S. 121–131.

Majdar S. Potryasayushchaya mongol'skaya legenda o proiskhozhdenii buryatskih rodov / S. Majdar // Asia Russia Daily [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://asiarussia.ru/blogs/19539/> (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Mahachkeev A. Boris Bazarov: «Buryaty – eto edinyj narod» / A. Mahachkeev // Buryat Ynen. – 15.09.2017 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://burunen.ru/news/society/53755-boris-bazarov-buryaty-eto-edinyy-narod/> (data obrashche-niya: 06.07.2021).

Ochirov B. Akademiku Bazarovu: v Buryatii klany est' i ih nemalo / B. Ochirov // Asia Russia Daily [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://asiarussia.ru/blogs/17665/> (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Ochirov B. Konec – eto nachalo. Pochemu «igry prestolov po-buryatski» ostayutsya edinstvennym generiruyushchim energiyu elementom / B. Ochirov // Asia Russia Daily. – 04.03.2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://asiarussia.ru/articles/23430/> (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Pokok Dzh. The state of theart / Dzh. Pokok // Kembriidzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii. – M.: NLO, 2018. – S. 142–190.

Prebish R. Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? / R. Prebish; pod red. i s predisl. V. V. Vol'skogo, I. K. Sheremet'eva. – M.: ILA, 1992. – 337 s.

Svetlov A. Gennadij Ajdaev: «Klany v Buryatii? Durizm eto!» / A. Svetlov // Babr. – 24.05.2018 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://babr24.net/bur/?IDE=176916> (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Tararuev V. Politicheskie klany Buryatii: «vostochnye», «zapadnye», «semejskie», «muhorshibirskie» / V. Tararuev // UlanMedia. – 14.09.2016 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ulanmedia.ru/news/531273/?fbclid=IwAR2a3xdSGP5Whu9CSEAFi_GEaw8x9r2N85NaLRKfWe5XQrXieY4Zm_dYN54 (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Shulunov D. Komu prinadlezhit Buryatiya? Kak zarodilis' i kuda idut klany respubliki / D. Shulunov // Inform Polis. – 14.04.2017 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.infpol.ru/99048-komu-prinadlezhit-buryatiya-chast-1/> (data obrashcheniya: 06.07.2021).

Ismailbekova A. Blood Ties and the Native Son: Poetics of Patronage in Kyrgyzstan / A. Ismailbekova. – Bloomington: Indiana University Press, 2017. – 234 p.

Kosals L. Essay on Clan Capitalism in Russia / L. Kosals // Acta Oeconomica. – 2007. – Vol. 57. – No. 1. – P. 67–85. DOI: <https://DOI.org/10.1556/AOECON.57.2007.1.5>.

Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society / M. Maffesoli. – London: Sage Publications, 1996. – 192 p.

Szmyt Z. Zbyt Glosna Historycznosc. Uzytkowanieprzeszłości w AzjiWewnętrznej / Z. Szmyt. – Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2020. – 428 p.

Zhanaev A. The Human Being in Social and Cosmic Orders. Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity / A. Zhanaev. – Poznan: Wydawnic-two Naukowe UAM, 2019. – 270 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026;

одобрена после рецензирования: 26.06.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 07.06.2026;

approved after reviewing: 26.06.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 323.1

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-99-106

П. К. Варнавский**ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ БУРЯТСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ:
ОТ СУВЕРЕНИЗАЦИИ К НОВОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ**

Статья посвящена трансформации дискурса бурятской этничности в постсоветский период. Автор выделяет две стадии: 1990-е гг. – политико-мобилизационная, характеризующаяся этнополитическими организациями, требованиями суверенизации, паритетного представительства и территориальной реабилитации; с начала 2000-х гг. – деполитизация этничности, перенос акцента на культурные практики, фестивали и «изобретение традиций». Показано, как государственные институты перехватывают инициативу у этнонационалистов, конструируя этничность в рамках полиэтничности и региональной идентичности, что способствует позитивной консолидации полиэтничного сообщества без конфликтного потенциала.

Ключевые слова: этничность, национализм, постсоветский транзит, Бурятия.

Для цитирования: Варнавский П. К. Постсоветский транзит бурятской этничности: от суверенизации к новой традиционности // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 99–106. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-99-106

P. K. Varnavsky**POST-SOVIET TRANSITION OF BURYAT ETHNICITY:
FROM SOVEREIGNTY TO A NEW TRADITIONALISM**

The article examines the transformation of Buryat ethnicity discourse in the post-Soviet period. The author identifies two stages: the 1990s – a political-mobilization stage marked by ethno-political organizations, demands for sovereignty, parity representation, and territorial rehabilitation; and from the early 2000s – the depoliticization of ethnicity, with a shift towards cultural practices, festivals, and the “invention of traditions”. It is shown how state institutions take the initiative from ethno-nationalists, constructing ethnicity within the framework of multiculturalism and regional identity, thereby fostering positive consolidation of the polyethnic community without conflict potential.

Keywords: ethnicity, nationalism, post-Soviet transit, Buryatia.

Исследования этнической проблематики в РФ и на постсоветском пространстве последних двух десятилетий характеризуются преимущественным вниманием к политической составляющей этнических процессов. В фокусе научного анализа находятся политизация этничности, этнополитическая мобилизация и развитие этнонационалистических движений. Подобный акцент обусловлен социально-политической актуальностью: политизированная этничность и этнический национализм сыграли значимую роль в разрушении Советского Союза, а постсоветский ренессанс этничности проблематизировал целостность полиэтничных государств, возникших после распада СССР.

Следствием данной тенденции является изучение этничности преимущественно в контексте ее инструменталистского использования политическими акторами для этнополитической мобилизации. На смену примордиалистской парадигме пришли конструктивистские и инструменталистские теории. Если для советского академического дискурса характерны эссенциальные интерпретации этничности как культурно-исторического феномена, то постсоветский период отмечен взглядом на этничность как на социальный и политический конструкт, актуализируемый интеллектуально-властной элитой в кризисные моменты. Хрестоматийными примерами здесь выступают работы В. А. Тишкова [2001, 2003], М. Н. Губогло [2003], Л. М. Дробижевой [2003]. Примордиалистские версии подвергаются жесткой критике и вытесняются на периферию научного дискурса. Современный научный дискурс

Варнавский Павел Кондратьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: WPK1@mail.ru.

Varnavsky Pavel Kondratievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: WPK1@mail.ru.

рассматривает процесс политизации этничности в терминологическом поле концепций национализма. Этнополитический дискурс в целом трактуется как результат конкуренции различных националистических проектов – от «российского гражданского» до «этнических» национализмов в республиках: «Ни один национализм не развивается вне противостояния другому... В некотором смысле это борьба всех против всех» [Миллер 1997: 4–5].

Несмотря на многозначность термина «национализм», научное сообщество сходится в его понимании как политической практики, используемой различными интерес-группами, включая этнокультурные меньшинства, в борьбе за власть и ресурсы. Политические цели националистов варьируются от требований автономии до стремления к суверенитету. Такой подход способствует распространению инструменталистских интерпретаций этничности, где она предстает политическим инструментом в борьбе элит. Согласно данной точке зрения, этничность порождается экономическими и политическими интересами групп [Рыбаков 2001: 109], а этническая мобилизация – процесс манипуляции обычаями и символами для создания неформальной политической организации [Там же: 110–111]. Этничность, таким образом, выступает как «политическая стратегия» доступа к ресурсам, контролируемым властью [Риггс 2000: 10], и рассматривается преимущественно как деструктивный потенциал, препятствующий позитивной интеграции.

Этничность исследуется в контексте инструменталистского использования в политическом дискурсе и наделяется высоким конфликтным потенциалом. Однако логика развития этнических процессов может интерпретироваться и в иной перспективе – как часть становления гражданского общества в России с ее этносоциальной мозаикой. Выступает ли этничность фактором дезинтеграции или, напротив, с ее помощью достигается позитивная интеграция на принципах полиэтничности? В социальном смысле этничность – значимый концепт повседневности, а в политическом – своего рода «каркас» для формирования гражданского общества. Для прояснения этих вопросов необходим анализ функций этничности и институциональных механизмов конструирования этнической идентичности. Логика развития этнополитических процессов в постсоветской Бурятии невозможно понять вне общего контекста, однако задачи данной работы ограничены анализом дискурса бурятской этничности как самостоятельного феномена. Он может интерпретироваться не только как следствие социально-экономических изменений, но и как процесс, обладающий собственной логикой возникновения смыслов, идей и систем ценностей.

Организационное оформление бурятского этнонационального движения: как этническая мобилизация обрела политические формы

Актуализация этничности и возникновение соответствующего дискурса в Бурятии, как и на всем постсоветском пространстве, приходится на конец 1980-х гг. Кризис и распад СССР обусловили поиск альтернативных идей для переоформления социального пространства. Отсутствие гражданского общества и неспособность советского социума к самоорганизации вне коммунистической доктрины привели к актуализации этноцентристских идей, способных сплотить отдельные сегменты социума для перераспределения власти. Наиболее осознанной манифестацией идентичности стала этничность, что привело к активизации этнонационалистического движения, инициированного интеллектуально-властными элитами титульных этносов.

Первой этнополитической организацией бурят можно считать объединение «Гэсэр» (март 1988 г.), на базе которого сформировалась группа бурятской интеллигенции. Обе организации ставили задачи воссоединения отторгнутых в 1937 г. территорий, повышения статуса автономной республики до союзной и возвращения наименования «Бурят-Монголия» [Хамутаев 2005: 228–229]. В 1990 г. возникла Бурят-монгольская народная партия (БМНП) с целью «возрождения бурят-монгольского народа ... и восстановления единой национальной государственности» [Крянев 1999: 27–28]. В феврале 1991 г. была образована Всебурятская Ассоциация Развития Культуры (ВАРК). В марте 1992 г. зарегистрировано Движение национального единства «Нэгэдэл». Наконец, в 1996 г. создан Конгресс Бурятского народа, претендовавший на роль выразителя политических интересов бурят и стремившийся влиять на государственные структуры для разработки «стратегии этнического выживания» [Егоров 1998: 55, 57]. К концу 90-х гг. деятельность Конгресса фактически прекратилась. Идейными преемниками Конгресса стали молодежные организации, такие как «Региональное объединение молодых ученых» (РОМУ) и правозащитное движение «Эрхэ». Они активно выступали против полити-

ки укрупнения бурятских автономных округов. РОМУ в 2005 г. инициировало открытое письмо президенту РФ с требованием территориальной реабилитации и сохранения автономного статуса округов, что привлекло внимание СМИ и вызвало негативную реакцию федеральных властей.

На протяжении рассматриваемого периода цели этноориентированных организаций сводились к следующему: реабилитация прав бурятского народа, восстановление национально-территориального единства, укрепление суверенитета республики, интеграция с Монголией, восстановление русско-бурятского паритета в органах власти и защита бурятских национальных образований. Конец 1980-х – 1990-е гг. стали периодом «классического» национализма, требующего совпадения политических и этнических единиц [Геллнер 1991: 24]. Бурятский национализм претендовал на максимальное расширение политических прав бурятской государственности, выступая принципом государственного строительства.

Важным результатом деятельности этнополитических организаций стала концептуализация политической программы бурятского национализма, включавшей идеологию политической реабилитации, признания бурят коренным этносом и предоставления им особого политического статуса, в частности через особый выборный режим для обеспечения паритетного представительства в парламенте.

Идеологема реабилитации подразумевает воссоединение этнической Бурятии и возвращение полиэтнотопонима «Бурят-Монголия». Раздел Бурят-Монгольской АССР 1937 г. рассматривается как первопричина проблем в национальном развитии, нарушившая консолидацию, культурные связи и приведшая к демографическим и языковым потерям [Строганова 2001: 59–60; Чимитдоржиев 2000: 30–31]. Изменение названия республики в 1958 г. также трактуется как противозаконное и направленное на изоляцию бурятской культуры [Как исчезла единая Бурят-Монголия... 2004: 105].

Этнонационализм видит причину деформации этничности в несправедливой политике власти. Соответственно, для позитивного развития необходимо восстановить политический статус-кво политическими мерами: объединением этноареала и возвращением прежнего названия. Только в рамках единой государственности возможно возрождение национальной культуры, а возвращение имени «бурят-монголы» открывает дорогу к этому возрождению [Вернуть название... 1998].

Придание бурятам статуса коренного народа является условием и следствием политической реабилитации и культурного возрождения, позволяя решать этнонациональные проблемы «на основе международного права» [Хамутаев 2005: 200]. Лидеры движения настаивали на применимости этого понятия исключительно к бурятам, считая неправомерным его распространение на русских. Буряты – «аборигенный, коренной народ», титульная нация [Найдаков 1997: 2; Хамутаев 2005: 205]. Юридическая институционализация этого понятия создавала бы основу для этнополитического ранжирования и особых политических привилегий, что вызывало критику со стороны официальной власти [Национальная политика... 1997: 2–3; Национальный вопрос... 2001: 116–117]. Проблема «коренных/некоренных народов» приобрела этнополитические коннотации, укрепляя в общественном мнении объективность такого деления и легитимизируя претензии на особые политические права [Хамутаев 2000: 88–89]. Дискурс этничности вел к этнизации политического сознания и иерархизации социально-политического пространства по этническому признаку.

Для бурятской общности предполагалось создание особого выборного режима для достижения национального паритета в органах власти. Лидеры движения видели главную проблему в «перекосах в кадровом формировании» и неспособности бурят влиять на судьбоносные решения парламента [Материалы... 1996: 163–164]. Целью было «восстановление паритета бурят и русских в парламенте», чтобы «в нашем парламенте было хотя бы 51 % бурят» [Хамутаев 2002; Материалы... 1996: 164]. Требования паритетного представительства и признания суверенитета республики базирующимся на национальном суверенитете бурятского народа выдвигались на протяжении 90-х гг. [Хамутаев 2005: 251–252, 259].

Таким образом, в последнее десятилетие XX в. дискурс бурятской этничности смещался в политическую сферу, происходила политизация этничности и этнизация политики. Это проявлялось, в частности, в предложениях по введению статуса гражданина Республики Бурятия на основе этнической принадлежности, чтобы увеличить число выборщиков-бурят [Материалы... 1996: 178]. Этнизация политического сознания проявилась и в предложении увязать избрание президента с голосованием более половины избирателей бурятской национальности [Национальный вопрос... 2001: 121], что

резко повысило бы политический вес одной этнической группы. Уровень этнизации был столь высок, что любые политические события интерпретировались сквозь призму этничности. Результаты выборов 1994 г. объяснялись «фактором этнокультурно-социального предпочтения» [Хамутаев 2005: 191]. Взгляд на этническую группу как на субъект политических прав стал привычным, проникая в программные документы и публичные заявления [Национальная политика... 1997: 2]. Бурятское национальное движение 1990-х гг. стремилось «конституировать этнические статусы» [Хамутаев 2005: 252], что в случае успеха привело бы к жесткой иерархизации общества по этнополитическому критерию. Однако данный конфликтогенный сценарий не реализовался, в т. ч. благодаря активному включению власти в этнический дискурс с курсом на деполитизацию этничности и актуализацию идеи территориальной гражданской общности на принципах межэтнической толерантности.

Репрезентация культурной самобытности вне политического контекста: как объективация культуры позволила деконструировать политизированную этничность

Экспертное сообщество склонно рассматривать этничность как механизм этнополитической мобилизации. Конструктивисты призывают к вытеснению этничности из публичного дискурса, а эссенциалисты отстаивают институт национального государства. В обоих случаях этничность подается в политизированном ключе. Исследователи обычно сосредотачиваются на трех типах акторов: этнических политических организациях (оппозиционных), общественных организациях в сфере культуры и государственных структурах, регулирующих этнокультурное развитие.

Деятельность последних вызывает меньший интерес, что объясняется традицией противопоставления этноориентированных образований государству. Считается, что первые занимаются мобилизацией этничности для борьбы за ресурсы, а государство стремится к гомогенности. Действительно, в бурятском дискурсе развитие этнических процессов постсоветского периода связывается с деятельностью организаций гражданского общества: БМНП, ВАРК, «Нэгэдэл», Конгресса бурятского народа, а не государственных структур.

Однако государство не менее заинтересовано в этнической мобилизации, но логика этой мобилизации направлена на снижение этнополитического накала и ослабление этноцентризма. В дискурсе официальной власти актуализируется общегражданская идентичность, республиканский («общепурятский») уровень в ущерб этнокультурным ценностям. «Концепция государственной национальной политики РБ» декларирует примат равенства прав человека независимо от национальности [Концепция... 1997]. В выступлениях подчеркивается важность формирования «чувства местного патриотизма» и общенациональной консолидации [Материалы... 2001: 14, 20, 32–33]. Целью провозглашается «формирование и культивирование идей духовного сотрудничества населения» и консолидации «многонационального народа Бурятии» [Концепция...]. Официальный дискурс культивирует многоуровневую модель гражданской идентичности и практику мультикультурализма [Материалы... 2001: 47], понимаемого как политика поддержки культурной специфики [Тишков 2003: 235], осуществляемая на примордиалистской основе.

Актуализация этничности используется разными акторами с разными целями. В 1990-е гг. общество переживало пик этнополитической мобилизации с дискурсом национального самоопределения. С началом XXI в. розыгрыш этнонациональной карты в политических целях стал затруднен, но дискурс этничности не исчез, а локализовался в культурном сегменте в рамках национально-культурного возрождения. Претензии на политическую институционализацию трансформировались в интенцию к построению мультикультурного общества с подчеркиванием значимости своей этнической культуры.

Эта тенденция ярко проявилась в рамках праздничной фестивальной культуры, инициатором которой выступила официальная власть, перехватившая инициативу у этнонационалистов. Проведенные этнические фестивали можно отнести к феномену «изобретения традиций», способствующему объективации и реификации бурятской этничности – восприятию продуктов человеческой деятельности как объективной реальности [Бергер, Лукманн 1995: 147].

В начале XXI в. в Бурятии проведен ряд знаковых этнокультурных акций: международный фестиваль «Одежда монголов мира» (март 2005 г.), фестиваль национальных театров «Желанный берег» (октябрь – ноябрь 2005 г.), I Международные Байкальские игры коренных народов «Roots/Корни» (февраль 2006 г.) и международный бурятский национальный фестиваль «Алтаргана» (июнь – июль

2006). Эти мероприятия очертили пространство конструирования этничности. Фестиваль «Одежда монголов мира» был направлен на объединение монголоязычных народов [Фестиваль монгольской одежды...]. Фестиваль «Желанный берег» с темой «Лики Чингисхана» стремился «оживить историческую память народов» [Дневник...]. I Байкальские игры «Roots/Корни» ставили целью возрождение национальных видов спорта и гармонизацию межэтнических отношений [I Международные... 2006].

Особое место занимает фестиваль «Алтаргана», проводящийся с начала 90-х гг. Масштабная программа «Алтарганы-2006» включала конкурсы исполнителей, фольклорных коллективов, триатлон «эрынгурбаннаадан», конкурс «Дангина», научную конференцию и др. [О Международном...]. Цели фестиваля – «консолидация всего бурятского народа» и содействие «возрождению и развитию традиционной культуры бурят» [Там же]. Его периодичность и содержание превращают «Алтаргану» в эффективный инструмент воспроизводства этничности, который натурализуется и становится частью «традиционной» культуры. Институциональный мир этничности начинает восприниматься как объективная реальность [Бергер, Лукманн 1995: 99, 101, 154].

Доминирующую роль в институциональном поле конструирования бурятской этничности стали играть государственно-управленческие структуры республики. Организаторами крупных этнокультурных мероприятий выступали министерства культуры, образования, спорта, администрации районов, а оргкомитет «Алтарганы-2006» возглавлял лично президент Бурятии. Из общественных организаций была заметна лишь ВАРК, работающая в тесном контакте с властями. Стратегические цели ассоциации коррелируют с этнокультурной политикой РБ.

Этнические активисты затрачивают значительные усилия на сохранение этнической идентичности перед угрозой глобализации. Фестиваль «Желанный берег» призван противостоять «угрозе унификации самобытных народов» [Угарова]. Игры «Roots/Корни» символизируют «единение всех коренных народов Севера» [I Международные... 2006]. «Алтаргана» – «символ объединения бурятского этноса», свидетельствующий о «жизненной силе народа, имеющего глубокие этнические корни» [О Международном...].

При этом этничность выполняет не только функцию поддержания группового самосознания через конструирование границ, но и «интегративную» функцию консолидации общества. «Алтаргана» позиционируется как «праздник бурят», являющийся «связующим звеном в укреплении дружбы и сотрудничества между народами» и открытый для представителей всех национальностей [Положение о проведении...]. Театральный фестиваль стал «примером объединения народов под знаменем театрального искусства» [Дневник... 2006]. Игры «Roots/Корни» нацелены на «гармонизацию межэтнических и межнациональных отношений» и признание Бурятии «территорией, объединяющей усилия народов в области сохранения мира и согласия» [I Международные... 2006; Президент Бурятии направил...].

Достаточно очевидно, что во всех приведенных выше примерах актуализация этничности совершенно лишена какого-либо конфликтного потенциала и направлена не на создание границ и барьеров, а, напротив, на консолидацию полиэтнического сообщества. Более того, здесь совершенно отчетливо проявляется процесс *деполитизации* этничности. Действительно, анализируемый материал свидетельствует о возникшей тенденции исключения из рассматриваемого дискурса темы «национального самоопределения этносов», а актуализация этничности осуществляется в сугубо (социо)культурном ключе. При этом политическая составляющая этноконструирования не исчезает вовсе, но кардинально трансформируется: риторика этнополитической мобилизации сменяется стремлением актуализировать важность собственно культурного развития «этноса», а меняющийся политический подтекст задает логику движения к позитивной консолидации локального сообщества.

Выводы: от культурного размежевания к позитивной консолидации

Таким образом, процесс мобилизации этничности в постсоветский период пережил две стадии. С конца 1980-х и до конца 1990-х гг. он носил политико-мобилизационный характер с доминирующей тенденцией этнизации политической жизни. В это время возникли и оформились этнополитические организации, разработавшие доктрину бурятского национализма. На рубеже XX–XXI вв. в России наметилась обратная тенденция: титульная этничность все больше воспроизводилась посредством (социо)культурных практик, а ее публичные репрезентации лишились прежнего этномобили-

зационного содержания. В рамках дискурса этничности конструируется региональная (республиканская) идентичность, принципиальными характеристиками которой являются высокая толерантность к культурной инаковости и достаточно выраженная индифферентность по отношению к «классическим» этнополитическим проблемам (национальное самоопределение народов, соотношение политического статуса «коренного» и «некоренного» населения).

Имея в виду специфику российской политической культуры, для которой характерен взгляд на этничность как на неотъемлемый компонент социально-политического пространства, а этническая категоризация имеет далеко идущие политические последствия, и для которой характерна неукорененность «классических» западных схем политической самоорганизации населения, можно предположить, что описанная стратегия конструирования локальной идентичности преследует своей целью построение некоего аналога гражданского общества, где (поли)этничность выступает в качестве значимого механизма интеграции населения. Можно сказать, что данная стратегия представляет собой ответ территориального сообщества на внешний вызов, порожденный общероссийским процессом постсоветской модернизации.

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=165022388&page=1&rdk=1#I0 (дата обращения: 08.04.2026).

Национальная политика и социально-экономическое развитие РБ (доклад Президента РБ Л. В. Потапова, на съезде народов РБ) // Бурятия. – 1997. – 8 апр. – С. 2.

I Международные Байкальские игры коренных народов стартуют 17 февраля в Тунке [Электронный ресурс] // Восток ТелеИнформ. – 15.02.2006. – Режим доступа: <https://vtinform.com/news/138/35367/> (дата обращения: 19.09.2019).

VII Международный бурятский национальный фестиваль «Алтаргана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narodru.ru/events4320.html> (дата обращения: 08.10.2019).

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995 – 321 с.

Вернуть название «Бурят-Монголия» / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ, 1998. – 60 с.

Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 126 с.

Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциальные очерки / М. Н. Губогло. – М., 2003. – 774 с.

Дневник Первого кочевого Международного театрального фестиваля «Желанный берег» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culture.e-baikal.ru/news?record_id=146 (дата обращения: 23.07.2012).

Дробижеева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижеева. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 376 с.

Егоров Е. М. Конгресс бурятского народа – фактор демократизации республики / Е. М. Егоров // Проблемы истории и культурно-национального строительства в республике Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 54–57.

Как исчезла единая Бурят-Монголия (1937 и 1958 годы) / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. – 164 с.

Крянев Б. П. Бурятия политическая: политические партии, общественно-политические движения, блоки и организации 1990–1999 гг. / Б. П. Крянев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999. – 234 с.

Материалы II съезда народов Бурятии (14–15 декабря 2000 г.). – Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2001. – 159 с.

Материалы всебурятского съезда по консолидации и духовному возрождению нации (22–24 февраля 1991 г.). – Улан-Удэ, 1996. – 212 с.

Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов [Электронный ресурс] / А. И. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141–151. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения: 14.07.2018).

Найдаков В. Ц. Проблемы национально-культурного развития народов Республики Бурятия / В. Ц. Найдаков / Бурятия. – 1997. – 10 апр. – С. 2.

Национальный вопрос и право в Татарии, Саха (Якутии) и Бурятии: теория и практика // Материалы II съезда народов Бурятии. – Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 2001. – С. 115–122.

Положение о проведении конкурса красоты «Дангина» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://altargana.narod.ru/konkursy/konkurs02.html> (дата обращения: 19.09.2019).

Президент Бурятии направил приветствие участникам Байкальских игр коренных народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baikalinform.ru/index.php?IdAction=docs&Event=read&id=25080> (дата обращения: 14.07.2018).

О Международном бурятском национальном фестивале «Алтаргана – 2006» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.altargana.narod.ru/index.html (дата обращения: 04.11.2012).

Риггс Ф. Аспекты содержания этничности / Ф. Риггс // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. – М.: УРАО, 2000. – 395 с.

Рыбаков С. Е. Философия этноса / С. Е. Рыбаков. – М.: ИПК Госслужбы, 2001. – 360 с.

Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия) / Е. А. Строганова. – М.; Иркутск: Наталис, 2001. – 150 с.

Тишков В. А. Этничность / В. А. Тишков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – С. 482–484.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 2003. – 542 с.

Угарова Я. Азиатские театры о Человеке тысячелетия [Электронный ресурс] / Я. Угарова. – Режим доступа: http://www.ysia.ru/print.asp?id=031105_08 (дата обращения: 17.07.2018).

Фестиваль монгольской одежды объединит монголоязычные народы России и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fashionista.ru/lifestyle/culture/mongol_dress.htm (дата обращения: 07.11.2012).

Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика / В. А. Хамутаев. – Улан-Удэ, 2000. – 278 с.

Хамутаев В. А. Национальное движение в Бурятии (1985–1998 гг.): дис. ... канд. ист. наук / В. А. Хамутаев. – Улан-Удэ, 2002. – 184 с.

Хамутаев В. А. Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. / В. А. Хамутаев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 292 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ, 2000. – 128 с.

References

Koncepciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Respubliki Buryatiya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=165022388&page=1&rdk=1#I0 (data obrashcheniya: 08.04.2026).

Nacional'naya politika i social'no-ekonomicheskoe razvitie RB (doklad Prezidenta RB L. V. Potapova, na s'ezde narodov RB) // Buryatiya. – 1997. – 8 apr. – S. 2.

I Mezhdunarodnye Bajkal'skie igry korennyh narodov startuyut 17 fevralya v Tunke [Elektronnyj resurs] // Vostok TeleInform. – 15.02.2006. – Rezhim dostupa: <https://vtinform.com/news/138/35367/> (data obrashcheniya: 19.09.2019).

VII Mezhdunarodnyj buryatskij nacional'nyj festival' «Altargana» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.narodru.ru/events4320.html> (data obrashcheniya: 08.10.2019).

Berger P. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman; per. E. Rutkevich. – M.: Medium, 1995 – 321 s.

Vernut' nazvanie «Buryat-Mongoliya» / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. – Ulan-Ude, 1998. – 60 s.

Gellner E. Nacii i nacionalizm / E. Gellner. – M.: Progress, 1991. – 126 s.

Guboglo M. N. Identifikaciya identichnosti. Etnosocial'nye ocherki / M. N. Guboglo. – M., 2003. – 774 s.

Dnevnik Pervogo kochevogo Mezhdunarodnogo teatral'nogo festivalya «Zhelannyj bereg» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://culture.e-baikal.ru/news?record_id=146 (data obrashcheniya: 23.07.2012).

Drobizheva L. M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetsoj Rossii / L. M. Drobizheva. – M.: Institut sociologii RAN, 2003. – 376 s.

Egorov E. M. Kongress buryatskogo naroda – faktor demokratizacii respubliki / E. M. Egorov // Problemy istorii i kul'turno-nacional'nogo stroitel'stva v respublike Buryatiya. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1998. – S. 54–57.

Kak ischezla edinaya Buryat-Mongoliya (1937 i 1958 gody) / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. – 2-e izd., dop. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2004. – 164 s.

Kryanev B. P. Buryatiya politicheskaya: politicheskie partii, obshchestvenno-politicheskie dvizheniya, bloki i organizacii 1990–1999 gg. / B. P. Kryanev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1999. – 234 s.

Materialy II s'ezda narodov Buryatii (14–15 dekabrya 2000 g.). – Ulan-Ude: Buryaad Ynen, 2001. – 159 s.

Materialy vseburyatskogo s'ezda po konsolidacii i duhovnomu vozrozhdeniyu natsii (22–24 fevralya 1991 g.). – Ulan-Ude, 1996. – 212 s.

Miller A. I. O diskursivnoj prirode nacionalizmov [Elektronnyj resurs] / A. I. Miller // Pro et Contra. – 1997. – T. 2. – № 4. – S. 141–151. – Rezhim dostupa: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (data obrashcheniya: 14.07.2018).

Najdakov V. C. Problemy nacional'no-kul'turnogo razvitiya narodov Respubliki Buryatiya / V. C. Najdakov / Buryatiya. – 1997. – 10 apr. – S. 2.

Nacional'nyj vopros i pravo v Tatarii, Saha (Yakutii) i Buryatii: teoriya i praktika // Materialy II s'ezda narodov Buryatii. – Ulan-Ude: Buryaad Ynen, 2001. – S. 115–122.

Polozhenie o provedenii konkursa krasoty «Dangina» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://altargana.narod.ru/konkursy/konkurs02.html> (data obrashcheniya: 19.09.2019).

Prezident Buryatii napravil privetstvie uchastnikam Bajkal'skih igr korennyh narodov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.baikalinform.ru/index.php?IdAction=docs&Event=read&id=25080> (data obrashcheniya: 14.07.2018).

O Mezhdunarodnom buryatskom nacional'nom festivale «Altargana – 2006» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.altargana.narod.ru/index.html (data obrashcheniya: 04.11.2012).

Riggs F. Aspekty sodержaniya etnichnosti / F. Riggs // Etnos i politika: hrestomatiya / avt.-sost. A. A. Prazauskas. – M.: URAO, 2000. – 395 s.

Rybakov S. E. Filosofiya etnosa / S. E. Rybakov. – M.: IPK Gossulzhby, 2001. – 360 s.

Stroganova E. A. Buryatskoe nacional'no-kul'turnoe vozrozhdenie (konec 80-h – seredina 90-h go-dov XX veka, Respublika Buryatiya) / E. A. Stroganova. – M.; Irkutsk: Natalis, 2001. – 150 s.

Tishkov V. A. Etnichnost' / V. A. Tishkov // Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. T. 4 / pod red. V. S. Stepina. – M.: Mysl', 2001. – S. 482–484.

Tishkov V. A. Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii / V. A. Tishkov; Ros. akad. nauk. In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya. – Moskva: Nauka, 2003. – 542 s.

Ugarova Ya. Aziatskie teatry o Cheloveke tysyacheletiya [Elektronnyj resurs] / Ya. Ugarova. – Rezhim dostupa: http://www.ysia.ru/print.asp?id=031105_08 (data obrashcheniya: 17.07.2018).

Festival' mongol'skoj odezhdy ob'edinit mongoloyazychnye narody Rossii i mira [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.fashionista.ru/lifestyle/culture/mongol_dress.htm (data obrashcheniya: 07.11.2012).

Hamutaev V. A. Buryat-mongol'skij vopros: istoriya, pravo, politika / V. A. Hamutaev. – Ulan-Ude, 2000. – 278 s.

Hamutaev V. A. Nacional'noe dvizhenie v Buryatii (1985–1998 gg.): dis. ... kand. ist. nauk / V. A. Hamutaev. – Ulan-Ude, 2002. – 184 s.

Hamutaev V. A. Buryatskoe nacional'noe dvizhenie. 1980–2000-e gg. / V. A. Hamutaev. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2005. – 292 s.

Chimitdorzhiev Sh. B. Buryat-mongoly: istoriya i sovremennost' (ocherki). Razdum'ya mongoloveda / Sh. B. Chimitdorzhiev. – Ulan-Ude, 2000. – 128 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026;

одобрена после рецензирования: 26.06.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 10.06.2026;

approved after reviewing: 26.06.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Е. А. Сергеева**ПРИМЕНЕНИЕ ИИ-ИНСТРУМЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОПЫТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
г. УЛАН-УДЭ**

В условиях цифровой трансформации образования инструменты искусственного интеллекта все активнее проникают в практику изучения иностранных языков, однако степень и характер их использования учащимися разных возрастных групп остаются малоизученными. Статья посвящена сопоставлению глобальных возможностей применения ИИ-инструментов в изучении английского языка с реальным опытом их использования старшеклассниками г. Улан-Удэ. На основе аналитического обзора литературы и экспертной оценки, опирающейся на собственный опыт работы с нейросетями, выделены три возможные поведенческие модели пользователей ИИ (пассивный, активный, продвинутый), положенные в основу анкеты. Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса старшеклассников г. Улан-Удэ (двухуровневая гнездовая выборка, общее число респондентов 594). Результаты опроса показали, что старшеклассники не в полном объеме реализуют существующие возможности ИИ-инструментов, а также выявили расхождение между фактически доминирующей в их среде моделью активного пользователя (ИИ как вспомогательный инструмент) и мотивационной самоидентификацией в качестве продвинутых пользователей (ИИ как учебный агент, содействующий саморазвитию). Данное расхождение интерпретируется как симптом недостаточной сформированности у старшеклассников целостной культуры академического использования ИИ.

Ключевые слова: ИИ-инструменты, изучение английского языка, поведенческие модели пользователей, старшеклассники, глобальные возможности, провинциальные реалии.

Для цитирования: Сергеева Е. А. Применение ИИ-инструментов в изучении английского языка: глобальные возможности и опыт старшеклассников г. Улан-Удэ // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 1(4). – С. 107–113. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-107-113

Е. А. Sergeeva**THE USE OF AI TOOLS IN LEARNING ENGLISH:
GLOBAL CAPABILITIES AND REAL-LIFE EXPERIENCE
OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN ULAN-UDE**

In the context of the digital transformation of education, artificial intelligence tools are increasingly penetrating into the practice of learning foreign languages, but the extent and nature of their use by students of different age groups remain poorly understood. This article compares the global capabilities of using AI tools in learning English with the real-life experience of high school students in Ulan-Ude. Based on an analytical review of the literature and an expert assessment grounded in the author's firsthand experience with AI tools, three potential behavioral models of AI users (passive, active, advanced) were identified and used as the basis for the questionnaire. The empirical base of the study comprised data from a sociological survey of high school students in Ulan-Ude (two-stage cluster sampling, total number of respondents: 594). The survey results indicate that high school students do not fully realize the existing capabilities of AI tools. The findings also reveal a discrepancy between the behavioral model actually dominant in this group – the active user model (AI as an auxiliary tool) – and the respondents' motivational self-identification as advanced users (AI as a learning agent facilitating self-development). This discrepancy is interpreted as a symptom of an insufficiently developed holistic culture of academic AI use among high school students.

Keywords: AI tools, learning English, user behavioral models, high school students, global capabilities, provincial realities.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью ИИ-технологий в жизни мирового сообщества. В последние годы инструменты искусственного интеллекта стремительно проникают во все сферы образования, в частности в изучение иностранных языков. Однако скорость внедрения ИИ-технологий в образовательную практику значительно опережает теоретическое осмысление этого

Сергеева Елизавета Алексеевна – независимый исследователь (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sergeeva434323@yandex.ru.

Sergeeva Elizaveta Alekseevna – Independent Researcher (Ulan-Ude, Russia). E-mail: sergeeva434323@yandex.ru.

процесса. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос о соотношении потенциальных возможностей искусственного интеллекта и реального опыта его применения учащимися. Это актуализирует потребность в эмпирических исследованиях, сфокусированных на конкретных практиках использования ИИ-инструментов обучающимися разных возрастных групп.

Проблема использования искусственного интеллекта в образовании получила широкий резонанс в мировом научном сообществе, о чем, в частности, свидетельствует представленный в статье Дж. Гарзона и др. систематический обзор 155 рецензируемых эмпирических исследований, посвященных использованию ИИ в образовании, за 2015–2025 гг. [Garzón, Patiño, Marulanda 2025]. Научные исследования в этой области носят преимущественно психолого-педагогический характер и представлены несколькими тематическими блоками. В-первых, это исследования, посвященные методическим проблемам трансформации образовательного процесса в связи с внедрением искусственного интеллекта: изменению роли преподавателя, персонализации и адаптивности обучения и т. п. [Mamatqulov 2025; Шаврин 2024; Дуюн и др. 2023]. Во-вторых, труды, затрагивающие этические и поведенческие проблемы обучающихся: поиск способов «обойти систему», снижение критического мышления, отсутствие агентности обучающихся [Дуюн и др. 2023; Бугаева, Козырева 2025; Кукуев и др. 2025]. В-третьих, это работы, касающиеся социально-экономических аспектов проблемы применения ИИ-методов в образовании, например «цифрового неравенства», когда наличие платных версий нейросетей создает риск дифференциации доступа к образовательным ресурсам в зависимости от материального положения [Mamatqulov 2025].

Надо отметить, что существующие публикации рассматривают применение ИИ-инструментов главным образом с позиции преподавателя и не фокусируются на субъектном восприятии обучающимися использования ИИ в учебной деятельности. Кроме того, основной массив научных работ ориентирован на систему высшего образования, тогда как уровень школьного образования (старшеклассники) практически не становится предметом исследования*, несмотря на высокую восприимчивость данной возрастной группы к цифровым инновациям. Несмотря на отмеченный с 2022 г. рост исследовательской активности в рассматриваемой области, углубленное теоретическое осмысление проблемы требует проведения дополнительных эмпирических исследований.

Цель данного исследования – сопоставить глобальные возможности применения ИИ-инструментов в изучении английского языка с реальным опытом их использования старшеклассниками г. Улан-Удэ.

Материалы и методы

Под ИИ-инструментами, применяемыми в изучении английского языка, мы имеем в виду генеративные нейросети (ChatGPT, DeepSeek, Gemini, Алиса AI), системы автоматической проверки письменных работ (Grammarly), интеллектуальные системы тренировки произношения (Elsa Speak) и чат-боты для языковой практики.

На первом этапе исследования нами выделены поведенческие модели пользователей ИИ при изучении английского языка, отражающие степень реализации возможностей применения ИИ-инструментов. Выделение моделей пользователей ИИ осуществлялось методом теоретического моделирования на основе: а) аналитического обзора научной литературы, фиксирующей реальные практики использования ИИ в обучении, в т. ч. иностранным языкам; б) экспертной оценки возможностей нейросетей, основанной на собственном практическом опыте работы с ними.

Теоретической основой для выделения моделей пользователей ИИ послужили фундаментальные положения психологии, в соответствии с которыми ключевыми компонентами и детерминантами поведенческого акта являются мотивация и действие [Рубинштейн 2002]. Под «мотивацией» понимается система внутренних и внешних мотивов, заставляющих человека поступать определенным образом: мотив как потребность (почему?), как цель (для чего?) и как побуждение (из-за чего?) [Ильин 2002: 58]. «Действие» в данном случае рассматривается в разрезе основных видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и грамматических навыков. В зависимости от действий и мотивации, лежащей в их основе, нами были выделены три модели пользователей ИИ при изучении английского языка (помимо тех, кто вообще не использует искусственный интеллект в своей учебной деятельности): пассивный, активный и продвинутый пользователи (табл.). На основе выделенных моделей пользователей ИИ и их характеристик составлена анкета для проведения социологического опроса.

* По соответствующему запросу на платформе eLIBRARY.ru обнаружены две релевантные статьи, содержащие результаты опросов, в которых приняли участие школьники [Краковская 2025; Скрипкин 2025].

Таблица

Поведенческие модели пользователей ИИ и их характеристика

Поведенческая модель пользователя		Пассивный пользователь (ИИ – генератор ответов)	Активный пользователь (ИИ – инструмент)	Продвинутый пользователь (ИИ – учебный агент)
Общая характеристика		Использует ИИ для выполнения домашнего задания	Использует ИИ не только для выполнения домашнего задания, но и для других целей (например, для работы с репетитором). Формирует четкие инструкции по выполнению задания	В основном использует ИИ при работе с репетитором или при самостоятельном изучении языка, иногда при выполнении домашнего задания. Формирует четкие инструкции по выполнению задания
Действие (с примерами заданий)	Аудирование	Неприменимо к ИИ		
	Говорение (описать картинку; составить краткий рассказ)	Не практикует	Не практикует	Использует ИИ как грамотного собеседника, способного исправить речевые ошибки
	Чтение (вставить пропущенные слова в текст; выявить основную мысль абзаца/текста)	Дает ИИ задание, полученный результат не проверяет	Выполняет часть работы самостоятельно, а часть (как правило, при возникновении трудностей) – передает ИИ	Выполняет работу самостоятельно. ИИ использует для проверки выполненного задания, уточняет непонятные аспекты (грамматические структуры, незнакомые слова и др.)
	Письмо (написать эссе/письмо)		Самостоятельно составляет основу текста (тезисы), дает ИИ задание сформировать окончательный вариант текста	Самостоятельно составляет текст, дает ИИ задание проверить текст на наличие ошибок, при необходимости – их объяснить
	Грамматика (поставить корректную грамматическую структуру; преобразовать слово из одной части речи в другую)		Выполняет часть работы самостоятельно, а часть (как правило, при возникновении трудностей) – передает ИИ	Выполняет работу самостоятельно. ИИ использует для проверки выполненного задания, уточняет непонятные аспекты (грамматические структуры, незнакомые слова и др.), просит ИИ дать задание на отработку материала
Мотивация	Потребность (почему?)	Потребность в мгновенном готовом ответе	Потребность в быстром выполнении задач, которые сам обучающийся выполнить не может	Потребность в компетентной проверке своих навыков
	Цель (для чего?)	Для выполнения работы вместо себя	Для получения помощи в работе	Для саморазвития и совершенствования навыков
	Побуждение (из-за чего?)	Нежелание тратить время на изучение иностранного языка	Нежелание тратить время на самостоятельный разбор сложных структур и заданий	Желание усовершенствовать свои навыки в удобном для себя формате (мгновенный фидбэк, персонализация и др.)

На втором этапе проведен социологический опрос (онлайн-анкетирование) старшеклассников общеобразовательных школ г. Улан-Удэ с целью выявления в их среде доминирующей поведенческой модели. Генеральную совокупность составили учащиеся 10–11-х классов 56 общеобразовательных школ города*. Формирование выборочной совокупности осуществлялось на основе двухуровневой гнездовой выборки. На первом уровне единицами отбора стали административные районы города (гнезда первого уровня): Железнодорожный, Октябрьский и Советский, на втором – школы внутри районов (гнезда второго уровня). Количество школ, включенных в выборку, определялось пропорционально общему числу школ, функционирующих в каждом из административных районов города, отбор конкретных школ внутри каждого района производился случайным образом. Всего для участия в опросе было отобрано 14 школ. Итоговая выборочная совокупность составила 594 респондента. Выборка представлена учащимися в возрасте от 15 до 17 лет включительно.

Результаты и обсуждение

Результаты опроса показали, что почти 2/3 старшеклассников г. Улан-Удэ применяют ИИ-инструменты при изучении английского языка: 64,3 % респондентов ответили, что обращаются к ИИ при выполнении домашнего задания по английскому языку, самостоятельном изучении языка и др., тогда как 35,7 % не обращаются к нему.

Наиболее востребованными среди старшеклассников г. Улан-Удэ ИИ-инструментами являются универсальные генеративные нейросети, такие как ChatGPT (69,7 %) и «Алиса AI» (62,6 %). Из ИИ-инструментов, специализирующихся на обучении иностранному языку, старшеклассники используют Duolingo (36,7 %), в значительно меньшей степени – узкоспециализированные сервисы, такие как Elsa Speak (интеллектуальная система тренировки произношения) – 2,2 %, Grammarly (система автоматической проверки письменных работ) – 1,7 %.

Почти половина старшеклассников (48,8 %) указала, что обращается к ИИ-инструментам, прежде всего, для выполнения домашнего задания. Примерно 1/3 опрошенных (33 %) отметила, что использует ИИ при работе с репетитором, при самостоятельном изучении языка и лишь иногда – для выполнения домашнего задания.

Говоря о применении старшеклассниками ИИ-инструментов в разрезе основных видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и грамматических навыков, необходимо отметить следующее. 23,4 % респондентов используют ИИ в качестве грамотного собеседника, способного исправить речевые ошибки (говорение/*speaking*). Однако большинство старшеклассников (76,6 %) все-таки не применяют ИИ для развития устной речи. При выполнении заданий на развитие навыков чтения (*reading*) – вставить пропущенные слова в текст, выявить основную мысль абзаца или текста – 10,9 % опрошенных полностью делегируют выполнение подобного задания ИИ. Остальные же обращаются к ИИ либо при возникновении трудностей (30,8 %), либо для проверки выполненного задания и уточнения непонятных аспектов (20,2 %). 38 % опрошенных отметили, что вообще не обращаются к ИИ при выполнении таких заданий. При выполнении заданий на развитие навыков письма (*writing*), например написать эссе, полностью передают это задание ИИ 10,8 % респондентов, обращаются к ИИ при возникновении трудностей – 27,6, используют ИИ для проверки выполненного задания – 21,4, не обращаются к ИИ – 40,2 %. При выполнении грамматических заданий не обращаются к ИИ 48,7 % опрошенных, обращаются при возникновении трудностей – 22,7, обращаются при необходимости проверки – 16,5, полностью делегируют задание ИИ – 12,1 %.

Что касается мотивационной составляющей, лежащей в основе рассмотренных выше действий, исследование показало следующее. В качестве потребности использования ИИ при изучении английского языка старшеклассники отметили: получение мгновенного готового ответа либо быстрое выполнение задач, которые самостоятельно выполнить не смог / не захотел (33,9 %), компетентную проверку своих навыков (30,3 %), остальные (35,9 %) отметили, что не используют ИИ. Целевые установки распределились следующим образом: получение помощи в работе – 32 %, саморазвитие и усо-

* Информация о количестве школ взята: Официальный сайт Администрации г. Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ulan-ude-eg.ru/vlast/administratsiya-goroda/struktura-i-sostav/komitet-po-obrazovaniyu/subp/> (дата обращения: 20.04.2026).

вершенствование навыков – 25,4, выполнение работы вместо себя – 8,4, не используют ИИ – 34,2 %. Основной причиной использования ИИ старшеклассники назвали желание усовершенствовать свои навыки в удобном для себя формате – 40,4 %, нежелание тратить время на самостоятельный разбор сложных структур и заданий – 17,3, нежелание тратить время на изучение иностранного языка вообще – 6,6 %.

Полученные данные выявляют определенное противоречие между заявляемыми старшеклассниками мотивами и их реальными практиками использования ИИ. Указанное старшеклассниками в качестве основной причины обращения к ИИ-инструментам желание усовершенствовать свои навыки (40,4 %) противоречит данным, полученным при ответах на некоторые другие вопросы. Так, фактическое применение ИИ часто не выходит за рамки выполнения домашнего задания (48,8 %), что не вполне соотносится с желанием совершенствовать свои навыки. Также наблюдается разногласие и в самих мотивах: саморазвитие как цель указала лишь четверть респондентов (25,4 %), тогда как большинство отметили, что применяют ИИ для выполнения работы вместо себя и для получения помощи в работе – 8,4 и 32 % соответственно. К тому же для развития говорения (*speaking*) к ИИ обращаются лишь 23,6 % старшеклассников, хотя именно устная речь является ключевым навыком, с которым обычно ассоциируется «совершенствование» языка. К этому стоит добавить, что среди старшеклассников лидируют универсальные генеративные нейросети (ChatGPT, Алиса AI), узкопрофильные же инструменты (Elsa Speak, Grammarly) ими почти не используются, в то время как именно они непосредственно служат цели совершенствования навыков.

Данное расхождение может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, эффектом социальной желательности. Отвечая на вопрос о мотивах, старшеклассник склонен давать социально одобряемые ответы, завышая значимость «саморазвития». Во-вторых, нельзя исключать и тот момент, что некоторые старшеклассники могут воспринимать использование генеративных нейросетей для проверки или корректировки домашнего задания как часть процесса совершенствования навыков и саморазвития. В-третьих, старшеклассники могут воспринимать универсальные генеративные ИИ как достаточные для саморазвития в силу своей слабой цифровой грамотности и неосведомленности о существовании узкоспециализированных сервисов.

Ответы на вопросы, касающиеся использования ИИ в разрезе учебных действий и мотивации, полностью подтверждают выявленное соотношение использующих и не использующих ИИ: более половины старшеклассников, практически 2/3, регулярно обращаются к ИИ, 1/3 же не использует ИИ-инструменты при изучении английского языка. Также стабилен показатель, касающийся полного делегирования ИИ различных видов заданий: 10 % старшеклассников полностью передают ИИ задания по чтению, письму и грамматике.

В целом при выполнении заданий на говорение, чтение, письмо и грамматику среди старшеклассников г. Улан-Удэ доминирует модель активного пользователя: использование ИИ носит преимущественно инструментально-вспомогательный характер, к ИИ обращаются прежде всего как к инструменту при выполнении домашнего задания, реже – для других целей (например, при работе с репетитором или при самостоятельном изучении). Анализ мотивационной составляющей показывает, что старшеклассники по большей части позиционируют себя как продвинутых пользователей, однако эта модель, предполагающая использование ИИ в качестве учебного агента, как показано выше, не находит массового подтверждения в реальной практике (в среднем представлена около 20 % респондентов).

Заключение

Таким образом, сопоставление глобальных возможностей применения ИИ-инструментов в изучении английского языка с реальным опытом их использования старшеклассниками г. Улан-Удэ позволяет сделать следующие выводы.

Эмпирические данные подтверждают, что ИИ-технологии прочно вошли в образовательное пространство города, включая сферу изучения английского языка. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют о том, что старшеклассники г. Улан-Удэ не в полной мере реализуют существующие в мировой практике возможности ИИ-инструментов как на технологическом уровне, так и на культурно-пользовательском. На технологическом уровне это выражается в слабой осведомленности обучающихся о развитии ИИ-технологий. На уровне пользовательской культуры – в отсутствии понима-

ния того, каким именно образом ИИ-инструменты могут быть использованы для действительного совершенствования навыков владения английским языком.

Указанное расхождение между мировыми возможностями и локальными практиками конкретизируется в выявленном в ходе исследования противоречии между объективно доминирующей поведенческой моделью и субъективной мотивационной самоидентификацией респондентов. По характеру реальных учебных действий большинство старшеклассников тяготеет к модели активного пользователя (ИИ как вспомогательный инструмент), тогда как по заявляемой мотивации – к статусу продвинутого пользователя (ИИ как учебный агент, содействующий саморазвитию). Как следствие, поведенческая модель значительной части обучающихся носит смешанный, внутренне противоречивый характер. Выявленное противоречие может служить симптомом, указывающим на недостаточную сформированность в среде старшеклассников целостной культуры академического использования ИИ.

Литература

Бугаева Т. В. Влияние искусственного интеллекта на преподавание английского языка / Т. В. Бугаева, М. К. Козырева // Научный альманах. – 2025. – № 5-1(127). – С. 44–47.

Власов Р. А. Сравнительный анализ российских и зарубежных генеративных нейронных сетей для персонализации обучения на примере обучения английскому языку / Р. А. Власов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Информатизация образования. – 2025. – Т. 22. – № 2. – С. 233–246.

Гладкова Л. Н. Качественное исследование когнитивных предпочтений студентов при использовании искусственного интеллекта / Л. Н. Гладкова, У. Ю. Раведовская, Т. В. Семеновских // Science for Education Today. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 136–157.

Дуюн В. В. Отсутствие надобности в учителях английского? Как искусственный интеллект революционизирует изучение языков и угрожает традиционным методам обучения в ВУЗах? / В. В. Дуюн, А. О. Климова, Л. А. Хасянова, А. И. Шкитина // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. – 2023. – С. 203–211.

Ильин Е. П. Мотивация и мотивы: учеб. пособие / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.

Краковская Т. А. Искусственный интеллект: помощь или замена? / Т. А. Краковская, А. Д. Паленга // Цифровые технологии и математическое моделирование в науке, образовании и производстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. для преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной юбилею проф., почетного работника высшего профессионального образования РФ Я. М. Иванько. – Молодежный, 2025. – С. 231–237.

Кукуев Е. А. Исследовательские компетенции студентов в эпоху искусственного интеллекта / Е. А. Кукуев, Л. Н. Гладкова, О. В. Крежевских, А. Л. Фроленкова // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 3. – С. 55–71.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

Скрипкин И. Н. Языковые системы искусственного интеллекта в образовательном процессе: качество знаний обучающихся в контексте практик нейросетевого масштабирования учебного процесса / И. Н. Скрипкин, Д. А. Беляев, О. В. Селищев // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 5. – С. 601–617.

Шаврин Е. В. Роль искусственного интеллекта в преподавании английского языка / Е. В. Шаврин // Научный альманах. – 2024. – № 4-2(114). – С. 101–103.

Garzón J. Systematic Review of Artificial Intelligence in Education: Trends, Benefits, and Challenges / J. Garzón, E. Patiño, C. Marulanda // Multimodal Technologies and Interaction. – 2025. – Vol. 9. – No. 8. – P. 1–19. – DOI: 10.3390/mti9080084

Mamatqulov Sh. Integrating AI Tools in the English Classroom: Opportunities and Ethical Challenges / Sh. Mamatqulov // Молодой ученый года – 2025: сб. мат-лов конф. – 2025. – С. 94–98.

References

Bugaeva T. V. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na prepodavanie anglijskogo yazyka / T. V. Bugaeva, M. K. Kozyreva // Nauchnyj al'manah. – 2025. – № 5-1(127). – S. 44–47.

Vlasov R. A. Sravnitel'nyj analiz rossijskih i zarubezhnyh generativnyh nejronnyh setej dlya personalizacii obucheniya na primere obucheniya anglijskomu yazyku / R. A. Vlasov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Informatizaciya obrazovaniya. – 2025. – T. 22. – № 2. – S. 233–246.

Gladkova L. N. Kachestvennoe issledovanie kognitivnyh predpochtenij studentov pri ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta / L. N. Gladkova, U. Yu. Ravedovskaya, T. V. Semenovskih // Science for Education Today. – 2025. – T. 15. – № 4. – S. 136–157.

Duyun V. V. Otsutstvie nadobnosti v uchitelyah anglijskogo? Kak iskusstvennyj intellekt revolyucioniziruet izuchenie yazykov i ugrozhaet tradicionnym metodam obucheniya v VUZah? / V. V. Duyun, A. O. Klimova, L. A. Hasyanova, A. I. Shkitina // Sovremennye strategii i cifrovye transformacii ustojchivogo razvitiya obshchestva, obrazovaniya i nauki: mat-ly X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – 2023. – S. 203–211.

Il'in E. P. Motivaciya i motivy: ucheb. posobie / E. P. Il'in. – SPb.: Piter, 2002. – 512 s.

Krakovskaya T. A. Iskusstvennyj intellekt: pomoshch' ili zamena? / T. A. Krakovskaya, A. D. Palenga // Cifrovye tekhnologii i matematicheskoe modelirovanie v nauke, obrazovanii i proizvodstve: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. dlya prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov, posvyashchennoj yubileyu prof., pochetnogo rabotnika vysshego professional'nogo obrazovaniya RF Ya. M. Ivan'o. – Molodezhnyj, 2025. – S. 231–237.

Kukuev E. A. Issledovatel'skie kompetencii studentov v epohu iskusstvennogo intellekta / E. A. Kukuev, L. N. Gladkova, O. V. Krezhevskih, A. L. Frolenkova // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2025. – № 3. – S. 55–71.

Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii / S. L. Rubinshtejn. – SPb.: Piter, 2002. – 720 s.

Skripkin I. N. Yazykovye sistemy iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom processe: kachestvo znaniy obuchayushchihsya v kontekste praktik nejrosetevogo masshtabirovaniya uchebnogo processa / I. N. Skripkin, D. A. Belyaev, O. V. Selishchev // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2025. – № 5. – S. 601–617.

Shavrin E. V. Rol' iskusstvennogo intellekta v prepodavanii anglijskogo yazyka / E. V. Shavrin // Nauchnyj al'manah. – 2024. – № 4-2(114). – S. 101–103.

Garzón J. Systematic Review of Artificial Intelligence in Education: Trends, Benefits, and Challenges / J. Garzón, E. Patiño, C. Marulanda // Multimodal Technologies and Interaction. – 2025. – Vol. 9. – No. 8. – P. 1–19. – DOI: 10.3390/mti9080084

Mamatqulov Sh. Integrating AI Tools in the English Classroom: Opportunities and Ethical Challenges / Sh. Mamatqulov // Molodoj uchenyj goda – 2025: sb. mat-lov konf. – 2025. – S. 94–98.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026;

одобрена после рецензирования: 21.05.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 05.05.2026;

approved after reviewing: 21.05.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 001

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-114-120

Д. Д. Бадараев, А. М. Плеханова, В. Г. Жалсанова, А. С. Бреславский

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИМБТ СО РАН – 2026: ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье дается обзор научной сессии ИМБТ СО РАН по итогам 2025 г., проведенной 10 февраля 2026 г. Особый акцент делается на обсуждении основных итогов социологических, экономических и этнологических исследований, представленных в ходе ее работы.

Ключевые слова: ИМБТ СО РАН, научная жизнь, экономика, социология, этнология.

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Плеханова А. М., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Научная сессия ИМБТ СО РАН – 2026: итоги социологических, экономических и этнологических исследований // Восточный азимут: экономика, социология, этнология – 2026. – № 2(5). – С. 114–120. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-114-120

D. D. Badaraev, A. M. Plekhanova, V. G. Zhalsanova, A. S. Breslavsky

SCIENTIFIC SESSION OF THE IMBT SB RAS – 2026: RESULTS OF SOCIOLOGICAL, ECONOMIC, AND ETHNOLOGICAL RESEARCH

The article deals with the Scientific Session of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, held on February 10, 2026. Authors focus on the main results of the sociological, economic, and ethnological research of the Institute in 2025 presented during the Session.

Keywords: IMBT SB RAS, scientific life, economics, sociology, ethnology.

10 февраля 2026 г. в ИМБТ СО РАН состоялась традиционная научная сессия, посвященная Дню российской науки. В ходе мероприятия подведены итоги, а также представлены наиболее значимые результаты исследовательской и научно-организационной деятельности ИМБТ СО РАН за 2025 г.

Бадараев Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80@mail.ru.

Badaraev Damdin Dorzhievich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80@mail.ru.

Плеханова Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru.

Plekhanova Anna Maksimovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru.

Жалсанова Валентина Гуржаповна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru.

Zhalsanova Valentina Gurozhapovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Academic Secretary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru.

Бреславский Анатолий Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0002-8499-2064. E-mail: anabres05@mail.ru.

Breslavsky Anatoliy Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0002-8499-2064. E-mail: anabres05@mail.ru.

Сессия открыла широкую повестку мероприятий института, посвященных знаменательному дню: открытых лекций для школьников, студентов, аспирантов, молодых ученых, экскурсий и интерактивных занятий, выставок, организованных Музеем научного наследия, Научной библиотекой, отделом аспирантуры института.

Работа сессии началась с приветственных слов директора, д. социол. н. Д. Д. Бадараева и научно-го руководителя института академика РАН Б. В. Базарова. Директор института отметил, в частности, что в самом начале 2026 г. в организационной структуре учреждения были произведены изменения, связанные с созданием на его базе трех новых научных отделов: истории; археологии и этнологии; социологических и экономических исследований. В то же время были ликвидированы существовавшие прежде отделы: истории, этнологии и социологии; истории и культуры Центральной Азии; региональных экономических исследований, а также лаборатория археологии, этнологии и антропологии. Их сотрудники вошли в состав новых отделов. Продолжили работу без существенных изменений отделы: языкознания, литературоведения и фольклористики, философии, культурологии и религиоведения, а также Центр восточных рукописей и ксилографов и Центр переводов с восточных языков. Одновременно благополучно завершился и непростой процесс реорганизации Бурятского научного центра СО РАН, коллектив которого вошел в состав ИМБТ СО РАН. Продолжают действовать и ставят перед собой новые задачи уже в составе института музей, библиотека, редакционно-издательский отдел и типография. Д. Д. Бадараевым также было отмечено, что наряду с уже существующими на базе института научными журналами «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук», «Буддологические исследования», серийным сборником «Культура Центральной Азии: письменные источники» образован новый журнал – «Восточный азимут: экономика, социология, этнология», призванный усилить позиции ИМБТ СО РАН в презентации итогов актуальных исследований в трех обозначенных дисциплинах. К концу 2025 г. вышло три выпуска нового журнала, получивших индексацию в РИНЦ.

Научный руководитель института академик РАН Б. В. Базаров подчеркнул, что 2026 г. ИМБТ СО РАН начинает уверенно, поскольку по итогам предшествующего года все научные подразделения института не только успешно завершили работу по своим пятилетним проектам государственного задания, но и готовы приступить к реализации новых (на 2026–2030 гг.), утвержденных учредителем – Минобрнауки России.

С приветствиями к участникам научной сессии обратились представители государственных органов власти и учреждений республики, во взаимодействии с которыми институт реализовывал в 2025 г. отдельные исследования. Начальник отдела науки и высшей школы Минобрнауки Республики Бурятия Н. Д. Содбоева от имени главы Республики Бурятия А. С. Цыденова вручила медали «За заслуги перед Республикой Бурятия» сотрудникам Центра восточных рукописей и ксилографов института: д. и. н., проф. Ц. П. Ванчиковой, к. и. н. Ю. Ж. Жабон – авторам нового издания «Атласа тибетской

медицины» [2025]. Ряд наград министерства также получили сотрудники других научных подразделений. Уполномоченный по правам человека в Республике Бурятия Ю. В. Жамбалова отметила благодарственными письмами главы Республики Бурятия работу социологов института по исследованию эффективных мер поддержки участников СВО и членов их семей (к. социол. н. А. В. Бильтрикова, к. социол. н. И. Д. Васильева, стажеры-исследователи А. А. Михалев, А. Б. Цыденов). Медалью Всебурятской ассоциации развития культуры «За заслуги перед бурятским народом» был награжден к. и. н., в. н. с. отдела литературоведения и фольклористики Б. Ц. Гомбоев.

Торжественную часть научной сессии завершила презентация двух крупных изданий ИМБТ СО РАН 2025 г. – указанного выше «Атласа тибетской медицины» и научно-популярной «Истории Бурятии с древнейших времен до наших дней» [2025]. При подготовке последней использовались, в частности, материалы социологических и этнологических исследований института.

Во второй части научной сессии были представлены доклады. Традиционный отчет «Об итогах научной и научно-организационной деятельности ИМБТ СО РАН» за предыдущий год представила заместитель директора ИМБТ СО РАН по научной работе, д. и. н., доц. А. М. Плеханова. В своем выступлении она отметила, в частности, что по итогам 2025 г. 105 научными сотрудниками института было подготовлено 23 монографии, 1 научно-справочное издание, 3 сборника научных статей, а также более 170 научных статей в рецензируемых научных журналах. Коллектив института работал по 12 грантам, из которых 8 – РНФ, 4 – Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям. Сотрудники института также приняли участие в реализации пяти сторонних грантов РНФ. В 2025 г. ИМБТ СО РАН традиционно выступил организатором целой серии научных мероприятий разного

уровня и формата, которые подтвердили его статус в качестве важнейшей площадки для научного обсуждения широкой востоковедной проблематики (подр. см.: [Бадараев и др. 2026]).

В докладе А. М. Плехановой озвучены основные результаты исследований всех научных подразделений ИМБТ СО РАН. В данной статье, учитывая профиль журнала, мы обратим внимание на основные итоги социологических, этнологических и экономических исследований института по итогам 2025 г., обозначенные на научной сессии.

Социологи института в 2025 г. завершили работу по двум проектам государственного задания. В рамках проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» ими определены особенности влияния социально-политических факторов на социальное самочувствие различных социально-демографических и этнических групп населения изучаемых регионов, проанализированы традиционные и новые формы общественной, в т. ч. этнической кооперации, гражданского участия в локальных сообществах, выявлены модели муниципального управления в субъектах Байкальского региона, охарактеризовано своеобразие интеграционных и дезинтеграционных процессов на трансграничных территориях расселения монгольских народов, охарактеризованы особенности традиционных и новых форм занятости в различных территориальных и социально-демографических группах. Итоги этой работы получили отражение в серии научных статей.

В рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (рук. акад. РАН В. А. Тишков), по проекту «Патриотизм и идентичность в современных социально-политических условиях: основания, типы, ресурсы консолидации» на основе данных исследований, проведенных в Республике Бурятия, Забайкальском и Приморском краях, социологами ИМБТ СО РАН была изучена представленность в массовом сознании жителей дальневосточных регионов российской идентичности, включая патриотическую; социальных настроений и ценностей; образов будущего России; социальной безопасности граждан. Охарактеризованы дискурсивные стратегии жителей дальневосточных регионов. Основные итоги исследования были опубликованы в серии статей и коллективной монографии [Российская идентичность... 2025].

Этнологами института в ходе выполнения госзадания в 2025 г. выявлены тюркский и монгольский пласты в этническом составе народов Внутренней Азии и Азиатской России, составлена карта миграций, оказавших значительное влияние на развитие и формирование тюркских и монгольских этнических сообществ в период с VII по XIX в., позволяющая глубже понять динамику этногенеза и взаимодействие различных культурных и социальных факторов, способствовавших образованию и трансформации этих народов. Как отметила в своем докладе А. М. Плеханова, итоги этой работы получили освещение в ряде научных статей.

Экономисты и социологи отдела региональных экономических исследований в 2025 г. завершили работы по теме «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений». Экономистами был проведен расчет межотраслевых межрегиональных мультипликаторов экономик Республики Бурятия, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов и остальной территории России. Сделан вывод о формировании в РФ системы среднесрочного планирования социально-экономического развития депрессивных регионов, даны предложения по ее совершенствованию. Ими также определены направления стратегического развития Республики Бурятия в условиях эколого-экономических ограничений, разработаны предложения по развитию инфраструктуры внешней торговли в приграничных регионах в зоне экономического коридора Китай – Монголия – Россия, дана оценка основных элементов человеческого потенциала Республики Бурятия в контексте общероссийских и дальневосточных трендов, выполнена оценка перспектив развития государственной системы здравоохранения Республики Бурятия, разработаны сценарии и научно-практические рекомендации по развитию здравоохранения региона в целях укрепления и развития человеческого капитала. Итоги этой многомерной работы нашли отражение в ряде статей и коллективной монографии отдела [Проблемы и перспективы... 2025].

Отметим, что социологи и экономисты ИМБТ СО РАН в 2025 г. также приняли участие в реализации нового государственного задания института – проекта «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации», выполняемого под руководством академика РАН Б. В. Базарова. Одним из значимых результатов первого года реализации проекта, в частности, стала публикация научной монографии д. социол. н. Д. Д. Бадараева [2025].

В рамках своего доклада А. М. Плеханова также отметила сотрудников института, достигших наивысших показателей публикационной активности за 2025 г. в разрезе занимаемых ими должностей. Среди главных научных сотрудников лидером стала д. филос. н. И. С. Урбанаева, ведущих научных – д. социол. н. Д. Д. Бадараев, старших научных сотрудников – к. и. н. Ю. Ж. Жабон, научных – к. и. н. А. В. Пашинин, младших научных сотрудников – к. социол. н. И. Д. Васильева, среди стажеров-исследователей – к. и. н. М. А. Онетов.

Научная сессия завершилась тремя докладами, авторы которых представили итоги отдельных экспедиционных исследований, выполненных сотрудниками института в 2025 г.

Научный руководитель ИМБТ СО РАН академик РАН Б. В. Базаров представил предварительные итоги масштабной экспедиции в КНР по проекту РНФ № 24-48-03025 «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая» (более подробно о ее ходе и итогах см.: [Базаров и др. 2025]). Отметим, что в реализации задач экспедиции помимо историков приняли участие социологи и экономисты института.

Кандидат исторических наук, в. н. с. отдела истории Е. В. Нолев представил доклад «Историческая память о Монгольской империи в республиках юга Сибири и Забайкалье: предварительные результаты комплексных экспедиций» по проекту РНФ № 23-78-10139 «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии».

Наконец, к. ф. н., с. н. с. отдела языкознания Ч. С. Цыбенова рассказала об итогах социолингвистической соло-экспедиции «От Чойбалсана до Кобдо: языковой портрет монгольского приграничья», которую она осуществила в Монголии в 2025 г. в рамках работы по госзаданию.

В целом же в 2025 г. сотрудниками ИМБТ СО РАН было проведено 10 экспедиционных и полевых исследований, в т. ч. 4 археологических, 4 историко-этнографических, 1 социолингвистическое и 1 мультидисциплинарное. Сотрудники принимали участие в экспедиционных исследованиях по темам государственных заданий, грантовым проектам института, заказам сторонних организаций, а также на собственные средства.

Научная сессия ИМБТ СО РАН – 2026, посвященная Дню российской науки, решила свою основную свою цель – представила к обсуждению основные итоги и важнейшие результаты научно-исследовательской и научно-организационной работы института за 2025 г. В контексте организации социологических, экономических и этнологических исследований в институте обращают на себя внимание следующие моменты. В первую очередь заметное расширение проблематики социологических исследований, связанное как с увеличением численного состава социологов ИМБТ СО РАН в последние годы, так и с включением их в реализацию уже не одного, а сразу нескольких проектов государственных заданий по итогам 2025 г., а также иных инициативных исследований по заказу органов государственной власти республики и пр. Приобрела явные формы наметившаяся ранее интеграция социологических и экономических исследований в институте, обеспеченная объединением в начале 2026 г. соответствующих специалистов в одном отделе с новым проектом госзадания на 2026–2030 гг. и перспективой проведения комплексных исследований развития приграничных с Монголией регионов России. Новые горизонты возникают и перед этнологами ИМБТ СО РАН в результате их объединения с группой археологов, что создает условия для более плотного междисциплинарного взаимодействия, успешной реализации комплексных проектов, направленных на реконструкцию этнокультурных процессов с древнейших времен до современности, усиления экспедиционной деятельности. При этом успех этнологических и археологических исследований в ИМБТ СО РАН, надо признать, продолжает серьезно зависеть от решения задач воспроизводства научных кадров в этих областях.

Анализ итогов сессии показывает, что в 2025 г. институт сохранил высокую публикационную активность, успешно реализовывал проекты, выполняемые как в рамках государственных заданий, так и при поддержке РНФ, а также активно развивал экспедиционную деятельность. Во всех трех областях – социологии, экономике, этнологии – специалистами института на конец 2025 г. разрабатывались актуальные вопросы, составляющие значимый компонент научного профиля нашего учреждения. Наряду с историческими, филологическими, философскими исследованиями эта работа обеспечила успешное выполнение ИМБТ СО РАН задач комплексного осмысления закономерностей исторического, культурного, политического и социально-экономического развития монгольязычных народов России и стран Центральной Азии.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проекты «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов» № 126020516654-4; «Монгольский мир в исторических проекциях: от средневековья до современности» № 126020516676-6).

Литература

Атлас тибетской медицины: иллюстрации к трактату «Вайдурья-онбо» (XVII в.) / отв. ред. акад. РАН Б. В. Базаров; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН; Национальный музей Республики Бурятия. – М.: Наука; Вост. лит-ра, 2025. – 535 с.: ил. + альбом [320] с.

Бадараев Д. Д. Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений / Д. Д. Бадараев; отв. ред. З. Т. Голенкова. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 352 с.

Бадараев Д. Д. Отвечая на запросы времени: научные мероприятия ИМБТ СО РАН 2025 г. / Д. Д. Бадараев, А. М. Плеханова, В. Г. Жалсанова, А. С. Бреславский // Восточный азимут: экономика, социология, этнология – 2026. – № 1(4). – С. 101–107.

Базаров Б. В. От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.) / Б. В. Базаров, Д. Д. Бадараев, А. Б. Базаров и др. // Монголоведение. – 2025. – Т. 17. – № 3. – С. 525–545.

История Бурятии с древнейших времен до современности: кол. моногр. / рук. проекта и отв. ред. акад. РАН Б. В. Базаров; науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Экос; Республиканская типография, 2025. – 400 с.

Проблемы и перспективы стратегического развития депрессивного региона (на примере Республики Бурятия): кол. моногр.: эл. изд. / отв. ред. З. Б.-Д. Дондоков. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 144 с.

Российская идентичность в российских регионах: кол. моногр. / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова и др.; отв. ред. Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 186 с.

References

Atlas tibetskoy mediciny: illyustracii k traktatu «Vajdur'ya-onbo» (XVII v.) / otv. red. akad. RAN B. V. Bazarov; Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN; Institut obshchey i eksperimental'noj biologii SO RAN; Nacional'nyj muzej Respubliki Buryatiya. – M.: Nauka; Vost. lit-ra, 2025. – 535 s.: il. + al'bom [320] s.

Badaraev D. D. Rossijsko-mongol'skoe transgranich'e: strukturnye i etnokul'turnye osobennosti social'nyh izmenenij / D. D. Badaraev; otv. red. Z. T. Golenkova. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 352 s.

Badaraev D. D. Otvechaya na zaprosy vremeni: nauchnye meropriyatiya IMBT SO RAN 2025 g. / D. D. Badaraev, A. M. Plekhanova, V. G. Zhalsanova, A. S. Breslavskij // Vostochnyj azimut: ekonomika, sociologiya, etnologiya – 2026. – № 1(4). – S. 101–107.

Bazarov B. V. Ot Chajnego puti k Mongol'skomu koridoru «Novogo Shelkovogo puti»: polevyje rezul'taty mezhdisciplinarnoj ekspedicii Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN v KNR (avgust 2025 g.) / B. V. Bazarov, D. D. Badaraev, A. B. Bazarov i dr. // Mongolovedenie. – 2025. – T. 17. – № 3. – S. 525–545.

Istoriya Buryatii s drevnejshih времен do sovremennosti: kol. monogr. / ruk. proekta i otv. red. akad. RAN B. V. Bazarov; nauch. red. M. N. Baldano. – Ulan-Ude: Ekos; Respublikanskaya tipografiya, 2025. – 400 s.

Problemy i perspektivy strategicheskogo razvitiya depressivnogo regiona (na primere Respubliki Buryatiya): kol. monogr.: el. izd. / otv. red. Z. B.-D. Dondokov. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 144 s.

Rossiyskaya identichnost' v rossijskih regionah: kol. monogr. / E. V. Petrova, A. V. Bil'trikova, I. N. Dashibalova i dr.; otv. red. E. V. Petrova. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 186 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.04.2026;

одобрена после рецензирования: 24.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026

Date of the article submission to the editorial board: 08.04.2026;

approved after reviewing: 24.04.2026;

accepted for publication: 10.07.2026

Научная статья

УДК 001

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-121-126

Д. Д. Бадараев, В. Г. Жалсанова, А. В. Бильтрикова**НАВСТРЕЧУ III БАЙКАЛЬСКОМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ФОРУМУ**

В августе 2026 г. состоится III Байкальский социологический форум, в рамках которого пройдут Международная научно-практическая конференция «Трансграничье Востока России в условиях современных вызовов», посвященная 60-летию сектора социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) и 35-летию кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (БГУ им. Д. Банзарова) и традиционная Байкальская летняя школа социологов.

Ключевые слова: Байкальский социологический форум, социология, политология, трансграничье, история социологии, Республика Бурятия.

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Жалсанова В. Г., Бильтрикова А. В. Навстречу III Байкальскому социологическому форуму // Восточный азимут: экономика, социология, этнология – 2026. – № 2(5). – С. 121–126. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-121-126

D. D. Badaraev, V. G. Zhalsanova, A. V. Biltrikova**TOWARDS THE III BAIKAL SOCIOLOGICAL FORUM**

On August, 2026, the 3rd Baikal Sociological Forum will be held, which will include the International scientific and practical conference “Transboundary Regions of Eastern Russia in the Face of Modern Challenges”, dedicated to the 60th anniversary of the Sociology Sector of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the 35th anniversary of the Department of Political Science and Sociology of the Banzarov Buryat State University, as well as the traditional Baikal Summer School of Sociologists.

Keywords: Baikal Sociological Forum, sociology, cross-border, history of sociology, Republic of Buryatia.

Республика Бурятия в третий раз становится точкой притяжения для российских, монгольских и китайских исследователей проблем цивилизационного развития и современных социальных, политических, экономических и культурных процессов. С 3 по 8 августа 2026 г. планируется проведение III Байкальского социологического форума, основная цель которого – актуализация дискуссионных вопросов и активизация академического и образовательного сотрудничества научных центров России, Монголии и Китая. Проведение форума связано с запросом государства и общества на реализацию «поворота России на Восток» и осмыслением роли трансграничных территорий в этом процессе.

Бадараев Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80@mail.ru.

Badaraev Damdin Dorzhievich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80@mail.ru.

Жалсанова Валентина Гурожаповна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru.

Zhalsanova Valentina Gurozhapovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Academic Secretary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru.

Бильтрикова Аюна Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0003-2017-7455. E-mail: biltr@mail.ru.

Biltrikova Ayuna Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0003-2017-7455. E-mail: biltr@mail.ru.

Проведение форума именно в Бурятии обусловлено богатой историей развития академической науки в регионе. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН – старейший институт Сибирского отделения, в 2022 г. отметил свое 100-летие. На протяжении десятилетий он является одним из ключевых центров изучения восточных культур и обществ, что создает уникальный научный фундамент для проведения международных социологических встреч на стыке трех территорий – России, Монголии и Китая. За более чем 100 лет сотрудниками Института изучены важнейшие вопросы истории и культуры народов Республики Бурятия, а также Центральной и Восточной Азии. Сегодня в ИМБТ СО РАН реализуются источниковедческие, лингвистические, археологические, этнологические, исторические, буддологические и экономические исследования [Базаров и др. 2022а; Институт... 2022: 10–205]. В структуре института уже 60 лет успешно развивается социологическое направление. Сектор социологии за эти годы накопил огромный опыт исследований, пройдя путь от изучения эффективности идеологической работы, социалистического соревнования до современных исследований социальной структуры, этнических процессов, проблем модернизации традиционных обществ. Итог шести десятилетий – полноценная региональная социологическая школа. В настоящее время в работе сектора приобретает особое значение социология трансграничья, которая выступает как своевременный и востребованный научный инструмент познания широких социальных процессов в России и на сопредельных территориях. Именно эта научная база делает Улан-Удэ закономерным местом для проведения форума, претендующего на роль постоянной международной площадки [Базаров и др. 2022б; Бадарев, Жалсанова 2024].

Форум продолжает традицию академического взаимодействия, заложенную ранее встречами российских и монгольских социологов и политологов в г. Улан-Батор (Монголия) с 2011 по 2016 г. в рамках различных научных конференций, посвященных современным социально-политическим процессам. Накопленный опыт, регулярный профессиональный диалог между российскими и монгольскими учеными, взаимное доверие поставили на повестку дня вопрос о расширении площадки. Из этих встреч выросла идея проведения международной научно-практической конференции в г. Улан-Удэ и Летней школы на берегу оз. Байкал. С тех пор намеченные мероприятия проведены дважды: 6–11 августа 2018 г. и 17–22 августа 2024 г.

6–11 августа 2018 г.

17–22 августа 2024 г.

География участников этих встреч неуклонно расширялась. В дискуссиях принимали участие делегации из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Новосибирска, Красноярска, Саратова, Иркутска, Якутска, Махачкалы, Читы и Казани. Международный статус подтверждался докладами исследователей из Монголии, Китая, Белоруссии, Черногории, Сербии и Киргизии. Такое широкое представительство позволило рассматривать социальные проблемы не локально, а в контексте глобальных евразийских процессов.

Основные направления работы конференций 2018 и 2024 гг. отражали динамику социальных изменений и смену научных парадигм. Если на первом этапе центральными понятиями были модернизация и цивилизационное развитие в целом, то в дальнейшем акцент сместился на исследование трансграничья как самостоятельной социальной реальности. Участники детально анализировали роль «Нового Шелкового пути» как фактора развития, изучали трансформацию социальных структур и рынков труда, включая такие новые явления, как инфобизнес и онлайн-занятость. Особое внимание уделялось этносоциальным и этноконфессиональным процессам, положению традиционных религий и вопросам возрождения этнической идентичности. Острой темой дискуссий неизменно оставались проблемы молодежи: ее миграционные стратегии, образовательная мобильность и причины ее оттока из регионов Сибири и Дальнего Востока.

По результатам проведения мероприятий участниками приняты соответствующие резолюции, опубликованы обзорные статьи, в т. ч. в ведущих российских журналах [Бадараев, Гомбожапов, Жал-

санова 2018; Жалсанова, Бадараев, Бадмацыренов 2018; Бадараев, Бадмацыренов 2024; Жалсанова, Бадараев 2024], а также сборники научных статей [Социальные и политические вызовы... 2018; Социальные и политические вызовы... 2024].

Логическим продолжением обсуждения научных исследований на конференциях был переход к работе Байкальской летней школы социологов. И если в 2018 г. слушателями школы были только студенты и аспиранты, то в 2024 г. к ним присоединились и состоявшиеся исследователи, так как основной задачей мероприятия стала помощь исследователям в подготовке и написании кандидатских и докторских диссертаций. Участники образовательных программ смогли получить не только ценные знания, но и обсудить новейшие подходы к исследованию сложных социальных процессов, обменяться идеями и наладить профессиональные связи, что, безусловно, окажет положительное влияние на развитие отечественной социологической науки в будущем.

В течение нескольких дней аспиранты, докторанты и уже состоявшиеся исследователи принимали активное участие в дискуссиях, консультациях, тренингах, лекциях, позволивших всем участникам не только обогатить свою научную базу, но и создать основы для дальнейшего сотрудничества в реализации совместных исследовательских проектов и программ.

Таким образом, проведенные мероприятия 2018 и 2024 гг. показали, что встречи социологов и политологов на берегу Байкала стали устойчивой площадкой для научного взаимодействия. Было принято решение о проведении новой серии мероприятий, но уже в рамках форума. Выбор 2026 г. обусловлен двумя значимыми юбилейными событиями в истории бурятской социологии – 60-летием сектора социологии ИМБТ СО РАН и 35-летием кафедры политологии и социологии БГУ им. Доржи Банзарова.

Регламент предстоящего форума [III Байкальский... 2026] предполагает проведение пленарного заседания и секций в Улан-Удэ и работу Байкальской летней школы социологов в с. Горячинск Прибайкальского района Республики Бурятия. Конференция приобрела обновленное название: «Трансграничье Востока России в условиях современных вызовов» и фиксирует концептуальный итог двух предшествующих мероприятий. Языки работы: русский, английский, китайский, монгольский. Основным организатором выступает ИМБТ СО РАН, соорганизаторами – БГУ им. Д. Банзарова, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт философии и права СО РАН, Институт философии Академии наук Монголии, Бурятское отделение Российского общества социологов, Российское общество «Знание» в Республике Бурятия.

Работа форума будет отличаться своей междисциплинарностью. Если прежние конференции фокусировались преимущественно на социологическом и политологическом анализе, то в 2026 г. приглашены к участию историки и экономисты, призванные раскрыть особенности становления евразийского пространства и оценить роль экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» в формировании новой социальной реальности трансграничья.

Организаторами мероприятия определены пять основных направлений работы:

- проблемы внутри- и междивизиационной интеграции в евразийском социокультурном пространстве;
- социальные изменения и социоструктурные процессы в сопредельных сообществах;
- социально-политические процессы в трансграничье: современное состояние и перспективы исследований;
- экономическое развитие трансграничных регионов России, Китая и Монголии;
- социальные исследования религии, ценностей и патриотизма в современную эпоху.

В рамках Байкальской летней школы социологов предполагается проведение лекций, обучающих занятий и тренингов ведущих социологов, ученых-востоковедов, организация дискуссионной площадки для обсуждения актуальных научных проблем, касающихся теоретико-методологических вопросов цивилизационного развития, модернизации, современных российско-монгольско-китайских отношений, прогнозирования и моделирования политических, экономических и социокультурных процессов в трансграничье России, Монголии и Китая.

Уверены, что форум решит задачи по организации плодотворного диалога, обмена новыми идеями, результатами исследований, а также станет пространством для обсуждения новых совместных проектов. Ведь его главная задача – консолидация усилий ученых в поиске ответов на актуальные социальные, культурные и экономические вызовы современности.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Источники и литература

III Байкальский социологический форум [Электронный ресурс] // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Режим доступа: https://imbt.ru/about_the_university/news/3006/ (дата обращения: 08.04.2026).

Бадараев Д. Д. Байкал как точка притяжения: об итогах II Междунар. науч. конф. «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке» и II Байкальской летней школы социологов / Д. Д. Бадараев, Т. Б. Бадмацыренов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 3(70). – С. 144–148.

Бадараев Д. Д. Встреча социологов и политологов на Байкале / Д. Д. Бадараев, А. Д. Гомбожапов, В. Г. Жалсанова // Социологические исследования. – 2018. – № 12(416). – С. 146–148.

Бадараев Д. Д. Социология трансграничья: вызовы и возможности развития в Бурятии / Д. Д. Бадараев, В. Г. Жалсанова // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке и современное развитие регионов России / отв. ред. Д. Д. Бадараев, Т. Б. Бадмацыренов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2024. – С. 24–31.

Базаров Б. В. От Буручкома до ИМБТ СО РАН: вековой юбилей / Б. В. Базаров, А. М. Плеханова, Г. Н. Чимитдоржиева, В. Г. Жалсанова // Труды Отделения историко-филологических наук. – 2022. – Т. 11 / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук; отв. ред. В. А. Тишков; ред. кол.: В. Л. Кляус [и др.]; сост. Н. В. Тарасова. – М.: РАН, 2022а. – С. 254–268.

Базаров Б. В. Социологические исследования на пульсе развития трансграничного региона / Б. В. Базаров, В. Г. Жалсанова, Д. Д. Бадараев // Социологические исследования. – 2022б. – № 8. – С. 129–135.

Жалсанова В. Г. Социальные и политические вызовы модернизации: итоги Междунар. науч.-практ. конф. / В. Г. Жалсанова, Д. Д. Бадараев, Т. Б. Бадмацыренов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2018. – № 4(32). – С. 222–226.

Жалсанова В. Г. Встреча социологов на Байкале / В. Г. Жалсанова, Д. Д. Бадараев // Социологические исследования. – 2024. – № 11. – С. 171–174.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет: в 3 т. Т. I: От Буручкома к ИМБТ СО РАН / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2022. – 308 с.

Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 6–11 августа 2018 г.) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 260 с.

Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке и современное развитие регионов России: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 16–22 августа 2024 г.) и мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15 декабря 2023 г.) / отв. ред. Д. Д. Бадараев, Т. Б. Бадмацыренов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2024. – 262 с.

References

III Bajkal'skij sociologicheskij forum [Elektronnyj resurs] // Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Rezhim dostupa: https://imbt.ru/about_the_university/news/3006/ (data obrashcheniya: 08.04.2026).

Badaraev D. D. Bajkal kak tochka prityazheniya: ob itogah II Mezhdunar. nauch. konf. «Social'nye i politicheskie vyzovy modernizacii v XXI veke» i II Bajkal'skoj letnej shkoly sociologov / D. D. Badaraev, T. B. Badmacyrenov // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. – 2024. – № 3(70). – S. 144–148.

Badaraev D. D. Vstrecha sociologov i politologov na Bajkale / D. D. Badaraev, A. D. Gombozhapov, V. G. Zhalsanova // Sociologicheskie issledovaniya. – 2018. – № 12(416). – S. 146–148.

Badaraev D. D. Sociologiya transgranich'ya: vyzovy i vozmozhnosti razvitiya v Buryatii / D. D. Badaraev, V. G. Zhalsanova // Social'nye i politicheskie vyzovy modernizacii v XXI veke i sovremennoe razvitie regionov Rossii / отв. ред. Д. Д. Бадараев, Т. Б. Бадмацыренов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2024. – С. 24–31.

Bazarov B. V. Ot Buruchkoma do IMBT SO RAN: vekovoj yubiley / B. V. Bazarov, A. M. Plekhanova, G. N. Chimitdorzhieva, V. G. Zhalsanova // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk. – 2022. – Т. 11 / Rossijskaya akademiya nauk, Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk; отв. ред. В. А. Тишков; ред. кол.: В. Л. Кляус [и др.]; сост. Н. В. Тарасова. – М.: РАН, 2022а. – С. 254–268.

Bazarov B. V. Sociologicheskie issledovaniya na pul'se razvitiya transgranichnogo regiona / B. V. Bazarov, V. G. Zhalsanova, D. D. Badaraev // Sociologicheskie issledovaniya. – 2022b. – № 8. – S. 129–135.

Zhalsanova V. G. Social'nye i politicheskie vyzovy modernizacii: itogi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / V. G. Zhalsanova, D. D. Badaraev, T. B. Badmacyrenov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2018. – № 4(32). – S. 222–226.

Zhalsanova V. G. Vstrecha sociologov na Bajkale / V. G. Zhalsanova, D. D. Badaraev // Sociologicheskie issledovaniya. – 2024. – № 11. – S. 171–174.

Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk: 100 let: v 3 t. T. I: Ot Buruchkoma k IMBT SO RAN / otv. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2022. – 308 s.

Social'nye i politicheskie vyzovy modernizacii v XXI v.: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ulan-Ude, 6–11 avgusta 2018 g.) / nauch. red. B. V. Bazarov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. – 260 s.

Social'nye i politicheskie vyzovy modernizacii v XXI veke i sovremennoe razvitie regionov Rossii: mat-ly II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ulan-Ude, 16–22 avgusta 2024 g.) i mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ulan-Ude, 15 dekabrya 2023 g.) / otv. red. D. D. Badaraev, T. B. Badmacyrenov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2024. – 262 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026;

одобрена после рецензирования: 27.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 09.04.2026;

approved after reviewing: 27.04.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-127-134

Л. Б. Бадмаева, И. А. Дамбуев**ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БУРЯТСКОЙ ОНОМАСТИКИ****(к 105-летию А. Г. Митрошкиной и 75-летию Л. В. Шулуновой)**

В статье изложены итоги проведения круглого стола, посвященного 105-летию со дня рождения д. ф. н., проф. А. Г. Митрошкиной и 75-летию со дня рождения д. ф. н., проф. Л. В. Шулуновой (г. Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН, 26 февраля 2026 г.). Кратко освещается жизненный и научный путь ученых, их основные научные труды и вклад в бурятское языкознание. Утверждается, что А. Г. Митрошкина и Л. В. Шулунова стояли у истоков развития ономастики в Байкальском регионе. Их достижения известны не только в России, но и за ее пределами. Они добились значительных успехов в изучении бурятских антропонимов, топонимов, зоонимов и космонимов, а также в области ономастической лексикографии.

Ключевые слова: бурятский язык, ономастика, имена собственные, Анастасия Григорьевна Митрошкина, Людмила Владимировна Шулунова.

Для цитирования: Бадмаева Л. Б., Дамбуев И. А. Основоположники бурятской ономастики (к 105-летию А. Г. Митрошкиной и 75-летию Л. В. Шулуновой) // Восточный азимут: экономика, социология, этнология – 2026. – № 2(5). – С. 127–134. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-127-134

L. B. Badmaeva, I. A. Dambuev**THE FOUNDERS OF THE BURYAT ONOMASTICS****(Dedicated to the 105th Anniversary of A. G. Mitroshkina and the 75th Anniversary of L. V. Shulunova)**

The article presents the results of a roundtable dedicated to the 105th anniversary of A.G. Mitroshkina, Doctor of Philology, Professor, and the 75th anniversary of L. V. Shulunova, Doctor of Philology, Professor (Ulan-Ude, IMBTS SB RAS, February 26, 2026). It briefly highlights the life and scientific activity of the scholars, their main scientific works and contributions to the Buryat linguistics. It is argued that A. G. Mitroshkina and L. V. Shulunova were at the origin of the development of onomastics in the Baikal region. Their achievements are known not only in Russia, but also abroad. They have made significant progress in the study of Buryat anthroponyms, toponyms, zoonyms and cosmonyms, as well as in the field of onomastic lexicography.

Keywords: Buryat language, onomastics, proper names, Anastasia Grigoryevna Mitroshkina, Lyudmila Vladimirovna Shulunova.

26 февраля 2026 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН прошел круглый стол, посвященный 105-летию со дня рождения д. ф. н., проф. Анастасии Григорьевны Митрошкиной и 75-летию со дня рождения д. ф. н., проф. Людмилы Владимировны Шулуновой. Эти профессора – известные в России и за ее пределами филологи-монголоведы, положившие начало развитию бурятской ономастики – разделу языкознания, изучающему собственные имена, и внесшими значительный вклад в бурятскую науку, воспитав несколько десятков кандидатов и докторов наук по разным специальностям. Ученики А. Г. Митрошкиной и Л. В. Шулуновой, работающие ныне в ИМБТ СО РАН, стали инициаторами круглого стола в год юбилейных дат своих учителей, чтобы отдать им

Бадмаева Лариса Батовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-7238-366X. E-mail: lorabadm@mail.ru.

Badmaeva Larisa Batoevna – Doctor of Sciences in Philology, Leading Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-7238-366X. E-mail: lorabadm@mail.ru.

Дамбуев Игорь Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-6551-6217. E-mail: igor_dambuev@mail.ru.

Dambuev Igor Aleksandrovich – Candidate of Sciences in Philology, Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-6551-6217. E-mail: igor_dambuev@mail.ru.

дань уважения, обсудить и актуализировать научное наследие ученых, открыть неизвестные страницы их жизни в общении с членами их семьи, друзьями и коллегами.

На открытии круглого стола с приветственным словом выступили директор ИМБТ СО РАН, д. социол. н. Д. Д. Бадараев и координатор отдела языкознания, д. ф. н. Е. В. Сундуева. В рамках научной программы круглого стола прозвучали доклады коллег и учеников А. Г. Митрошкиной и Л. В. Шулуновой: «Анастасия Григорьевна Митрошкина – основоположник бурятской ономастики» (д. ф. н. Л. Б. Бадмаева, ИМБТ СО РАН), «Научное наследие А. Г. Митрошкиной» (к. ф. н. В. И. Семенова, ИГУ), «Вспоминая Людмилу Владимировну Шулунову...» (к. ф. н. И. А. Дамбуев, ИМБТ СО РАН), «Современная мемориальная урбанонимия города Улан-Удэ» (к. ф. н. Ю. Г. Пушкарева, ВСГУТУ). В завершение круглого стола семья Шулуновых показала видеофильм о Людмиле Владимировне. Дети Л. В. Шулуновой и внуки А. Г. Митрошкиной, кандидаты технических наук, сообщили также о своих научных изысканиях: В. Р. Шулунов, научный сотрудник ИФМ СО РАН, представил презентацию о разработанной им технологии 3D-печати из биоматериалов, а И. Р. Ешеева, доц. ВСГУТУ, – о технологиях оздоровления взрослого населения. Выступили и все присутствующие на круглом столе, среди которых были выпускники 1970-х гг. бурятского отделения Иркутского госуниверситета, на котором работала А. Г. Митрошкина и училась Л. В. Шулунова, представители Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Восточно-Сибирского государственного института культуры, Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Яркие воспоминания однокурсников Л. В. Шулуновой и учеников А. Г. Митрошкиной по Иркутскому госуниверситету создали неповторимую атмосферу дружеского общения.

Анастасии Григорьевны Митрошкиной нет с нами с 2013 г., а Людмилы Владимировны Шулуновой не стало в 2011 г., но память о них остается, в частности, в научных публикациях, описывающих их жизненный путь, трудовые успехи и научные достижения. С большим уважением и теплотой отзываются о своих учителях и коллегах Г. С. Доржиева [2011, 2014, 2021], Г. А. Дырхеева [2021], И. Б. Нимаева [2011], М.-Ж. А. Очиров [2011], В. В. Свинин [1997], В. И. Семенова [2010, 2025], Л. Б. Хазагарова [2011], Л. Д. Шагдаров и Л. Б. Бадмаева [2019], Л. Д. Шагдаров и Г. А. Дырхеева [2011], Р. А. Шерхунаев [2011] и др.

Анастасия Григорьевна Митрошкина –
д. ф. н., проф.

Людмила Владимировна Шулунова –
д. ф. н., проф.

В жизни А. Г. Митрошкиной как в зеркале отражается история страны XX в., а ее судьба повторяет судьбы многих ученых того периода, становление которых происходило не благодаря, а вопреки обстоятельствам времени. Анастасия Григорьевна родилась в 1920 г. в крестьянской семье в улусе Бурлай Качугского района Иркутской области. После окончания в 1937 г. семилетней школы крестьянской молодежи приехала к дяде в г. Улан-Удэ и поступила в железнодорожный техникум. Прочувшись один год в техникуме, она стала работать рассыльной в тресте «Бурмонголлес», продолжая обучение в вечерней школе паровозо-вагонного завода [Семенова 2025: 57–58]. После окончания в 1941 г. вечерней школы А. Г. Митрошкина по совету своего дяди-железнодорожника поступила в Иркутский горно-металлургический институт (ныне ИРНИТУ) на геологоразведочный факультет [Доржиева 2014: 162]. Осенью 1941 г. всех студентов отправили в колхозы на уборку урожая. Не успев погрузиться в учебу, А. Г. Митрошкина вернулась на родину, где была назначена бригадиром колхоза. Тяжелое время внесло свои коррективы, и студентке пришлось перевестись на заочное отделение физмата ИГУ. В 1941–1942 гг. А. Г. Митрошкина работала в Бурят-Монгольской АССР помощником начальника политотдела по комсомолу Цаган-Усунской МТС, а в 1943 г. была утверждена первым секретарем Селенгинского райкома ВЛКСМ БМАССР. В 1944 г. на средства, заработанные комсомольцами, был построен боевой самолет «Селенгинский комсомолец». Как утверждают Л. Д. Шагдаров и Л. Б. Бадмаева, на имя А. Г. Митрошкиной была получена телеграмма от И. В. Сталина следующего содержания: «Боевой самолет “Селенгинский комсомолец” построен и бьет немецких фашистов!» [Шагдаров, Бадмаева 2019: 27]. После окончания Великой Отечественной войны А. Г. Митрошкина вернулась с административной работы на учебу в Иркутский госуниверситет. В 1946 г. она перевелась на бурят-монгольское отделение ИГУ по совету И. М. Манжигеева, руководителя отделения. После окончания университета в 1950 г. молодой специалист на протяжении двенадцати лет работала учителем русского языка и литературы в школах г. Ангарска.

Как отмечает Г. С. Доржиева, научное будущее А. Г. Митрошкиной определило ее знакомство с известным монголоведом, профессором Г. Д. Санжеевым, который порекомендовал ей всерьез заняться изучением говора качугских бурят, о котором в научных трудах были самые общие утверждения [2014: 163]. В 1961 г. А. Г. Митрошкина защищает кандидатскую диссертацию на тему «Говор качугских (верхоленских) бурят». Один из разделов исследования был посвящен именам собственным: антропонимам, топонимам, генонимам. После защиты диссертации Г. Д. Санжеев посоветовал Анастасии Григорьевне сосредоточить внимание на изучении личных имен бурят [Семенова 2025: 59].

Для реализации поставленной задачи, предполагавшей знание не только бурятского языка, но и других алтайских языков, А. Г. Митрошкина в 1962–1967 гг. выезжала работать в Абакан, Павлодар, Кызыл, Комсомольск-на-Амуре для изучения тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. В 1967 г. А. Г. Митрошкина вернулась в ИГУ, где проработала до 2003 г. В университете она вплотную занялась ономастическими исследованиями Прибайкалья, уделяя преимущественное внимание бурятской антропонимии. Для проведения полевых лингвистических исследований А. Г. Митрошкина разработала оригинальную методику сбора ономастического материала для Западного и Восточного Прибайкалья, в которой впервые были введены такие понятия, как антропонимическая эра, антропонимический диалект, введено понятие рода применительно к антропонимии, предложен метод исчисления поколений, сформулированы требования к записям полевого материала, разработаны вопросы составления родословных таблиц. С 1969 г. большое место в научной деятельности А. Г. Митрошкиной занимал ономастический кружок, организованный ею для вовлечения студентов в теорию и практику ономастических исследований, сбора полевого материала во время экспедиций. Как отмечает В. И. Семенова, к 1978 г. было собрано 287 родословных таблиц, включающих более 25 тыс. ед. именований и свыше 10 тыс. имен [2025: 60]. Используя собранный антропонимический материал и осуществив его многоаспектный анализ, А. Г. Митрошкина издала в 1987 г. обобщающую монографию «Бурятская антропонимия» [1987]. Это было первым монографическим исследованием бурятской антропонимии. В 1989 г. ученым была защищена докторская диссертация «Проблемы бурятской антропонимики». В ней была описана бурятская антропонимическая система, изучены традиционные антропонимические категории, прослежен процесс становления новых для бурятского языка категорий (фамилия и отчество), описана типология образования антропонимов, выявлены типы их ономастических значений, показано соотношение антропонимической и исторической хронологии, описана типология фонетической и морфологической адаптации и словообразовательного освоения иноязычных имен в бурятском языке, описаны традиции именования людей у бурят [Она же 1989: 5]. В 1995 г. в издательстве ИГУ вышла вторая фундаментальная монография «Личные имена бурят» [Она же 1995], которая является переработанным, дополненным новыми главами вторым изданием книги «Бурятская антропонимия». Автором систематизирован колоссальный языковой материал, сбор которого осуществлялся на протяжении всей жизни ученого. Уникальность материала заключается в том, что он извлечен в основном из живой речи, а не из письменных источников [Доржиева 2014: 164]. Еще одним фундаментальным и уникальным трудом, вышедшим из-под пера А. Г. Митрошкиной, является «Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. Часть 1» [2008] и «Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. Ч. 2: Буддийские имена» [2013]. Данные антропонимические словари являются знаменательным событием в бурятской лексикографии, выдвигающим ее на передовые позиции среди трудов по ономастической лексикографии народов России. Материал, использованный в словарях, собирался автором на протяжении полувека и представляет собой бесценный фонд культурного наследия бурятского народа.

Научная судьба Л. В. Шулуновой, ученицы А. Г. Митрошкиной и ее снохи, тоже не была предначертана заранее, а сложилась волею обстоятельств, благодаря талантливым учителям и, прежде всего, личным качествам Людмилы Владимировны. Л. В. Шулунова (в девичестве Баирова) родилась в 1951 г. в семье сельской интеллигенции (отец – учитель, директор школы, мать – медицинская сестра) в с. Апхульта Аларского района Иркутской области. После окончания в 1968 г. Кутуликской средней школы с серебряной медалью поступает в Уфимский авиационный институт им. Серго Орджоникидзе. Успешно окончив первый курс, Людмила Владимировна, посоветовавшись с родными, решает быть ближе к семье и поступает в 1969 г. на бурятское отделение филфака Иркутского госуниверситета. Со второго курса студентка становится активной участницей ономастического кружка под руководством А. Г. Митрошкиной. Уже на третьем курсе юный исследователь выступает в Москве на студенческой конференции с докладом «Словообразовательный анализ бурятских микропонимов», где знакомится с А. В. Суперанской и В. А. Никоновым, основоположниками советской ономастики и топонимики. За годы учебы Л. В. Шулунова участвовала в ономастических экспедициях в районах Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, Ольхонском и Качутском районах Иркутской области, Баргузинском и Курумканском районах Бурятской АССР. Ознакомившись с разнообразным ономасти-

ческим материалом во время экспедиций по территории этнической Бурятии, студентка посвятила свою дипломную работу новому для бурятоведения пласту лексики – зоонимам, или кличкам животных. Одна из первых статей называлась «Клички домашних животных в бурятском языке» и была опубликована в известном научном журнале «Вопросы ономастики» [Баирова 1975].

С этого времени бурятская ономастика прочно входит в круг научных и профессиональных интересов Людмилы Владимировны. В 1974 г. она окончила университет и начала трудовую деятельность в Кутуликской средней школе Аларского района учителем русского языка и литературы. В 1975–1976 гг. работала секретарем Аларского райкома ВЛКСМ, заведующей отделом учащейся молодежи и школьников. В 1976 г. поступает на работу в ИГУ, где продолжает исследовать новые, ранее не описанные в бурятоведении, категории имен собственных. Объектом ее исследовательского интереса выступают бурятские прозвища – непростой для лингвистического анализа пласт лексики. В 1980 г. Л. В. Шулунова принимается на работу в отдел языкознания Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. В лице Людмилы Владимировны заведующий отделом языкознания Ц. Б. Цыдендамбаев видит усиление исследований бурятских имен собственных в отделе на фоне активного развития ономастики в стране в целом. В ноябре 1981 г. Л. В. Шулунова представила к защите кандидатскую диссертацию на тему «Прозвища в разговорном бурятском языке». Научным руководителем выступил Ц. Б. Цыдендамбаев, а оппонентами – известные ученые Г. Д. Санжеев и Г. Ц. Пюрбеев. В данном исследовании впервые в бурятоведении лингвистическому анализу подвергаются прозвища людей как класс антропонимов, выявляются их специфические признаки в сравнении с другими антропонимами, описываются лексико-семантическая и грамматическая структура прозвищ, выявляются их функции в речи, мотивы номинации, способы образования, рассмотрено явление лексической и морфологической вариантности прозвищ.

Как вспоминает А. Г. Митрошкина, «В. А. Никонов поддержал эту тему и написал положительный отзыв на автореферат диссертации. Мне он сообщил, что она будет знать все разделы ономастики. Так и получилось» [2011: 14]. По результатам исследования Л. В. Шулунова публикует монографию «Прозвища в антропонимии бурят» [1985]. В 1984 г. Людмила Владимировна переходит на работу в Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Здесь пройдет ее самый значительный отрезок творческого пути – 22 года. Кроме учебной работы в институте она занимается большой организаторской работой, создает кафедру восточных языков и лингвострановедения, кафедру общей и прикладной лингвистики, научно-исследовательскую лабораторию социолингвистики и речевых коммуникаций, многие сотрудники которых становятся ее аспирантами и продолжают ономастические исследования Байкальского региона.

Совмещая педагогическую работу с научной деятельностью, Л. В. Шулунова защищает в 1995 г. докторскую диссертацию на тему «Бурятская ономастика» в Бурятском институте общественных наук СО РАН. В диссертации впервые подвергается лингвистическому описанию ономастическое пространство бурятских имен собственных на материале антропонимов, топонимов, зоонимов и космонимов, выявляются их лексико-семантические и структурно-словообразовательные характеристики, делаются общетеоретические выводы, обогащающие теорию имени собственного материалом бурятского языка. На основе проведенных исследований Л. В. Шулунова издает монографию «Ономастика Прибайкалья» [1995]. С 2006 г. Людмила Владимировна работает в Бурятском государственном университете, где создает новое структурное подразделение – Центр стратегических востоковедных исследований. В 2009 г. по ее инициативе создана региональная общественная организация «Байкальские ономасты», объединившая учеников Людмилы Владимировны и других исследователей ономастического пространства Байкальского региона.

Сегодня, спустя более 10 лет после ухода А. Г. Митрошкиной и Л. В. Шулуновой, можно с уверенностью утверждать, что они оставили яркий след в памяти всех своих учеников, коллег и друзей. Они являются примерами настоящих патриотов, любящих свою родину, свою работу, и сделавших все возможное для развития образования и науки Бурятии. Что касается вклада в развитие бурятской науки, А. Г. Митрошкина и Л. В. Шулунова оставили память о себе как о выдающихся ономатологах, которые многое сделали впервые. Их научное наследие еще предстоит осмыслить не только в рамках бурятоведения, но и в контексте российской науки об именах собственных.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Функционирование монгольских языков в современном этнокультурном пространстве») № 126020516668-1.

Литература

- Баирова Л. В. Клички домашних животных в бурятском языке / Л. В. Баирова // Вопросы ономастики / Л. В. Баирова. – 1975. – № 10. – С. 142–146.
- Доржиева Г. С. Л. В. Шулунова – основатель научной школы «Региональная ономастика» / Г. С. Доржиева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 25–31.
- Доржиева Г. С. Анастасия Григорьевна Митрошкина / Г. С. Доржиева // Вопросы ономастики. – 2014. – № 2. – С. 161–165.
- Доржиева Г. С. Людмила Владимировна Шулунова: жизнь в науке / Г. С. Доржиева // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. – С. 5–14.
- Дырхеева Г. А. Людмила Владимировна Шулунова – основатель ономастической школы в Бурятии / Г. А. Дырхеева // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. – С. 15–20.
- Езова С. А. Не могу не вспомнить о Людмиле Владимировне Шулуновой / С. А. Езова // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. – С. 211–212.
- Любимова Л. М. Образ бережно хранимый / Л. М. Любимова // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. – С. 212–213.
- Митрошкина А. Г. Проблемы бурятской антропонимики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.16 / А. Г. Митрошкина. – Улан-Удэ, 1989. – 33 с.
- Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия / А. Г. Митрошкина. – Новосибирск: Наука, 1987. – 220 с.
- Митрошкина А. Г. Личные имена бурят / А. Г. Митрошкина. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1995. – 376 с.
- Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. Ч. 1 / А. Г. Митрошкина. – Иркутск: ООО Репроцентр А1, 2008. – 384 с.
- Митрошкина А. Г. Выдающийся лингвист – ономатолог, энергичный организатор востоковедных исследований (к 60-летию со дня рождения профессора Л. В. Шулуновой) // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 14–16.
- Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. Ч. 2: Буддийские имена / А. Г. Митрошкина. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 111 с.
- Нимаева И. Б. Итак, она звалась Людмила / И. Б. Нимаева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 32–33.
- Очиров М.-Ж. А. На пульсе времени / М.-Ж. А. Очиров // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 23–25.
- Свинин В. В. Анастасия Григорьевна Митрошкина: библиографический очерк (к 77-летию со дня рождения) / В. В. Свинин. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1997. – 32 с.
- Семенова В. И. Основатель антропонимической теории бурятской ономастики (к 90-летию со дня рождения проф. А. Г. Митрошкиной) / В. И. Семенова // Современные проблемы монголоведения и региональной ономастики. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 31–37.
- Семенова В. И. Профессор А. Г. Митрошкина – основательница бурятской ономастики / В. И. Семенова // Бурятский язык и литература в школе. – 2025. – № 2. – С. 57–65.
- Хазагарова Л. Б. Уроки научной этики / Л. Б. Хазагарова // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 31–32.
- Харанутова К. А. Мы многим обязаны профессору Шулуновой / К. А. Харанутова // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. – С. 209–211.
- Шагдаров Л. Д. Лидер бурятских ономастов / Л. Д. Шагдаров, Г. А. Дырхеева // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 8–13.
- Шагдаров Л. Д. Корифей ономастики Байкальского региона / Л. Д. Шагдаров, Л. Б. Бадмаева // Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. – С. 23–27.

Шерхунаев Р. А. Профессор Людмила Шулунова / Р. А. Шерхунаев // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 16–23.

Шулунова Л. В. Прозвища в антропонимии бурят / Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – 92 с.

Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья / Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. – 207 с.

References

Bairova L. V. Klichki domashnih zhivotnyh v buryatskom yazyke / L. V. Bairova // Voprosy onomastiki / L. V. Bairova. – 1975. – № 10. – S. 142–146.

Dorzhieva G. S. L. V. Shulunova – osnovatel' nauchnoj shkoly «Regional'naya onomastika» / G. S. Dorzhieva // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 25–31.

Dorzhieva G. S. Anastasiya Grigor'evna Mitroshkina / G. S. Dorzhieva // Voprosy onomastiki. – 2014. – № 2. – S. 161–165.

Dorzhieva G. S. Lyudmila Vladimirovna Shulunova: zhizn' v nauke / G. S. Dorzhieva // Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennyh i zarubezhnyh gumanitarnyh nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2021. – S. 5–14.

Dyrheeva G. A. Lyudmila Vladimirovna Shulunova – osnovatel' onomasticheskoy shkoly v Buryatii / G. A. Dyrheeva // Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennyh i zarubezhnyh gumanitarnyh nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2021. – S. 15–20.

Ezova S. A. Ne mogu ne vspomnit' o Lyudmile Vladimirovne Shulunovoj / S. A. Ezova // Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennyh i zarubezhnyh gumanitarnyh nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2021. – S. 211–212.

Lyubimova L. M. Obraz berezhno hranimyj / L. M. Lyubimova // Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennyh i zarubezhnyh gumanitarnyh nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2021. – S. 212–213.

Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya / A. G. Mitroshkina. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 220 s.

Mitroshkina A. G. Problemy buryatskoj antroponimiki: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.16 / A. G. Mitroshkina. – Ulan-Ude, 1989. – 33 s.

Mitroshkina A. G. Lichnye imena buryat / A. G. Mitroshkina. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1995. – 376 s.

Mitroshkina A. G. Slovar' buryatskih lichnyh imen. Opyt lingvo-social'no-lokal'no-hronologicheskogo slovaryia. Ch. 1 / A. G. Mitroshkina. – Irkutsk: OOO Repro-centr A1, 2008. – 384 s.

Mitroshkina A. G. Vydayushchijsya lingvist – onomatolog, energichnyj organizator vostokovednyh issledovanij (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya professora L. V. Shulunovoj) // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 14–16.

Mitroshkina A. G. Slovar' buryatskih lichnyh imen. Opyt lingvo-social'no-lokal'no-hronologicheskogo slovaryia. Ch. 2: Buddijskie imena / A. G. Mitroshkina. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2013. – 111 s.

Nimaeva I. B. Itak, ona zvalas' Lyudmila / I. B. Nimaeva // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 32–33.

Ochirov M.-Zh. A. Na pul'se vremeni / M.-Zh. A. Ochirov // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 23–25.

Svinin V. V. Anastasiya Grigor'evna Mitroshkina: bibliograficheskij ocherk (k 77-letiyu so dnya rozhdeniya) / V. V. Svinin. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1997. – 32 s.

Semenova V. I. Osnovatel' antroponimicheskoy teorii buryatskoj onomastiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. G. Mitroshkinoy) / V. I. Semenova // Sovremennye problemy mongolovedeniya i regional'noj onomastiki. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. – S. 31–37.

Semenova V. I. Professor A. G. Mitroshkina – osnovatel'nica buryatskoj onomastiki / V. I. Semenova // Buryatskij yazyk i literatura v shkole. – 2025. – № 2. – S. 57–65.

Hazagarova L. B. Uroki nauchnoj etiki / L. B. Hazagarova // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 31–32.

Haranutova K. A. My mnogim obyazany professoru Shulunovoj / K. A. Haranutova // Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennyh i zarubezhnyh gumanitarnyh nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2021. – S. 209–211.

Shagdarov L. D. Lider buryatskih onomastov / L. D. Shagdarov, G. A. Dyrheeva // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 8–13.

Shagdarov L. D. Korifej onomastiki Bajkal'skogo regiona / L. D. Shagdarov, L. B. Badmaeva // Aktual'nye problemy mongolovedeniya i tyurkologii. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2019. – S. 23–27.

Sherhunaev R. A. Professor Lyudmila Shulunova / R. A. Sherhunaev // Aktual'nye problemy gumanitarnyh issledovanij. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. – S. 16–23.

Shulunova L. V. Prozvishcha v antroponimii buryat / L. V. Shulunova. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1985. – 92 s.

Shulunova L. V. Onomastika Pribajkal'ya / L. V. Shulunova. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1995. – 207 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026;

одобрена после рецензирования: 27.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 09.04.2026;

approved after reviewing: 27.04.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК 902/904

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-135-140

Д. А. Миягашев**ЮЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ ХУННУ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ:
ОТКРЫТЫЙ СЕМИНАР ПРОФЕССОРА ПАНЬ ЛИН В ИМБТ СО РАН**

В статье изложен обзор доклада профессора Пань Лин (Северо-Западный университет, Сиань, Китай), представленного 19 марта 2026 г. в рамках серии открытых семинаров ИМБТ СО РАН. Доклад посвящен южным культурным элементам в материальной культуре хунну и их распространению на северо-востоке Китая. Автор выделяет 10 типов южных элементов и определяет территорию их распространения. Во второй части доклада рассматриваются типы погребений и категории артефактов, которые через посредство хунну проникли на северо-восток Китая и в Восточное Забайкалье. Делается вывод о ключевой роли западного сектора Северной культурной зоны в формировании культуры хунну и в последующей трансляции культурных черт в степные и лесостепные районы Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: хунну, Северный Китай, археология, Пань Лин, открытый семинар ИМБТ СО РАН.

Для цитирования: Миягашев Д. А. Южные элементы в культуре хунну и их распространение на северо-востоке Китая: открытый семинар профессора Пань Лин в ИМБТ СО РАН // Восточный азимут: экономика, социология, этнология – 2026. – № 2(5). – С. 135–140. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-135-140

D. A. Miyagashev**SOUTHERN ELEMENTS IN XIONGNU CULTURE AND THEIR SPREAD
IN NORTHEAST CHINA: OPEN SEMINAR BY PROFESSOR PAN LING
AT THE IMBT SB RAS**

This paper presents an overview of a presentation by Professor Pan Ling (Northwest University, Xi'an, China) delivered at the open seminar of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS) on March 19, 2026. The report focuses on southern-derived cultural elements in the material culture of the Xiongnu and their spread to Northeast China. The author identifies ten types of southern elements and determines their distribution area. The second part of the paper examines burial types and artifact categories that penetrated into Northeast China and Eastern Transbaikalia through the intermediary of the Xiongnu. The conclusion emphasizes the key role of the western sector of the Northern Cultural Belt in the formation of Xiongnu culture and in the subsequent transmission of cultural traits to the steppe and forest-steppe regions of Northeast Asia.

Keywords: Xiongnu, Northern China, archaeology, Pan Ling, open seminar of IMBT SB RAS.

В рамках серии открытых семинаров в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН 19 марта 2026 г. был представлен доклад профессора Школы культурного наследия Северо-Западного университета (г. Сиань, Китай), Ph. D. Пань Лин на тему «Южные элементы в культуре хунну и их распространение на северо-востоке Китая». Профессор Пань Лин – известный специалист в области археологии Северо-Восточного Китая и сопредельных регионов; область ее научных интересов – выявление форм и путей этнокультурного взаимодействия древнего Китая с народами степной зоны Евразии. Ее перу принадлежат такие работы, как «Исследование Иволгинского городища и могильника, и связанных с ними проблем хуннской археологии» [Pan 2007], «Исследование котлов позднего периода Северного Китая» [Pan 2015], а также «Металлический путь восточной части Евразийской степи» [Yang, Shao, Pan 2020].

Миягашев Денис Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID: 0000-0001-8923-3545. E-mail: silker10@yandex.ru.

Miyagashev Denis Alekseevich – Candidate of Sciences in History, Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID: 0000-0001-8923-3545. E-mail: silker10@yandex.ru.

Профессор Пань Лин

Открытый семинар профессора Пань Лин в ИМБТ СО РАН

Широкую известность среди археологов за пределами Китая профессор Пань Лин получила благодаря работе «Исследование Иволгинского городища и могильника, и связанных с ними проблем хуннской археологии» [Pan 2007]. В ней автор значительное внимание уделила вопросам хронологии Иволгинского городища и могильника. На основе анализа археологического материала из Иволги и сопоставления его с аналогиями с территории Китая Пань Лин высказала мнение, что Иволгинский комплекс синхронен наиболее раннему памятнику хунну на территории Китая – могильнику Даодунцзы. Данные памятники датируются примерно II–I вв. до н. э. и относятся автором к эпохе Западной (Ранней) Хань. Другие памятники Забайкалья рассматриваются как одновременные с Иволгой, но они могли существовать вплоть до раннего этапа Восточной (Поздней) Хань [Pan 2007; Yang, Shao, Pan 2020; Крадин 2024]. Кроме того, Пань Лин отметила, что деление памятников хунну на два этапа – суджинский и дырестуйский [Миняев 1975] – является ошибочным.

Доклад профессора Пань Лин, представленный на семинаре, является логическим продолжением ее исследований культурных контактов между Северной зоной Китая и Евразийской степью. Первая часть доклада посвящена типологии южных элементов в культуре хунну, под которыми она подразумевает элементы материальной культуры, заимствованные хунну в период, когда они еще проживали в районах к северу от Великой Китайской стены в эпоху Воюющих царств (Чжаньго). По мнению

Пань Лин, в культуре хунну «южные элементы» фиксируются в декоре и формах керамических сосудов, сюжетах художественных поясных пластин, а именно:

1. Спиральный узор и орнамент в виде банановых листьев.
2. Лощенные полосы.
3. Сосуды с уплощенным туловом.
4. Сосуды с округлыми или дуговидными плечиками и сужающимся устьем.
5. Сосуды с дуговидным перегибом плечиков.
6. Сосуды с дуговидным перегибом плеча и вытянутым туловом.
7. Пифособразные сосуды / амфоры.
8. Сосуды с ушком.
9. Изображение дракона со змеевидным телом.
10. Поясные пластины с сетчатым (змеиным) орнаментом.

Выделенные элементы в материальной культуре хунну имеют аналогии с находками из памятников эпохи Чжаньго на территории Северного Китая. Исходя из этого, Пань Лин приходит к выводу, что исходная область происхождения «южных элементов» в культуре хунну – территория современных провинций Ганьсу и Нинся. В китайской историографии эта область называется Северный культурный пояс (или зона) – территория, которая в поздний период Чжаньго оставалась вне контроля царств Цинь, Чжао и Янь [Shan 2016]. Наличие аналогий с материалами из Юньмэн (пров. Хубэй) и Хоума (юго-запад провинции Шаньси) объясняется тем, что часть носителей этих культурных традиций вошла в состав конфедерации хунну, а другая была переселена в эти районы циньцами после их победы над ними. Прямое влияние с территории Центральной равнины имело место, но было минимально и, вероятнее всего, опосредовано.

В отечественной историографии не раз отмечалось, что в керамическом комплексе хунну выделяются черты, указывающие на заимствования с территории Китая, и даже высказывалась мысль, что их изготовлением могли заниматься пленные китайские мастера [Давыдова 1960; Руденко 1962; Коновалов 1976]. Однако точный ареал, откуда они происходили, не обозначался. В целом в культурном облике хунну, в частности в памятниках Западного Забайкалья, присутствуют традиции, которые не находят аналогий в местных культурах. Это касается появления поселений с жилищами-полуземлянками с канами, распространения земледелия и специализированных орудий труда, а также традиции детских захоронений в глиняных сосудах, которые находят аналогии в памятниках Северного Китая.

Вторая часть доклада профессора Пань Лин была посвящена выявлению в материалах памятников Северо-Восточного Китая (Хоутаомуга, Пинъян, Саныцзяцзы, Сичагоу, Лаохэшэнь) и сопредельной территории Восточного Забайкалья (Забайкальский край) южных культурных элементов, которые были привнесены хунну в начале эпохи Западной (Ранней) Хань – ранний этап Восточной (Поздней) Хань. Автор доклада отмечает, что в это время здесь появляются нехарактерные для региона типы погребальных сооружений и некоторые категории артефактов:

1. Могила с подбоем.
2. Могила с вертикальным входным колодцем.
3. Колесные стержни (чеки) с антропоморфным навершием.
4. Колокольчики с подвижной петлей и крышкой.
5. Крупные бронзовые бляхи с петлей на обороте и граненым фасом («сердечные зеркала»).
6. Многосоставные армлеты (браслеты, надевавшиеся на предплечье).

Могила с подбоем были широко распространены в западном секторе Северной культурной зоны в эпоху Чжаньго. В эпоху Западной Хань они встречаются в Ганьсу и Нинся. После того как носители этой традиции вошли в состав хунну, погребения с подбоем появляются в Восточном Забайкалье (могильник Зоргол-1) и в Северо-Восточном Китае. Могила второго типа попали в Северо-Восточный Китай не из соседних ханьских территорий, а вместе с хунну. Не исключено, что они могли попасть сюда вместе с группами, пришедшими из Гуаньчжуна (или западной части Северной зоны), также входившими в состав конфедерации хунну в период, когда те контролировали эти территории.

Самые ранние могильники, в которых появляются прямые катакомбы, колесные стержни с антропоморфными навершиями, а также колокольчики с крышкой и крупные бронзовые бляхи с петлей

на обороте и граненым фасом, относятся преимущественно к культуре Ханьшу (или ко второму периоду культуры Ханьшу). На раннем этапе эпохи Западной Хань носители этой культуры мигрировали с равнины Суннэнь (Сунгари-Нонни) на юг, к северу от Великой стены в северной части Ляонина. Возможно, это были племена ухуань.

Погребальные сооружения и инвентарь, появившиеся в Западную Хань на северо-востоке Китая и прилегающих территориях, происходят из региона Ганьсу-Нинся Северной культурной зоны. За исключением могил с прямой горизонтальной камерой, в отношении которых нельзя исключать влияние населения Центральной равнины из Гуаньчжуна, все остальные элементы являются традициями именно Северной культурной зоны. Они появляются здесь в эпоху Западной Хань. В эпоху Восточной Хань они встречаются только в могильниках Фууй и Когурё, а после периода Шестнадцати государств (IV–V вв.) полностью исчезают.

Таким образом, Северная культурная зона (особенно ее западный сектор) сыграла ключевую роль не только в формировании ранней культуры хунну, но и в последующей передаче китайских по происхождению культурных черт в степи и лесостепи Северо-Восточной Азии через посредство хунну.

Могильник Зоргол-1 в Восточном Забайкалье российскими исследователями относится к Зоргольской культуре и связывается с племенами сяньби [Кириллов, Ковычев, Литвинцев 1996, 1998, 2001; Ковычев, Яремчук 2000; Яремчук 2005]. Профессор Пань Лин, в свою очередь, отмечает, что в памятниках культуры хунну также встречаются могилы с подбоем. Самыми ранними из известных на сегодняшний день являются захоронения в могильнике Даодунцзы в уезде Тунсинь (Нинся), датируемые средним этапом – концом эпохи Западной Хань. Могильник Даодунцзы представляет собой памятник западных племен (очевидно, южных. – Д. А.) хунну, перешедших на сторону империи Хань. Могилы с подбоем могильника Зоргол-1 и могильника Даодунцзы одновременны. К этому же кругу памятников, по мнению Пань Лин, относятся могилы с подбоем могильника Аймырлыг XXXI в Туве [Стамбульник 1983] и Айрагийн-Гозгор в Монголии [Одбаатар и др. 2023]. Могилы с подбоем были распространенным типом погребальных сооружений в западном секторе Северной культурной зоны в эпоху Чжаньго. В период Западной Хань они продолжают существовать в Ганьсу и Нинся, а также в небольшом количестве встречаются в районах Великой Китайской стены. Могильник Зоргол-1 датируется временем, предшествующим или синхронным появлению могил с подбоем в собственно хуннских памятниках, поэтому наиболее вероятно, что они происходят от более ранней традиции устройства могил с подбоем, которая была распространена в западном секторе Северной культурной зоны. Этот вывод сходен с ситуацией в могильнике Даодунцзы: группы населения из западного сектора Северной культурной зоны, вошедшие в состав конфедерации хунну, привнесли эту традицию на территорию Восточного Забайкалья. Этот аспект вызвал значительный интерес в связи с открытием на территории Монголии новых памятников с погребениями в могилах с подбоем, которые соотносятся с сяньби. Результаты этих исследований постоянно находятся в центре внимания.

В целом прошедший семинар стал значимым событием для обсуждения археологии хунну. В своем докладе профессор Пань Лин представила результаты исследований формирования культуры хунну с привлечением обширного материала из памятников с территории Китая, зачастую недоступного российским исследователям. В этих условиях становится очевидной необходимость международной кооперации и междисциплинарных подходов в археологии.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Источники и литература

Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище / А. В. Давыдова // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1960. – С. 143–165.

Кириллов И. И. Могильник 1-го тыс. н. э. из окрест. с. Зоргол / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, А. Ю. Литвинцев // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVI РАЭСК. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – С. 126–129.

Кириллов И. И. Граффити на бересте из сяньбийского могильника Зоргол-1 / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, А. Ю. Литвинцев // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII РАЭСК. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – С. 54–56.

Кириллов И. И. Сяньбийские граффити на бересте из могильника Зоргол-1 / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, А. Ю. Литвинцев // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: мат-лы Междунар. науч. конф. – Владивосток, 2001. – С. 266–272.

Ковычев Е. В. Погребальный обряд могильника Зоргол-1 / Е. В. Ковычев, О. А. Яремчук // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: мат-лы XXXX РАЭСК. Т. 3. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – С. 60–69.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Крадин Н. Н. Северный город Хуннской державы / Н. Н. Крадин // Археологические вести. – 2024. – № 43. – С. 35–45.

Миняев С. С. К хронологии сюннуских памятников Забайкалья / С. С. Миняев // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: краткие тез. докл. на конф. – Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. – С. 47–48.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы / С. И. Руденко – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 206 с.

Стамбульник Э. У. Новые памятник гунно-сарматского времени в Тува. Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках) / Э. У. Стамбульник. – Л.: Наука, 1983. – С. 34–40.

Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Яремчук. – Чита, 2005. – 295 с.

Одбаатар Ц. Айрагийн гозгорт явуулсан археологийн судалгаа (2014–2017 оны судалгааны ажлын тайлан) [Archaeological research conducted in the Ayragiyn Gozogort (2014–2017 research report)] / Ц. Одбаатар, Б. Даваацэрэн, М. Нямбат, Г. Бүрэнтөгс, С. Энхболд, Ц. Эгийма. – Улаанбаатар, 2023. – С. 45–52. (на монг. яз.)

Pan L. Yiwoerjia chengzhi he mudi ji xiangguan xiongnu kaogu wenti yanjiu [Archaeological research on Ivolga site and cemetery and related Xiongnu issues] / L. Pan. – Beijing: Kexue Press, 2007. – 219 p.

Pan L. Zhunggo beyfang wangqi fu yanjiu [Late-period cauldron research in northern China] / L. Pan. – Beijing: Kexue Press, 2015. – 166 p.

Shan Y. The pattern of archaeological cultures in northern China during the Eastern Zhou Period to the Qin Dynasty – also on the interactions among the Rong, Di and Hu ethnic groups and the Central Plains / Y. Shan // Chinese Archaeology. – 2016. – Vol. 16. – No. 1. – P. 178–188.

Yang J. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road / J. Yang, H. Shao, L. Pan. – Singapore: Springer, 2020. – 640 p.

References

Davydova A. V. Novye dannye ob Ivolginskom gorodishche / A. V. Davydova // Trudy BKNII SO AN SSSR. Vyp. 3. – Ulan-Ude: Izd-vo BF SO AN SSSR, 1960. – С. 143–165.

Kirillov I. I. Mogil'nik 1-go tys. n. e. iz okrest, s. Zorgol / I. I. Kirillov, E. V. Kovychev, A. Yu. Litvincev // Arheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. XXXVI RAESK. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1996. – S. 126–129.

Kirillov I. I. Graffiti na bereste iz syan'bijskogo mogil'nika Zorgol-1 / I. I. Kirillov, E. V. Kovychev, A. Yu. Litvincev // Arheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. XXXVIII RAESK. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1998. – S. 54–56.

Kirillov I. I. Syan'bijskie graffiti na bereste iz mogil'nika Zorgol-1 / I. I. Kirillov, E. V. Kovychev, A. Yu. Litvincev // Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoj Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bohaj: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. – Vladivostok, 2001. – S. 266–272.

Kovychev E. V. Pogrebal'nyj obryad mogil'nika Zorgol-1 / E. V. Kovychev, O. A. Yaremchuk // Nasledie drevnih i tradicionnyh kul'tur Severnoj i Central'noj Azii: mat-ly XXXX RAESK. Т. 3. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2000. – S. 60–69.

Kononov P. B. Hunnu v Zabajkal'e (pogrebal'nye pamyatniki) / P. B. Kononov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1976. – 248 s.

Kradin N. N. Severnyj gorod Hunnskoj derzhavy / N. N. Kradin // Arheologicheskie vesti. – 2024. – № 43. – S. 35–45.

Minyaev S. S. K hronologii syunnuskih pamyatnikov Zabajkal'ya / S. S. Minyaev // Rannie kochevniki Srednej Azii i Kazahstana: kratkie tez. dokl. na konf. – L.: LOIA AN SSSR, 1975. – S. 47–48.

Rudenko S. I. Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany / S. I. Rudenko – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. – 206 s.

Stambul'nik E. U. Novye pamyatnik gunno-sarmatskogo vremeni v Tuva. Drevnie kul'tury evrazijskih stepej (po materialam arheologicheskikh rabot na novostrojках) / E. U. Stambul'nik. – L.: Nauka, 1983. – S. 34–40.

Yaremchuk O. A. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik hunno-syan'bijskoj epohi stepnoj Daurii: dis. ... kand. ist. nauk / O. A. Yaremchuk. – Chita, 2005. – 295 s.

Odbaatar C. Ajragijn gozgort yavuulsan arheologijn sudalgaa (2014–2017 ony sudalgaany azhlyn tajlan) [Archaeological research conducted in the Ayragijn Gozogort (2014–2017 research report)] / C. Odbaatar, B. Davaaeren, M. Nyambat, G. Byrentegs, S. Enhbold, C. Egijma. – Ulaanbaatar, 2023. – S. 45–52. (na mong. yaz.)

Pan L. Yiwoerjia chengzhi he mudi ji xiangguan xiongnu kaogu wenti yanjiu [Archaeological research on Ivolga site and cemetery and related Xiongnu issues] / L. Pan. – Beijing: Kexue Press, 2007. – 219 p.

Pan L. Zhunggo beyfang wangqi fu yanjiu [Late-period cauldron research in northern China] / L. Pan. – Beijing: Kexue Press, 2015. – 166 p.

Shan Y. The pattern of archaeological cultures in northern China during the Eastern Zhou Period to the Qin Dynasty – also on the interactions among the Rong, Di and Hu ethnic groups and the Central Plains / Y. Shan // Chinese Archaeology. – 2016. – Vol. 16. – No. 1. – P. 178–188.

Yang J. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road / J. Yang, H. Shao, L. Pan. – Singapore: Springer, 2020. – 640 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026;

одобрена после рецензирования: 27.04.2026;

принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 09.04.2026;

approved after reviewing: 27.04.2026;

accepted for publication: 10.07.2026.

Научная статья

УДК614.2(571.54)

DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-141-145

П. К. Варнавский**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ:
ОБЗОР ДОКЛАДА Е. Ю. БАШКУЕВОЙ
НА ОТКРЫТОМ СЕМИНАРЕ ИМБТ СО РАН**

В статье представлен обзор открытого семинара ИМБТ СО РАН, проведенного 2 декабря 2025 г. с. н. с. ОРЭИ ИМБТ СО РАН Е. Ю. Башкуевой. Доклад базируется на результатах авторских социологических исследований 2013–2025 гг. Рассматриваются ключевые проблемы регионального здравоохранения: низкая оснащенность сельских ФАПов, кадровый дефицит, проблемы качества и безопасности медицинской деятельности, вызовы цифровизации. Отдельное внимание уделено опыту борьбы с пандемией COVID-19, потенциалу восточной и интегративной медицины. Предложены перспективные направления развития: телемедицина, целевая подготовка кадров, усиление профилактики и пропаганды здорового образа жизни с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье, социология медицины, медицинская деятельность, кадровая обеспеченность, сельская медицина, цифровизация, Республика Бурятия.

Для цитирования: Варнавский П. К. Проблемы и перспективы развития государственной системы здравоохранения Республики Бурятия: обзор доклада Е. Ю. Башкуевой на открытом семинаре ИМБТ СО РАН // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 2(5). – С. 141–145. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-2-141-145

P. K. Varnavsky**PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF THE STATE HEALTHCARE SYSTEM IN THE REPUBLIC
OF BURYATIA: A REVIEW OF THE REPORT BY E. Yu. BASHKUEVA
AT THE OPEN SEMINAR OF THE IMBT SB RAS**

This article presents an overview of the open seminar of the IMBT SB RAS, held on December 2, 2025, by E. Yu. Bashkueva, Senior Researcher at the DRES IMBT SB RAS. The report is based on the results of the author's sociological research from 2013 to 2025. Key issues in regional healthcare are discussed: the underequipment of rural feldsher-midwife stations, staffing shortages, quality and safety issues in medical care, and the challenges of digitalization. Special attention is given to the experience of combating the COVID-19 pandemic and the potential of Eastern and integrative medicine. Prospective development areas proposed include telemedicine, targeted training, and strengthening prevention and healthy lifestyle promotion, taking into account regional specificities.

Keywords: healthcare, health, sociology of medicine, medical practice, staffing, rural medicine, digitalization, Republic of Buryatia.

2 декабря 2025 г. старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований ИМБТ СО РАН, к. и. н. Е. Ю. Башкуева провела открытый семинар ИМБТ СО РАН на тему «Проблемы и перспективы развития государственной системы здравоохранения Республики Бурятия: взгляд социолога». Его цель – не только анализ многочисленных проблем этой важнейшей социальной отрасли, но и открытое обсуждение перспективных направлений социологических исследований, направленных на повышение доступности и качества медицинской помощи в нашей республике. На сегодня результаты многолетних исследований Елены Юрьевны представляют собой наиболее пол-

Варнавский Павел Кондратьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: wpk1@mail.ru.

Varnavsky Pavel Kondratievich – Candidate of Sciences in History, Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: wpk1@mail.ru.

ную и научно обоснованную диагностику проблем состояния здоровья населения Республики Бурятия и ее системы здравоохранения. Немаловажно, что исследователь интегрирована в региональную систему здравоохранения и имеет опыт работы в крупнейшей многопрофильной медицинской организации региона – ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко» и в Министерстве здравоохранения Республики Бурятия. Помимо этого, Е. Ю. Башкуева активно занимается общественной работой, является ответственным секретарем общественного совета Министерства здравоохранения Республики Бурятия и членом региональной экспертной группы Агентства стратегических инициатив. Все это позволяет проводить исследования на высоком организационном уровне с охватом большого количества медицинских организаций, медработников и пациентов, с использованием интегрированных социологических методик. Ежегодно по результатам НИР направляется аналитические записки в региональное министерство здравоохранения с конкретными научно-практическими предложениями по решению актуальных проблем здравоохранения Республики Бурятия – таким образом, проведенные исследования носят ярко выраженный прикладной характер. Докладчиком опубликовано большое количество научных статей в рецензируемых научных журналах [Башкуева 2015а, б, 2022] и ежегодно представляются научные доклады на научных конференциях международного, всероссийского и регионального уровней.

Важной отличительной чертой представленного доклада является многообразие проблем, проанализированных автором и значительный временной интервал – исследования проводились на протяжении 12 лет – с 2013 г. по настоящее время, причем охватили и такой яркий и сложный период работы системы здравоохранения, как пандемия COVID-19, о которой уже многие забывают.

Сегодня в России и мире социология медицины является актуальной, востребованной и динамично развивающейся отраслью социологической науки. В России ее институционализация связана с работой двух исследовательских комитетов Российского общества социологов («Социология медицины» под руководством акад. А. В. Решетникова и «Социология здоровья и здравоохранения» под руководством д. социол. н. И. В. Журавлевой), которые на федеральном уровне организуют проведение различных исследований и оказывают методологическую помощь членам комитетов.

Большое внимание в докладе уделено состоянию здоровья и медицинского обслуживания студенческой и работающей молодежи Бурятии. Система медицинского обслуживания студенческой молодежи Республики Бурятия отвечает потребностям этого контингента, так как максимально приближена к месту обучения, осуществляется всеми необходимыми специалистами и методами диагностического исследования, возможностью совмещать лечение с учебным процессом в условиях дневного стационара. Ссузам и вузам Бурятии следует разрабатывать и реализовывать комплексные целевые программы «Образование и здоровье», создавать Центры содействия укреплению здоровья студентов, работать в тесном сотрудничестве с Республиканским и Городским центрами медпрофилактики и более интенсивно развивать волонтерское движение (по профилактике различных заболеваний). Для укрепления здоровья работающей молодежи важна ответственная позиция работодателей, реализация корпоративных программ оздоровления, своевременное прохождение диспансеризации, в т. ч. и по линии репродуктивного здоровья.

В докладе подробно освещены проблемы сельского здравоохранения Республики Бурятия, выявленные по результатам экспедиционных обследований ОРЭИ БНЦ СО РАН Баргузинского (март 2014 г.), Заиграевского (июнь 2015 г.), Прибайкальского (август 2016 г.) районов, выездных обследований Общественного совета при Министерстве здравоохранения РБ Заиграевского (апрель 2024 г.) и Иволгинского (июнь 2024 г.) районов. Согласно результатам анкетирования населения Баргузинского и Заиграевского районов, параметр «оснащенность медицинским оборудованием» вызывает наибольшую неудовлетворенность, демонстрируя отрицательные коэффициенты удовлетворенности. Данные опроса коррелируют с отчетностью центральных районных больниц и экспертными интервью медицинских работников. Так, в Баргузинском районе износ оборудования, необходимого для оказания помощи в соответствии с современными стандартами, достигает 57,2 %. В ряде фельдшерско-акушерских пунктов отсутствует базовое оснащение, включая сухожаровой шкаф для стерилизации инструментов (ФАП с. Хилгана) и медицинские весы (ФАП с. Бодон). Вместе с тем реализация национального проекта «Здравоохранение» и программы модернизации первичного звена позволила существенно укрепить материально-техническую базу сельских медицинских организаций: в респуб-

лике возведено 76 новых ФАПов и врачебных амбулаторий (из них 47 – за последние 2 года). По программе «Комплексное развитие сельских территорий» завершено строительство поликлиники в с. Тарбагатай; проведен капитальный ремонт 79 объектов, осуществлены закупки медицинского оборудования, санитарного транспорта и мобильных комплексов для отдаленных районов. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, сохраняется высокий износ инфраструктуры сельских амбулаторий и ФАПов. К числу наиболее острых задач относятся строительство нового корпуса Республиканской клинической инфекционной больницы, капитальный ремонт ГАУЗ «Городская больница № 4» и модернизация материально-технической базы ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер».

Особый акцент в докладе сделан на проблеме управления региональным здравоохранением и его кадровым обеспечением. Ключевой детерминантой определен дефицит квалифицированных кадров, обусловленный низкой социальной привлекательностью медицинской профессии. Выявлен «двойной дефицит» врачей (прежде всего узких специальностей) и среднего медперсонала, усугубляемый старением кадров и миграционным оттоком молодежи. Автор аргументирует необходимость федеральной политики выравнивания заработной платы для закрепления кадров и сглаживания территориальных диспропорций, вызывающих переток специалистов из депрессивных регионов в экономически развитые. Кадровый дефицит продуцирует мультипликативный негативный эффект, снижая доступность и качество медицинской помощи, причем проблема актуальна не только для сельских территорий, но и для столицы региона – Улан-Удэ.

Отдельной масштабной проблемой выступает качество и безопасность медицинской деятельности. Республика столкнулась с резонансными случаями халатности и ятрогенных осложнений, получившими широкий общественный резонанс (дело Захара Котенко, нозокомиальное инфицирование гепатитом С в онкодиспансере). В то же время Бурятия принадлежит к числу немногих субъектов РФ, где сформирована единая территориальная система качества и безопасности, внедряются рекомендации Росздравнадзора по внутреннему контролю в медицинских организациях. Перспективы повышения качества помощи связываются с развитием как профессиональных, так и универсальных компетенций медицинского персонала.

Большим испытанием для здравоохранения Бурятии стала пандемия COVID-19. Ряд комплексных исследований, проведенных докладчиком, показал, что внедренные основные современные организационные технологии борьбы с пандемией сыграли ключевую роль в решении всей массы обусловленных ею проблем и способствовали грамотному функционированию системы здравоохранения в период жесточайшей нагрузки и огромной социальной ответственности. Деятельность ковидных такси, готовность пациентов применять новые дистанционные методы лечения, чтобы снизить нагрузку на медиков и вероятность дальнейшего распространения инфекции, работа волонтеров – все эти новые организационные технологии являются индикаторами высокого уровня социальной сплоченности регионального общества перед лицом эпидемиологической опасности.

Докладчиком были также освещены проблемы цифровизации системы регионального здравоохранения и внедрения инновационных медицинских технологий. По результатам проведенных исследований установлено, что развитие цифровой трансформации системы здравоохранения и внедрение инновационных проектов в Республике Бурятия находятся на раннем этапе. В качестве основных негативных факторов выделены дефицит и высокая текучесть IT-специалистов, нехватка навыков медицинского персонала, необходимость значительных финансовых затрат из-за постоянного роста стоимости ресурсов. Определены проблемы и перспективы применения инновационных методов диагностики и лечения, в т. ч. в ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко». Выявлены недостатки организационно-методической работы Министерства здравоохранения Республики Бурятия по содействию инновационному развитию подведомственных медицинских организаций. Для повышения эффективности управления процессом цифровизации и внедрения инновационных технологий предложено проводить его мониторинг. В качестве основных показателей успешного внедрения цифровых и инновационных проектов в региональное здравоохранение предлагается рассматривать увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения региона, повышение доступности и качества медицинской помощи.

В своем докладе Е. Ю. Башкуева также много внимания уделила развитию восточной и интегративной медицины в Республике Бурятия, отметив их высокий потенциал. Ограничивающими факто-

рами их развития являются несовершенство государственного управления в сфере здравоохранения (отсутствие стратегических программ и мониторинга), низкий уровень бюджетного финансирования медицинских организаций, их материально-технической базы, кадровый дефицит. Возможности развития восточной и интегративной медицины в регионе напрямую связаны с дальнейшим укреплением научно-технологического и инвестиционного сотрудничества со странами Азии, особенно с Китаем и Монголией, в т. ч. в рамках программы трехстороннего экономического коридора. Для разработки документов стратегического планирования в обозначенной области потребуются углубленные экономические и медико-социологические исследования.

В завершение доклада были представлены возможные сценарии развития здравоохранения Республики Бурятия и обозначены основные перспективы развития отрасли. Во-первых, это развитие телемедицинских технологий как ключевого инструмента преодоления расстояний. Телемедицина – это не просто дополнительная опция, а самостоятельное стратегическое направление для Бурятии. Для решения кадровой проблемы следует максимально усилить целевую подготовку и закрепление кадров. Для укрепления здоровья населения Бурятии чрезвычайно важно усиление профилактического направления. Необходимо усилить развитие системы профилактики, особенно в сельских школах и на рабочих местах, с учетом основных факторов риска, характерных для региона. Важнейшее значение имеет пропаганда здорового образа жизни через адаптированные к местным условиям и культуре программы.

Участовавшие в дискуссии коллеги отметили важность научной работы Е. Ю. Башкуевой, в т. ч. ее междисциплинарность и прикладную ориентированность. Все выводы докладчика подкрепляются конкретными данными статистики, результатами полевых исследований и социологических опросов, что делает их ценным материалом для органов государственной власти Республики Бурятия при принятии управленческих решений. Докладчик продемонстрировал системный взгляд: здравоохранение Бурятии рассматривается не изолированно, а как часть социально-экономической системы региона, напрямую зависящая от демографии, транспорта, рынка труда и культурных особенностей.

Таким образом, доклад не только выявил хронические проблемы (пространственное неравенство, кадровый голод), но и предложил реалистичные, адаптированные к условиям Бурятии перспективы развития. Ключевыми из них являются ставка на цифровизацию (телемедицина) и умную реорганизацию медицинской сети, которые должны стать основой для обеспечения конституционных прав граждан на охрану здоровья вне зависимости от места их проживания.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Литература

Башкуева Е. Ю. Региональные проблемы системы здравоохранения в условиях модернизации (по материалам Республики Бурятия) / Е. Ю. Башкуева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015а. – № 1(32). – С. 100–112.

Башкуева Е. Ю. Удовлетворенность населения качеством медицинской помощи (по материалам Республики Бурятия) / Е. Ю. Башкуева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015б. – № 4(35). – С. 84–93.

Башкуева Е. Ю. Проблемы качества и безопасности медицинской деятельности в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ по материалам Республики Бурятия / Е. Ю. Башкуева // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 2. – С. 125–141.

References

Bashkueva E. Yu. Regional'nye problemy sistemy zdavoohraneniya v usloviyah modernizacii (po materialam Respubliki Buryatiya) / E. Yu. Bashkueva // Ojkumena. Regiono-vedcheskie issledovaniya. – 2015a. – № 1(32). – S. 100–112.

Bashkueva E. Yu. Udovletvorennost' naseleniya kachestvom medicinskoj pomoshchi (po materialam Respubliki Buryatiya) / E. Yu. Bashkueva // Ojkumena. Regionovedcheskie is-sledovaniya. – 2015b. – № 4(35). – S. 84–93.

Bashkueva E. Yu. Problemy kachestva i bezopasnosti medicinskoj deyatel'nosti v usloviyah pandemii COVID-19: sociologicheskij analiz po materialam Respubliki Buryatiya / E. Yu. Bashkueva // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2022. – № 2. – S. 125–141.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026;
одобрена после рецензирования: 26.06.2026;
принята к публикации: 10.07.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 10.06.2026;
approved after reviewing: 26.06.2026;
accepted for publication: 10.07.2026.

ВОСТОЧНЫЙ АЗИМУТ:
ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

Сетевой научный журнал
№ 2(5)

Выходит 4 раза в год

Ответственный секретарь *Н. А. Бабуева*
Редактор, корректор *Г. В. Кашина, Р. А. Багаева, А. Е. Болонев*
Компьютерная верстка и макет – *А. Е. Болонев, Н. А. Бабуева*

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Восточный азимут: экономика, социология, этнология» обязательна.

Тел. отв. ред.: 8(3021) 43-37-04. E-mail: azorient@mail.ru

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Дата выхода 20.07.2026.
Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 15,8